

ГОУ ВПО «УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

*На правах рукописи*

**Медведева Диана Игоревна**

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ  
КОНЦЕПТА «ЗАПРЕТ»  
В ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗНАКАХ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

Научный руководитель:  
доктор филологических наук,  
профессор Т.И. Зеленина

Ижевск – 2008

## СОДЕРЖАНИЕ

|                                                                                                     |     |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| ВВЕДЕНИЕ .....                                                                                      | 3   |
| Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ .....                                                    | 9   |
| 1.1. ПРОБЛЕМАТИКА ЗАПРЕТА В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ .....                                               | 9   |
| 1.2. КОНЦЕПТ «ЗАПРЕТ» В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ .....                                    | 22  |
| 1.2.1. Концепт как ключевое понятие лингвокультурологии .....                                       | 22  |
| 1.2.2. Понятийная составляющая концепта «запрет» .....                                              | 25  |
| 1.2.3. Ценностная составляющая концепта «запрет» .....                                              | 31  |
| 1.3. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЗНАКИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ .....                                               | 44  |
| Выводы по главе 1 .....                                                                             | 58  |
| Глава 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ<br>КОНЦЕПТА «ЗАПРЕТ» В ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗНАКАХ ..... | 62  |
| 2.1. ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗНАКАХ .....                                      | 62  |
| 2.2. КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗНАКОВ .....                                           | 98  |
| 2.3. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗНАКОВ .....                                           | 119 |
| 2.4. КУЛЬТУРНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ<br>ЗНАКОВ .....                               | 134 |
| Выводы по главе 2 .....                                                                             | 162 |
| ЗАКЛЮЧЕНИЕ .....                                                                                    | 169 |
| СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ .....                                                              | 174 |
| СПИСОК СЛОВАРЕЙ .....                                                                               | 192 |
| СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА .....                                                     | 195 |

## ВВЕДЕНИЕ

Современная лингвистика развивается в рамках антропоцентрической парадигмы, анализирующей языковую личность и диктующей функциональный подход к фактам языка. Лингвистический антропоцентризм, восходящий к идее немецкого ученого Вильгельма фон Гумбольдта о языке как духе народа, с 90-х гг. XX в. плодотворно развивается в работах Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, В.Н. Телия, В.А. Масловой и других исследователей. Осознание теснейшей связи языка с культурой обусловило выделение нового лингвистического направления – лингвокультурологии, исследующей проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке, язык же выступает как выразитель особой национальной ментальности. В лингвокультурологии выделяется ряд подходов в понимании и определении культуры (описательный, ценностный, деятельностный, герменевтический, информационный и др.). Для нашего исследования наиболее релевантным является нормативный подход, в русле которого культура понимается как совокупность норм и правил, регламентирующих жизнь людей, программа образа жизни [Сагатовский 1994], наследственная память коллектива, выражающаяся в определенных системах запретов и предписаний.

Концепт «запрет» является важной и неотъемлемой частью культуры любого национально-культурного сообщества и участвует в формировании культурных норм. Настоящее исследование посвящено изучению языковой репрезентации концепта «запрет» в общественных знаках, поскольку в содержательном аспекте общественных знаков центральное место отводится фиксации запретов, отражающих ценности и нормы отдельных лингвокультурных сообществ. Таким образом, общим подходом в нашем исследовании является лингвокультурологический подход.

**Актуальность исследования** определяется следующими обстоятельствами: высокой значимостью общественных знаков для межкультурной

коммуникации и их недостаточной изученностью в лингвокультурологических исследованиях, необходимостью систематизации языковых средств объективации концепта «запрет» в общественных знаках и выявления особенностей вербализации изучаемого концепта в различных лингвокультурах.

**Объект исследования** составляют общественные знаки – особый тип текстов официально-делового стиля, обладающих определенными лингвистическими и экстралингвистическими характеристиками. **Предметом исследования** является языковая репрезентация концепта «запрет» в общественных знаках.

**Цель исследования** – провести комплексное лингвокультурологическое исследование репрезентации концепта «запрет» в немецких и русских общественных знаках. Из поставленной цели вытекают следующие **задачи**:

- 1) осветить проблематику запрета в гуманитарных науках;
- 2) обосновать алгоритм изучения концепта «запрет»;
- 3) провести анализ понятийного и ценностного компонентов концепта «запрет» в изучаемых лингвокультурах;
- 4) уточнить лингвистические и экстралингвистические характеристики и разработать дефиницию общественных знаков как типа текстов;
- 5) на основе лингвокультурологического анализа общественных знаков выявить лексико-грамматические, композиционные, стилистические и культурно обусловленные особенности репрезентации концепта «запрет» в данных знаках.

**Материал исследования** составляют лексикографические статьи толковых словарей и общественные знаки в количестве 2000 аутентичных текстов на немецком и русском языках, отобранные методом сплошной выборки в пространстве немецкой и русской культур. Также использовались материалы интернет-ресурсов. Кроме немецкого и русского языков, привлекались данные английского и сербского языков.

Место проведения исследования: Удмуртский государственный университет, Университет г. Геттинген (Германия).

**Теоретическую и методологическую основу** исследования составили работы ведущих лингвокультурологов [Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, В.В. Воробьев, В.А. Маслова и др.], представителей лингвоконцептологического направления [В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, С.Г. Воркачев, Ю.Е. Прохоров, М.В. Пименова и др.], культурологические исследования немецкого и русского менталитета [Н.А. Бенедиктов, К. Касьянова, А.В. Сергеева, В.К. Трофимов, Г. Крейг, Н. Bausinger, В. Nuss, S. Schroll-Machl, A. Thomas и др.], исследования запрета в гуманитарных науках в различных терминологических обозначениях [П.И. Дзыгивский, И.В. Кузин, Е.В. Астапенко, М.Ю. Роменская, О.В. Сарайкина, А.Н. Скрипаенко и др.], работы, посвященные проблемам исследования общественных знаков [В.М. Аринштейн, А. Вежбицкая, Л. Попович, R. Rathmayr, M. Snell-Hornby и др.].

В немецкой лингвистике термин «лингвокультурология» отсутствует, но проблематика взаимоотношения и взаимосвязи языка и культуры активно разрабатывается в трудах современных немецких авторов [Malezke 1996; Knapp-Potthof, Liedke 1997; Zeuner 2001; Roth 2003; Heringer 2004; Losche 2005; O'Reilly, Arnold 2005; Kumbier 2006 и др.]. Особенностью данных исследований является их прикладная направленность, рассмотрение с различных позиций проблем межкультурной коммуникации, весьма актуальных для современной Германии.

Цели и задачи предопределили использование следующих **методов исследования**: метод сплошной выборки; описательный метод; метод сопоставительного анализа на лексико-грамматическом, композиционном, стилистическом уровнях; компонентный, контекстуальный, интроспективный анализ; количественный анализ; метод опроса информантов (фрагментарно).

**Научная новизна** работы состоит в том, что в ней впервые в качестве самостоятельного предмета лингвокультурологического исследования изучается концепт «запрет», вербализованный в общественных знаках; выявлены основные языковые способы и средства выражения данного концепта в

изучаемых лингвокультурах, а также обоснована необходимость выделения общественных знаков как отдельного речевого жанра в рамках официально-делового стиля и проведено комплексное исследование лингвистических и культурно обусловленных характеристик общественных знаков.

**Теоретическая значимость** диссертационного исследования заключается в интегративном подходе к изучению концепта, базирующемся на применении как собственно лингвистических методик исследования репрезентантов концепта, так и на привлечении общекультурологических данных о концепте; в уточнении соотношения универсальных и специфических характеристик изучаемого концепта путем анализа его понятийной и ценностной составляющих, что способствует обогащению данных лингвоконцептологии, а также в обосновании и разработке комплексной модели изучения общественных знаков в русле лингвокультурологии. Настоящая работа вносит определенный вклад в описание ценностных картин мира разных лингвокультур.

**Практическая значимость** работы состоит в том, что основные результаты и материалы исследования могут использоваться при подготовке лекционных курсов и спецкурсов по лингвокультурологии, лексикологии, страноведению, теории и практике межкультурной коммуникации, по практике немецкого языка, а также в научных исследованиях по лингвокультурологии.

**Положения, выносимые на защиту:**

1. Концепт «запрет» является важным элементом концептосферы любого национально-культурного сообщества, имеющим экзистенциальную значимость для человеческого общества, о чем свидетельствует тот факт, что все гуманитарные науки обращаются к исследованию проблематики запрета.
2. Понятийный компонент концепта «запрет» имеет универсальный характер, а ценностный компонент данного концепта обнаруживает различия в отдельных лингвокультурах.
3. Исследование языковой репрезентации концепта «запрет» в общественных знаках позволяет выявить особенности, проявляющиеся на лексико-

грамматическом, стилистическом и композиционном уровнях, а также служит источником информации о системе ценностей и менталитете народов, культурных стандартах, регулирующих жизнь общества, фактах материальной и духовной культуры.

4. Для одних менталитетов концепт «запрет» является центральным (например, для немецкого менталитета, что связано с преобладанием положительного отношения к данному концепту в немецком языковом сознании), для других – периферийным (например, для русского менталитета, что отражается в амбивалентном отношении к запретам в русском языковом сознании).

5. Общественные знаки отражают культурные нормы и стандарты. Изучение данных знаков на материале разных языков позволяет выявить ценностные характеристики отдельных лингвокультур и проследить некоторые тенденции развития общества.

**Апробация работы.** Основные положения диссертационного исследования были представлены на международных конференциях: «Актуальные проблемы лингвистического образования: теоретический и прикладной аспекты» (Самара, 2005), «Английский язык в поликультурном регионе» (Ижевск, 2005), «75 лет высшему образованию в Удмуртии» (Ижевск, 2006), «Многоязычие и межкультурное взаимодействие» (Ижевск, 2008); всероссийских конференциях: «Язык и межкультурная коммуникация (Санкт-Петербург, 2005), «Человек и мир: социальное поведение личности в изменяющемся мире» (Ижевск, 2007); региональных конференциях: «2007 – год русского языка в Удмуртии» (Ижевск, 2007), «Языковое образование в полиэтническом регионе» (Ижевск, 2007).

Апробация материалов и результатов исследования также имела место в ходе научной стажировки по гранту DAAD (Германской службы академических обменов) на семинаре под руководством проф. К. Альбрехт в университете г. Геттинген, Германия, 2006 г.

По теме диссертации опубликовано 13 работ. Диссертация обсуждалась на расширенном заседании кафедры немецкой филологии Института иностранных языков и литературы Удмуртского государственного университета.

**Структура и объем диссертации.** Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, включающего 205 наименований на русском и иностранных языках. Общий объем диссертационного исследования составляет 195 страниц, из них 173 – страницы основного текста.

## Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

### 1.1. Проблематика запрета в гуманитарных науках

С точки зрения представителей философского знания и социальных наук запрет представляет собой сложное, неоднозначное понятие, рассматриваемое в качестве элемента социальной нормы [Дзыгивский, Кузин]. Следует отметить, что термин «концепт» сравнительно недавно (с начала 90-х гг. XX в.) активно используется в научном дискурсе (преимущественно в когнитивных и лингвокультурологических исследованиях); в философских, психолого-педагогических трудах и исследованиях социальных наук *запрет* трактуется как понятие.

Культурные нормы – категория, отражающая законы и стандарты социального бытия людей. Они представляют собой систему разрешений и запретов на совершение действий или высказывание суждений, оценок [Флиер 2002: 237]. Правила и запреты рассматриваются как существенные элементы модели мира [Цивьян 2006: 12]. Запрет присутствует в характере нормы как один из основных ее элементов, отражающий то, что данная норма разрешает либо запрещает [Современная философия 1995: 52]. Любая культура заявляет о себе через различные и изощренные механизмы запрета, которые в ней работают [Кузин 2004: 109]. Таким образом, запрет является одним из центральных понятий в определении культуры и культурных норм.

Запрет исследуется как основополагающее понятие социальных наук, в частности он рассматривается как коррелят логического отрицания. В соответствии с данной точкой зрения всякое высказывание может быть интерпретировано как запрет, смысл которого: «дело обстоит именно так, а не иначе». Запрет определяется как атомарный факт социальной жизни, присутствующий при первичном выборе между истиной и ложью, «да» и «нет», который происходит в действии отрицания или запрета [Дзыгивский 1999: 9–10].

Понятие запрета является особенно важным в сферах жизни и отраслях знания, имеющих отношение к регуляции поведения людей (религия, право, мораль, психология, педагогика).

В сфере права запрету соответствует понятие закона, предполагающее равенство всех перед законом и воздаяние по заслугам [Дзыгивский 1999: 15]. Формальный подход к исполнению буквы закона требует рационального оформления юридической нормы в виде запрета того или иного действия. Имеются специальные исследования, посвященные запретам в рамках юриспруденции, например запретам в административном праве [Слепченко 2002], запретам и ограничениям в правовом регулировании трудовых отношений [Семенюта 2000].

В рамках морали, понимаемой как совокупность норм и принципов поведения людей, особая форма общественного сознания и способность духовного воздействия на регулирование действий человека в обществе, выделяются предписания запретительного характера. Основные запреты духовной морали сформулированы на основе библейских заповедей (запреты на заблуждения веры, запрет убийства, запрет прелюбодеяния и т. д.) [Рождественский 2002: 48–51]. В отличие от практической морали, для которой оптимальны «положительные рекомендации», в области духовной морали отмечается необходимость применения запретов: они развивают инициативу, заставляют думать, как достичь желаемого правильным образом, не нарушая запретов [Там же]. Соблюдение нравственных норм, в отличие от правовых норм, обусловлено внутренней убежденностью человека [Дзыгивский 1999: 16–18].

В этике, подразделяемой на ограничительную и положительную, первый из аспектов содержит запреты: каких целей человек не должен себе ставить, каких средств не выбирать, каких последствий избегать [Касьянова 2003: 189]. Запрет выражает слабое этическое требование, а предписание – сильное, ср.: *Не твори зла* и *Твори добро*. Все то, что квалифицируется как

отрицательное (ненормативное) действие, подпадает под запрет [Человеческий фактор в языке 1992: 15].

В религиоведении запрет мотивируется божественным откровением и выступает в форме завета, закона, догмы. Согласно религиозным представлениям (в христианстве, исламе, иудаизме), история человечества началась с запрета и его нарушения: первый в мире закон был законом-запретом Бога [Козина 2007: 297]. По христианскому вероучению, божественный запрет на вкушение плодов с древа познания добра и зла, с одной стороны, был средством защиты человека; с другой стороны, этот запрет давал человеку возможность проявления любви к Богу через самоограничение.

В ряде исследований понятие запрета рассматривается в неразрывной связи с понятием свободы. Свобода определяется как обратная сторона глубинного запрета [Кузин 2004: 113], а принятие запрета – как конституирующий, смыслообразующий элемент в социализации и становлении субъекта как существа свободного [Там же: 115]. «Запрет освобождает для всего, что не запрещено. ...Свобода оценивается столь высоко только потому, что освобождение от какого-либо запрета всегда происходит под сенью другого требования (запрета) – более мощного, сильного и глубокого» [Дзыгивский 1999: 19]. В исследовании онтологии запрета предлагаются две взаимосвязанные интерпретации понятия *запрет* в связи с понятием *свобода*: запрет как ограничение свободы, или «поверхностный запрет», и запрет как путь к высшей свободе и отождествляемый с ней – «глубинный», или «истинный запрет» [Кузин 2004: 110, 115]. Первое толкование отражает представление о запрете на уровне обыденного сознания, где имеет место противостояние субъекта и адресата запрета. Во втором подчеркивается «формообразующее» значение запрета, который понимается как защита личности от «рабства страстям» и общества от хаоса [Там же: 111]. Истинный запрет воспринимается как нечто внутренне осознанное и принятое как необходимое, а не навязанное извне; общество через установление законов стремится вернуть человеку голос совести, глубинный закон-запрет, живу-

щий в нем, но преданный им забвению [Там же]. В лингвокультурологических исследованиях концепта *свобода* в качестве одной из ключевых идей в английской и русской лингвокультурах выявлена идея *Свобода как отсутствие запрета* [Солохина 2007: 175].

В психоаналитических исследованиях наиболее известной является концепция З. Фрейда, согласно которой запреты, налагаемые моралью и обычаями на «цивилизованные» общества, противопоставляются феномену табу у «примитивных» народов [Фрейд 1991: 217–218]. Основание табу, по Фрейду, составляет запрещенное действие, к совершению которого в бессознательном имеется сильная склонность; особо подчеркивается немотивированность табу и тот факт, что носители культур, практикующих табу, никогда не задумываются о причинах возникновения тех или иных запретов [Фрейд 1991: 194–223]. Фрейд приводит определение В. Вундта, который называет табу самым древним неписанным законодательным кодексом человечества [Там же: 214].

В психолого-педагогических исследованиях особое внимание уделяется рассмотрению роли запретов в процессе воспитания. В них отражен взгляд на запрет как на социальное явление, он возникает как реакция на нарушение границ – своих собственных или другого человека – и обосновывается его необходимость: «запреты необходимы, чтобы сделать возможным сосуществование множества людей, с разными, иногда противоречивыми, желаниями». Кроме того, рассматриваются понятия «сценарность запретов» (человек запрещает своим детям то, что в детстве запрещали ему) и «антисценарность запретов» (человек многое разрешает своим детям после того, как ему в детстве многое запрещали). По характеру запрета выделяются три группы стилей родительского отношения к детям: запрет-директива, запрет-объяснение и отсутствие запрета [Кузьмишина 2006: 10].

Педагоги настоятельно обращают внимание родителей и воспитателей на то, что обилие запретов мешает личностному росту [Колпакова]; на важность понимания ребенком, что запрещение – не наказание, а правила,

которым следуют и взрослые [Гумеров 2008], т. е. на значимость осознания цели и смысла запретов, а также на наличие твердых правил в самом воспитателе, которые лучше всего удерживают ребенка от непослушания [Рогозянский 2004: 15]. На наш взгляд, справедливо утверждение, что «если ребенок понимает смысл ограничений и принимает их без конфликтов, то со временем эти ограничения становятся его собственными, запрет со стороны взрослого превращается в самозапрет» [Там же: 14].

Помимо универсальных педагогических характеристик у разных народов имеются культурно обусловленные традиции воспитания. Так, согласно данным некоторых исследований, для семей русскоязычных эмигрантов в Германии характерен авторитарный, контролирующий стиль взаимодействия родителей с подростками, в то время как в коренных немецких семьях ярко выраженных авторитарных тенденций не наблюдается, поскольку базовыми свойствами являются «мягкость», «принятие ребенка таким, какой он есть» и «сотрудничество» [Лицукова 2001: 179]. Результаты исследования психологических особенностей готовности ребенка к школе дают некоторое представление о развитии самостоятельности детей в России и Германии. Так, отмечается, что, как правило, при поступлении в первый класс внутренняя познавательная мотивация российского ребенка оказывается «подорванной», ребенок ориентирован скорее на одобрение либо на избегание наказания [Франц 2001: 58], то есть на соответствие ожиданиям контролирующей стороны – взрослых. В Германии оценка готовности ребенка к школе в большей степени основана на показателях регулятивной сферы, умениях самостоятельно контролировать и регулировать свое поведение [Франц 2001: 64]. Показателен перечень требований к ребенку при поступлении в школу (на примере земли Бавария), где уделяется особое внимание умениям самоконтроля и саморегуляции (умение оценивать и взвешивать свои силы, умение высказывать и отстаивать собственное мнение), а также умениям, иллюстрирующим базовые ценности немецкой культуры (умение различать «твое» и «мое»; умение ценить свои собст-

венные вещи; готовность уважать чужой авторитет, готовность соблюдать школьный порядок, умение убирать и поддерживать порядок) [Франц 2001: 59–60].

В индивидуалистических культурах, к которым принадлежит Германия, на первое место ставится воспитание у детей индивидуального самоконтроля и самостоятельности мышления. Представители коллективистических культур предпочтут учить детей ценностям коллективизма и взаимопомощи, направлять и предопределять их выбор [Цемиш 2001: 78]. Психологическое исследование, проведенное в российском культурном пространстве, позволило сделать вывод о том, что в современных семьях в родительском отношении к детям большое место занимает стремление ограничивать детскую самостоятельность, оберегать ребенка от возможных вредных воздействий окружения [Кузьмишина 2006: 12].

Культурно обусловленные традиции педагогики также объясняются с точки зрения дистанции власти. В культурах с высокой дистанцией власти от детей ожидается уважение и послушание; руководство их поступками со стороны родителей и старших выражается в терминах «разрешение – запрещение», от детей не ждут инициативы в познании мира, здесь имеет место взаимозависимость между старшими и младшими. В культурах с низкой дистанцией власти от детей ожидается, что они как можно раньше научатся управлять собственной жизнью, им разрешено возражать родителям; в культурах данного типа ценится независимость индивида, семейные связи воспринимаются представителями других культур как неинтенсивные [Hofstede, Hofstede 2006: 66–67].

Западные исследователи выделяют как типичные черты воспитания детей в России авторитарность [Walf 2006] и ограничение физической активности маленьких детей [Fischer-Ruge 1990: 157].

Таким образом, есть основания полагать, что отношение человека к запретам закладывается с раннего детства и отчасти объясняется традициями воспитания, принятыми в данной культуре. Самоконтроль, развивающийся

при воспитании в детях самостоятельности, включает в себя самозапрет на действия, которые субъект считает недопустимыми либо неприемлемыми. Наличие внешнего контроля, который, в числе прочего, осуществляется путем запретов, порождает реакцию противодействия и нарушение внешних запретов; при этом самоконтроль в данном случае, как представляется, имеет меньшее значение в жизни индивида.

Своеобразная система взглядов на роль запретов в воспитании отражена в теории антипедагогики. В рамках данной теории утверждается, что запреты вызывают реакцию противодействия, при которой дети не принимают во внимание опасность и именно из-за этого попадают в опасные ситуации. Антипедагогика придерживается концепции антиавторитарного воспитания, подразумевающей отмену запретов в воспитательном процессе. В качестве решения проблем предлагается предоставлять детям помощь и поддержку в сложных ситуациях и в случае необходимости объяснять им в спокойной обстановке, какие опасности могут их подстерегать [antipaedagogik].

Понятие запрета является одним из ключевых составляющих логики норм, иначе называемой деонтической логикой, или логикой долженствования [Ивин 1996: 139]. Деонтические (нормативные) высказывания устанавливают норму поведения, выражая возможность или необходимость действий с точки зрения принятых в данном социуме норм поведения и мышления. Выделяются следующие виды деонтических модальностей: обязательно, разрешено (нормативно), безразлично и запрещено [Ивин 1996: 202].

Ю.Д. Апресян анализирует понятие запрещенности с точки зрения деонтической модальной логики (логической теории норм и нормативных высказываний). Согласно данной теории, понятию необходимости соответствует понятие обязательности, понятию возможности – понятие разрешенности и понятию невозможности – понятие запрещенности, так что обяза-

тельно Р – невозможно не Р, разрешено Р – необязательно не Р, запрещено Р – обязательно не Р [Апресян 1995].

Термин *запрет* используется также в семантических исследованиях: недопустимость сочетания тех или иных лексических единиц согласно нормам данного языка, обозначается как «сочетаемостьный запрет» [Апресян 1995: 151, 339]; «отталкивание», «запрет» [Бондарко 1971: 27].

В лингвистических исследованиях запрет рассматривается в большинстве случаев с позиции теории речевых актов [Шатуновский, Гловинская, Шмелева]. Данные авторы исследуют средства выражения запрета на материале русского языка в антонимической оппозиции со средствами выражения разрешения. В частности, изучаются формы глаголов «разрешаю», «запрещаю» и их безличные формы «разрешено», «разрешается», «не разрешается», «запрещено», «запрещается», а также прототипические выражения «можно» и «нельзя» [цит. по: Скрипаенко 2006].

И.Б. Шатуновский классифицирует запрещение и разрешение как деонтические речевые акты, примыкающие к речевым актам побуждения. По мнению автора, эффективность данных волеизъявлений проистекает из «превосходства» говорящего, расположенного выше адресата в той или иной иерархии [Шатуновский 2000: 319]. В отличие от производных глаголов *запрещать*, *воспрещать*, *(не) разрешать* – перформативов, посредством которых производятся прямые запрещения, – *нельзя* и *можно* определяются как наиболее распространенные косвенные запрещения. Так как в первичном значении *нельзя* является дескриптивным (констативным, репрезентативным) высказыванием, вне контекста оно не может быть экспликацией прямого однозначного акта запрещения. Кроме того, отмечается, что *нельзя* и *можно* являются гораздо более широкими и диффузными актами по сравнению с прямыми актами *разрешаю* и *запрещаю*. Если *запрещаю* и *(не) разрешаю* опираются только на личный авторитет и право говорящего, то *нельзя* и *можно* могут апеллировать одновременно и к общим моральным и юридическим правилам, и к утилитарным соображениям, а также к автори-

тету говорящего [Шатуновский 2000: 323–324]. Лексема *нельзя* характеризуется частотностью (базовая лексема со значением запрета для носителей русского языка в детстве), маргинальным статусом в грамматике (слово, относимое к категории состояния [Бондарко 1971: 47], предикативное наречие или модальное слово), краткостью, безличностью, амбивалентностью (констатирующая и побудительная функция), неперевоодимостью на другие языки.

С точки зрения Е.А. Шмелевой, разрешение и запрещение представляют собой побудительные речевые акты. В подгруппу категорического побуждения автор относит речевые акты запрещения, требования и приказания, в которых говорящий в силу своего более высокого социального статуса либо в силу физического или морального превосходства навязывает свою волю подчиненному ему слушателю, ожидая в ответ безусловного исполнения повеления. С содержательной точки зрения все побудительные речевые акты в зависимости от установки говорящего автор подразделяет на побуждение со знаком «+» (требование и приказание) и побуждение со знаком «–» (запрещение и предупреждение). В целом разрешение и запрещение опираются на нормативные установление и этические правила [Шмелева 1990].

А. Вежбицкая выделяет запрет в качестве директивного речевого акта; отмечается непосредственная связь запрета с речевыми актами приказа и позволения: «можно сказать, что запрет – это отрицательный приказ, а позволение – это отрицаемый запрет» [Вежбицкая 1985: 263]. По мнению Boyd и Thorne, высказывание *я позволяю ему уйти* примерно эквивалентно *я не запрещаю ему уйти*, из чего следует, что иллокутивный потенциал *я позволяю ему уйти* состоит в том, что говорящий отрицает, что он что-то запрещает [Boyd, Thorne 1969: 57–74; цит. по: Вежбицкая 1985: 264]. Также предполагается, что у запретов и позволений имеется другое общее исходное положение, отсутствующее у приказов: что адресат хочет или может хотеть совершать действие, о котором идет речь. К примеру, высказывание «не

курить!» может быть обращено ко всем (в предположении, что каждый может хотеть курить) или только к тем, которые захотят курить (в предположении, что они захотят курить) [Там же: 264].

В монографии В.С. Храковского и А.П. Володина средства выражения запрета обозначены термином «прохибитивы». Прохибитивные высказывания рассматриваются как один из видов побудительных предложений. Среди побудительных предложений различаются утвердительные императивные (простые побудительные) и отрицательно-императивные (запретительные, прохибитивные). Последние представляют собой семантико-синтаксические дериваты утвердительных побудительных предложений; в русском языке деривация осуществляется с помощью оператора отрицания – частицы *не*. Действие оператора отрицания не распространяется на волеизъявление, выражаемое в простых побудительных предложениях, и затрагивает только включаемую часть высказывания, которая следует после каузативного глагола [Храковский 2001: 93–95]. По мнению авторов, то обстоятельство, что волеизъявление находится вне сферы действия оператора отрицания, является причиной широкого типологического разнообразия прохибитивных форм [Там же: 96].

М.Ю. Роменская исследует концепт «запрет» в рамках функционального подхода к изучению фактов языка. В рамках функционально-семантического поля «запрет» автор выделяет микрополе прямого запрета и микрополе косвенного запрета. В обоих микрополях задействована система разноуровневых языковых средств (лексических, словообразовательных, морфологических и синтаксических), выражающих запрет соответственно эксплицитно и имплицитно. Автор приводит следующие способы имплицитного выражения запрета: побуждение к действию, несовместимому с запрещаемым; негативная оценка запрещаемого действия; положительная оценка действия, несовместимого с запрещаемым; вопрос; умозаключение [Роменская 2003].

Вьетнамский исследователь Хоанг Ань анализирует высказывания со значением разрешения и запрещения в русском языке и выделяет специфические конструкции, служащие для выражения запрещения (с глаголами *перестать*, *прекратить*, *молчать*, *не сметь*) и неспецифические, выражающие значение запрета имплицитно: 1) высказывания, сообщающие об обстоятельстве, делающем желательное для исполнителя действие невозможным; 2) высказывания, содержащие отрицательную оценку прескриптором действия исполнителя; 3) конструкции с перформативными глаголами, передающими другие (не запрещение) побудительные смыслы. Также автором предложена классификация запретов «по характеру дополнительных оттенков смысла», включающая запрещение с обоснованием причины, запрещение с угрозой, запрещение с элементами предупреждения, запрещение с просьбой и т. д. [Хоанг 1993: 17–18].

В работе Н.Д. Арутюновой обсуждаются значение, контекст и иллокутивные функции оценочных предикатов с точки зрения коммуникативного подхода и утверждается, что наличие в предложении общеоценочного предиката само побуждает и воспринимающего высказывание, и его исследователя к иллокутивной интерпретации данного речевого акта. К примеру, отрицательная оценка в слове «бьяка» в высказываниях родителей, обращенных к детям, всегда воспринимается не как простая информация, а как руководство к действию. Обычно она нацелена на пресечение разного рода предметных манипуляций ребенка и, по сути, является прескрипцией (запретом) [Арутюнова 1988: 51].

Перечисляя черты, противопоставляющие оценку процессов оценке фактов, Н.Д. Арутюнова говорит, что если речь идет о сознательных действиях, то мотивом оценки может служить отношение к норме, которое вводит пропозицию в нормативный или дидактический контекст с характерными для него модальностями разрешенности и запрета: *Плохо, что ты обидел девочку. Нельзя обижать слабых.* По мнению автора, сублиматом оценки фактов (а не процессов и событий) является этическая оценка, которая,

допустив обращенность на самого субъекта оценки, сформировала совесть, способную правильно судить, не прибегая к мотивировкам. Совесть превращает «нельзя» в «не могу» [Арутюнова 1988: 196], то есть запрет – в само-запрет, сознательный отказ субъекта от действия вплоть до полной невозможности его совершения.

В.М. Аринштейн, применяя функционально-семантический подход, исследует функциональное взаимодействие разноуровневых средств выражения прохибитива в английском языке [Аринштейн 1990: 3–5].

Диссертационное исследование Е.В. Астапенко посвящено многоаспектному (концептуальному, пропозициональному / семантико-синтаксическому, речеактовому / лингвопрагматическому и этносоциопрагматическому) анализу высказываний на английском языке, посредством которых совершаются вербальные иллокутивные акты запрещения и репрезентируются прагмасоциальные ситуации запрета [Астапенко 2004].

Автор подразделяет *ситуацию запрета* и *запрещение*, понимаемое как акт приказа о несовершении слушающим действия [Там же: 24], с подчеркнутым значением процессуальности, направленности от субъекта к адресату. Следует отметить, что в работе параллельно употребляются термины «запрет» и «запрещение», различие между ними не поясняется, и, на наш взгляд, в определенном контексте данные понятия употребляются как взаимозаменяемые [Там же: 88]. В данном исследовании базовыми конструкциями, используемыми для описаний ситуаций запрета, считаются конструкции с прототипическими глаголами запрещения. В качестве конструкций, используемых дополнительно, отмечаются следующие: отрицательные формы пермиссивных глаголов, отрицательные формы императива; отрицательная форма модального глагола *must*, герундий или существительное в сочетании с *no* (в английском языке), инфинитив в сочетании с *не*, *не* + отрицательное адъективное местоимение + существительное, отрицательное модальное слово *нельзя* (в русском языке) [Там же: 83]. Е.В. Астапенко выделяет три актанта, тесно взаимодействующих в пропозициях,

моделирующих ситуации запрета: запретитель или субъект, адресат и запрещаемое действие, порицаемое или считающееся недопустимым положение дел.

В работе высказывается мнение о том, что посредством запретов социальные группы очерчивают круг недопустимого в действиях против них. Запреты служат, прежде всего, обеспечению консервативного начала в культуре. Культурные различия в функционировании запрета, по мнению автора, проявляются в следующем: 1) что является предметом запрещения в разных культурах; 2) кем и в какой форме налагаются запреты, какие санкции и кем могут применяться против нарушителей правил, норм, запретов [Там же].

В работах других лингвистов концепт «запрет» рассматривается с точки зрения описания семантики запрета как самостоятельного значения, исходя из функционально-семантического и коммуникативно-прагматического подходов на материале русского языка [Сарайкина 2007], а также в рамках изучения структурно-семантических и прагматических свойств высказываний со значением институционализированного запрета на материале английского языка [Скрипаенко 2007].

Несмотря на употребление в ряде работ термина *концепт*, [Астапенко, Скрипаенко], в них отсутствует разъяснение, что именно понимается под концептом, не прослеживается последовательность в использовании данного термина и анализ предмета исследования с позиций лингвоконцептологии.

Таким образом, изучение проблематики запрета в гуманитарных науках, и, в частности, в рамках различных направлений лингвистических исследований, приводит к выводу о значимости данного феномена и возможности рассмотрения его в качестве концепта в соответствии с современным пониманием концепта в лингвокультурологии.

## **1.2. Концепт «запрет» в немецкой и русской лингвокультурах**

### **1.2.1. Концепт как ключевое понятие лингвокультурологии**

По мнению многих ученых, лингвокультурология исследует, прежде всего, живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа. Лингвокультурная концептология (лингвоконцептология), выделившаяся из лингвокультурологии, является новой научной дисциплиной, изучающей опредмеченные в языке культурные концепты. Концепт является ключевым термином в когнитивной лингвистике и лингвокультурной концептологии. Различное понимание сущности концепта, средств его объективации, структуры концепта, содержательных типов концептов отражено в многочисленных работах отечественных лингвистов [Апресян, Арутюнова, Бабушкин, Воркачев, Залевская, Карасик, Колесов, Красных, Кубрякова, Лихачев, Попова, Слышкин, Стернин, Степанов, Телия и др].

В исследованиях, проводимых представителями отечественных лингвоконцептологических школ (Воронежской, Волгоградской, Кемеровской, Краснодарской и др.), существуют некоторые различия в понимании концептов и методах и приемах их исследования. В качестве основных подходов к осмыслению концепта выделяются лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы, которые не являются взаимоисключающими: лингвокогнитивный подход имеет направленность от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный подход – от культуры к индивидуальному сознанию. Лингвокультурный подход к пониманию концепта состоит в том, что концепт признается базовой единицей культуры [Карасик 2002], является «сгустком культуры в сознании человека» [Степанов 2001]. Большинство ученых едины в признании того, что концепт имеет овеществление языковыми средствами; через анализ совокупности языковых средств, объективирующих концепт, можно составить представление о содержании и структуре концепта в концептосфере и описать данный концепт. Отмечается

и тот факт, что описание, основывающееся лишь на языковых данных, не является исчерпывающим в связи с наличием невербальной части содержания концепта, однако анализ языковой объективации концепта дает наиболее достоверный материал для описания концептов [Карасик 2007: 5].

Анализ подходов к пониманию концепта показывает, что не все вопросы, связанные с определением сущности концепта, можно считать решенными, о чем свидетельствует появление специальных работ, посвященных систематизации точек зрения на понятие «концепт» и изложению понимания этого сложного феномена [Прохоров 2008]. Дискуссионный характер имеют также вопросы разграничения концепта и категории, концепта и значения, концепта и понятия, концепта и концептуальной сферы [В.З. Демьянков, А.А. Залевская, В.И. Карасик, С.Г. Шафиков и др.].

Во многих лингвоконцептологических исследованиях данные понятия употребляются в качестве синонимов, авторы не считают необходимым разграничить данные термины и привести их четкие определения, что создает терминологический разнобой и не способствует ясности исследования. По меткому замечанию В.И. Карасика, у каждого исследователя концептов есть «концепт концепта», и в зависимости от цели исследования определяются границы данного научного понятия [Карасик 2005: 26]. Согласно мнению В.И. Карасика, понятие – это один из модусов концепта (сторона, ипостась, аспект изучения) [Карасик 2005: 26], таким образом концепт включает в себя не только абстрактные, но и конкретно-ассоциативные и эмоционально-оценочные признаки, личностное осмысление, интерпретацию объективного значения.

В нашем исследовании под концептом мы понимаем «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [Карасик 2005: 29]. Образно-перцептивный компонент абстрактных концептов, к которым относится концепт «запрет», может быть нивелированным, в связи с чем рассмотрению при анализе изучаемого концепта подлежат его понятийная и ценностная

составляющие. Универсальные признаки составляют ядерный слой концепта и имеют преимущественно когнитивную природу, специфические признаки представляют собой в основном периферийные слои концепта и связаны как с культурными, так и с собственно языковыми особенностями. В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин выдвигают следующие положения, разделяемые нами: лингвокультурный концепт – условная ментальная единица, используемая в комплексном изучении языка, сознания и культуры; соотношение лингвокультурного концепта с тремя названными сферами может быть сформулировано следующим образом: сознание – область пребывания концепта; культура детерминирует концепт (т.е. концепт – ментальная проекция элементов культуры; язык и /или речь – сферы, в которых концепт опредмечивается [Карасик 2001: 76].

Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц акцентуацией ценностного элемента. В ценностной картине мира существуют наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [Карасик 2002: 167].

Таким образом, мы исходим в нашем исследовании из следующих положений: концепт «запрет» является элементом концептуальной системы носителей языкового сознания отдельных лингвокультур и связан с другими концептами в концептосферах данных лингвокультур; в языковой объективации изучаемого концепта зафиксированы особенности, обусловленные культурно-историческим развитием определенных лингвокультур; наибольшую значимость для нашего исследования представляет анализ понятийного и ценностного компонентов концепта «запрет». Понятийный и ценностный компоненты концепта «запрет» изучались нами на основе данных лексикографических источников, общекультурологических исследований, а также посредством комплексного анализа общественных знаков, манифестирующих запреты в отдельных лингвокультурах.

### 1.2.2. Понятийная составляющая концепта «запрет»

Понятийная составляющая концепта «запрет» изучалась на основе данных наиболее репрезентативных лексикографических источников, фиксирующих понимание запрета в языковом сознании носителей немецкого и русского языков. Одноязычные словари отражают обобщенную языковую картину мира, существующую абстрактно в коллективном языковом сознании [Корнилов 2003: 303].

Анализ и обобщение дефиниций имени концепта в толковых словарях современного немецкого языка позволяет выявить следующие значения лексемы *Verbot*:

*Verbot* – 1. *Von einer dazu befugten Stelle oder Person ausgehende Anordnung, Aufforderung, Befehl, durch den etwas untersagt wird / Vorschrift, die etwas zu tun verbietet, etwas für unzulässig, für nicht erlaubt erklärt / mit der jmd. jmdm. verbietet, etwas Bestimmtes zu tun / etw. nicht oder nicht länger zu tun / etw. Bestimmtes zu unterlassen.* 2. *Anordnung, nach der etwas nicht existieren darf.*

Объем семантики лексемы *Verbot* весьма обширен и включает в себя следующие семантические компоненты: наличие признанных обществом полномочий у лица либо учреждения для установления запрета (*Verbot – von einer dazu befugten Stelle oder Person ausgehende Anordnung* [DB]); номинацию средств выражения запрета – распоряжение, приказ, предписание (*Anordnung, Aufforderung, Befehl, Vorschrift*). Детализируется тот факт, что запрещаемое действие обозначается как недопустимое либо подлежащее прекращению (*etwas für unzulässig, für nicht erlaubt erklärt*), а также временной фактор (*Befehl, etw. nicht oder nicht länger zu tun*). Выделяются два значения лексемы *Verbot*, первое из которых охватывает частную и общественную сферы жизни, имеет больший объем и допускает различную степень официальности; второе значение имеет меньший объем и относится к сфере официальной коммуникации [DDU, D9].

Иллюстративные примеры с прилагательными – определениями запрета содержат семантический компонент категоричности (*strenges, ausdrückliches Verbot*) и обозначения наиболее распространенных и авторитетных субъектов запрета – полиции, врачей, учреждений, закона (*polizeiliches, ärztliches, behördliches, gesetzliches Verbot*). В дефинициях имеется указание на субъекта и адресата запрета (*Anordnung, Aufforderung, mit der jmd. jmdm. verbietet* [HDG]).

Среди примеров словоупотребления имеются словесные комплексы фразеологического типа с глаголами, отражающими позицию субъекта по отношению к запрету (*ein Verbot aufheben, aussprechen, erteilen, erlassen, bekannt machen*). Позитивная трактовка концепта «запрет» немецким языковым сознанием проявляется в устойчивых словесных комплексах с положительными коннотациями, обозначающих лояльное отношение к запрету (*sich an ein Verbot halten, ein Verbot beachten, befolgen, einhalten*), а также в устойчивых словосочетаниях с отрицательными коннотациями, обозначающих нарушение запрета (*ein Verbot übertreten, gegen ein Verbot verstoßen*). Это положение подтверждается анализом семантики глаголов, сочетающихся с лексемой *Verbot*: в глаголах *beachten, befolgen, einhalten* в имплицитной форме содержится позитивная оценка номинируемого действия и его объекта; в глаголах *übertreten, gegen etw. verstoßen* также в имплицитной форме содержится негативная оценка обозначаемого действия (*Verstoß – Delikt, Unrecht, Untat, Verbrechen*), т. е. нарушение запрета приравнивается к преступлению. Лексема *Verbot* в дефинициях приводится параллельно с лексемой *Gesetz* (закон), которая обладает явными позитивными коннотациями в немецком языковом сознании.

В примерах словосочетаний *Verbot* + *объект*, относящихся к сфере законодательства, запрет позиционируется как общественно-полезное и необходимое распоряжение: *das gesetzliche Verbot von Kinderarbeit, das weltweite Verbot von Atomwaffen, ein Verbot verfassungsfeindlicher Parteien, Publikationen*. Позитивное отношение к запрету в сочетании с негативной

оценкой объекта запрета и его нарушения имплицитно также и в примерах, связанных с запретом курения: *Er hat gegen mein ausdrückliches Verbot geraucht* [DDU], *ein Verstoß gegen ausdrückliches Verbot des Arztes zu rauchen* [DB].

Сложносоставные слова, зафиксированные в современных немецких лексикографических источниках, дают представление о многообразных ситуациях, в которых функционируют запреты в немецкой лингвокультуре. Композиты с компонентом *Verbot*- детализируют запретительные распоряжения (*Verbotsbestimmung, Verbotsgesetz*), виды знаков, фиксирующих запрет (*Verbotsschild, Verbotszeichen, Verbotstafel*), время и место действия запрета (*Verbotszeit, Verbotszone*). В композитах с компонентом *-verbot* отражаются наиболее частотные и релевантные объекты запрета: *Alkoholverbot, Ausfuhrverbot, Ausgehverbot, Badeverbot, Bauverbot, Demonstrationsverbot, Diskriminierungsverbot, Druckverbot, Durchfahrtsverbot, Einfuhrverbot, Einreiseverbot, Fahrverbot, Flugverbot, Halteverbot, Landeverbot, Nachtfahrverbot, Parkverbot, Rauchverbot, Schreibverbot, Spielverbot, Sonntagsfahrverbot, Sprechverbot, Startverbot, Überholverbot, Zutrittverbot*.

Анализ немецких лексикографических источников приводит, таким образом, к выводу о том, что запрет позиционируется в немецком языковом сознании как полезное и необходимое установление общества, нарушение запретов подвергается негативной оценке. Многообразие языковых средств объективации концепта «запрет» в немецком языке свидетельствует о высокой номинативной плотности (термин В.И. Карасика) данного фрагмента языковой системы, что отражает значимость вербализуемого концепта для сознания народа.

Согласно данным толковых словарей, в современном русском языке имеются два однокоренных существительных с запретительным значением – *запрет* и *запрещение*. Анализ словарных дефиниций позволил выявить следующие их значения:

*Запрет – 1. Действие по значению глагола запретить – запрещать; результат такого действия; [то же, что] запрещение. 2. Отсутствие права на совершение чего-л. [К] / Лишение граждан права на определенные виды труда по определенным мотивам, имеющее своей целью устранение неугодных элементов из среды государственных служащих, запрет на профессии [Е].*

*Запрещение – 1. Процесс действия по значению глагола: запрещать, 2. Результат такого действия [Е]; 1. Воспрещение, недозволение, 2. Ограничение собственника недвижимого имущества в праве распоряжаться им, налагаемое судебным органом [БАС]; действие по глаголу запретить – запрещать [У], запрет [МАС].*

Во всех дефинициях данных синонимов вместо их толкования дается отсылка к глаголу *запретить / запрещать*. Это позволяет предположить, что базовой лексемой с запретительным значением в русском языковом сознании является глагол. Вследствие этого возникает необходимость использования в проводимом анализе обобщенной дефиниции данного глагола.

*Запретить (запрещать) – 1. Не позволить что-л. делать / не разрешить делать что-л. / воспретить / возбранять / мешать, препятствовать. 2. Налагать запрет на что-л. / признав общественно вредным, ненужным, не допустить к применению, пользованию / не разрешить пользоваться чем-л., употреблять что-л. / препятствовать распространению, пользованию / не допускать что-н. стать предметом общественного пользования, применения. Анализ обобщенной дефиниции глагола *запретить / запрещать* приводит к выводу о том, что в ней не акцентируются наличие полномочий для наложения запрета, а также средства, с помощью которых выражается запрет.*

Определение запрета в целом является абстрактным и недетализированным. По данным словарей, первичным производным от *запрещать* является *запрещение* – существительное с подчеркнутым значением процесс-

суальности; суффиксы *-ание / -ение* являются «формальными признаками глагольности» существительного [Винокур, 2006: 58]. В большинстве дефиниций *запрет* определяется через *запрещение*, но не наоборот; именно *запрещение* определено через синоним «недозволение», содержащий реальное толкование данной лексемы.

В изученных словарных дефинициях объем семантики лексемы *запрет* несколько шире объема семантики *запрещения* во втором, производном значении, относящемся к сфере официальной коммуникации. *Запрет* здесь интерпретируется в связи с понятием права, как лишение либо отсутствие последнего. Базовые значения лексем, охватывающие как общественную, так и частную сферу, раскрываемые через значение действия (в одном из лексикографических источников объединяющие в себе значения процесса и результата), совпадают.

Большой объем словарных статей по лексеме *запрет* позволяет установить более широкий объем семантики данной лексемы по сравнению с лексемой *запрещение*; в двух из проанализированных словарей отдельная словарная статья по *запрещению* отсутствует. Кроме того, на большую употребительность лексемы *запрет* указывают устойчивые словесные комплексы фразеологического типа. В устойчивых словосочетаниях *наложить запрет*, *снять запрет*, *быть / находиться под запретом*, *нарушить запреты* не выявлены четко выраженные позитивные либо негативные коннотации, оценка действия зависит от характера объекта запрета. Понимание запрета как препятствия отражено в словосочетании *без запрета* и его толковании (*беспрепятственно*).

В качестве иллюстративных примеров приводятся как свободные словосочетания, так и цитаты из произведений художественной литературы. Ряд примеров отражает позитивное отношение к запрету, мотивируемое тем, что объект запрета представляет опасность для здоровья человека либо для общества: *запрет на курение* [К]; *запрет на ядерные испытания* [ОШ]. *Ольга категорически запретила ему [Васе] двигаться, и Ваня бдительно*

следил за тем, чтобы этот запрет не нарушался [МАС]. Бóльшая часть подобных примеров включена в словарные статьи по мотивирующему глаголу *запретить*: *запретить пропаганду войны; запретить азартные игры; запретить курить* [ОШ], *запретить алкогольные напитки* [МАС], *запретить химическое оружие* [ЛЛ]. Однако достаточно многочисленны приводимые в лексикографии контексты, отражающие негативное отношение к запрету в русском сознании, где запрет оценивается отрицательно, противопоставляясь воле (свободе личности): *Когда я слышал веселый ребячий гам, то убежал со двора, не глядя на дедов запрет* [МАС]. *В колхозный лес входили все без запрета* [У]. *В окно глядишь, и тут запрет! Уж и глазам-то воли нет!; Прежде насчет всего запрет был, а нынче – воля!; Вольный зверь не по пачпорту ходит – где захотел, там и лег, – вмешалась старуха, – запрету ему нигде нет* [БАС]. Наличие примеров, имплицитно либо эксплицитно отражающих негативное отношение к запрету печатных изданий, объясняется исторической ролью литературы в России: *Собрание его [Златовратского] сочинений было в течение двадцати лет под запретом к чтению в народных библиотеках и читальнях* [БАС]. *Коммунистическая печать на Западе подвергается постоянным запрещениям* [У].

В результате изучения словарных дефиниций имен концептов *Verbot* и *запрет*, их синонимов и фразеологических сочетаний было выявлено, что понятийная составляющая изучаемого концепта в целом является универсальной. Общим фактором является интерпретация запрета как волеизъявления, направленного на невыполнение называемого действия в общественной либо частной жизни. Различия объясняются как чисто языковыми, так и культурными факторами, которые зачастую неотделимы друг от друга. Так, словообразовательные возможности русского языка порождают однокоренные синонимы *запрет* и *запрещение*, представляющие «две категории глагольных имен» [Винокур 2006: 58]; тенденция немецкого языка к словосложению дает возможность обозначения в концентрированной

форме детализации запретов. Одновременно высокая степень детализации семантики понятий, использование при толковании слова контекстуальных синонимов характерны для немецкой традиции составления толковых словарей, являющейся частью культуры. В свою очередь для русских дефиниций характерно абстрактное толкование отглагольных существительных, отсылка к мотивирующему глаголу, использование иллюстративных примеров из художественной литературы.

Изучение лексикографии приводит к выводу о преобладании положительного отношения к концепту *Verbot* в немецком языковом сознании, что связано с известным положением о законопослушании носителей немецкой культуры, и об амбивалентном отношении к запретам в русском языковом сознании, в котором совмещается понимание необходимости запретов и восприятие запрета как ограничения.

### **1.2.3. Ценностная составляющая концепта «запрет»**

Результаты анализа лексикографических источников немецкого и русского языков на дальнейшем этапе исследования были дополнены данными общекультурологических исследований немецкой и русской ментальности, поскольку концепт рассматривается как единица ментальности лингвокультурного сообщества. В данном разделе изучается отношение носителей обыденного сознания к административным запретам, представленным законодательными актами и общественными знаками запретительного характера.

Отношение к запретам в немецкой культуре проистекает из западноевропейского понимания закона и права, в свою очередь берущего начало из древнеримской культуры. Для Запада характерно восприятие закона как самоценности и отождествление его с добром, благом; «в свободных странах закон должен быть королем и не должно быть никакого другого» [Пейн 1959; цит. по: Спиркин 2004: 620]. Подобное отношение делает возможным применение к закону понятий из области духовной морали, порождает веру в закон, при которой «противозаконно» является синонимом «плохо» [Бене-

диктов 2003: 162–163]. На Западе право воспринимается в юридических терминах как способ сохранения автономии личности и одновременно как способ ограничения свободы человека государственными и гражданскими интересами [Панищев 2003: 201–203]. Право отрывается от нравственного источника и становится самодовлеющей ценностью, гарантом безопасности существования независимого индивида гражданского общества [Бенедиктов 2003: 191], что способствует воспитанию законопослушания в носителях западноевропейской культуры.

Во многих исследованиях законопослушание отмечается как характерная черта немецкого национального характера и распространенный национальный стереотип о немцах [Крысько 2002: 283; Льюис 2001: 297; Садохин 2004b: 235; Bausinger 2005: 82 и др.]. Есть основания считать отношение к запретам компонентом отношения к закону, так как запрет представляет собой одну из значимых форм выражения законов, правил и норм, принятых в обществе.

Высокая степень уважения немцев к законной власти и прочно укоренившаяся привычка к повиновению [Крейг 1999: 31] объясняются специфической особенностью исторического опыта [Там же: 9]. Анархия, царившая в Германии во время Тридцатилетней войны, длительная раздробленность страны, поражения в войнах породили у немецкого народа стремление к подчинению любой власти, способной гарантировать порядок, стабильность и безопасность граждан [Крейг 1999; Gorski 2002: 91–93]; таким образом, иерархия и подчинение чужому волеизъявлению получили статус культурных ценностей [Schroll-Machl 2003: 86]. Немцы искренне убеждены, что инструкции, предписания, распоряжения, программы нужно выполнять неукоснительно [Михалькевич 2004: 218]. Из всех цивилизованных наций немцы легче всего и дольше всего способны подчиняться правительству, под властью которого они живут [Крысько 2002: 283].

В немецкой культуре подчинение воле другого лица расценивается не как ограничение личных свобод или ущемление достоинства, а как необ-

ходимый акт повиновения, обеспечивающий гармоничное функционирование общества. То, каким образом люди заставляют других подчиняться своей воле и сами подчиняются воле других, определяет иерархическую структуру общества [Nuss 1993: 45–46]. Данное утверждение представляется ключевым пунктом, объясняющим отношение к предписаниям и запретам в немецкой культуре.

Тенденция к установлению запретов может интерпретироваться как проявление культурного стандарта «разграничение жизненных сфер личности» [Schroll-Machl 2003: 79], в частности разграничения частного и общественного пространства. «Не только изгороди и стены, обозначающие границы земельных владений (*Grenzmauer*), бросаются в глаза, но и детализированные до тонкостей регуляции входа – если выразиться более прямо, многочисленные таблички-указатели, которые запрещают вход на какую-либо территорию, дорогу или в какое-либо помещение» [Bausinger 2005: 47]. В главе «Порядок – половина жизни» книги данного автора подчеркивается значение «запрещающих и объясняющих табличек» (*Verbots- und Aufklärungstafel*) для достижения и поддержания порядка [Там же: 79]. Следует отметить, что в Германии имеются специальные магазины, где продаются разнообразные таблички, вывески и пр., в том числе с запретами и предписаниями. По свидетельству немецких информантов, из подобной продукции наибольшей популярностью пользуются таблички *Betreten verboten* (Вход запрещен), а также стилистически окрашенные новообразования типа *Eltern müssen leider draussen bleiben* (Родители, к сожалению, должны оставаться снаружи), которые часто приобретают дети с целью размещения на дверях своих комнат. Таким образом, подтверждается тенденция к разграничению пространства; кроме того, практика волеизъявления посредством запретительных знаков активно проявляется в сфере детской игры.

Различное отношение немцев и русских к закону проявляется в ситуации межкультурного недопонимания. Русский студент попросил однокурсницу-немку привезти ему из ГДР Библию; немка выполнила просьбу,

однако, узнав, что провоз этой книги не разрешен, она сдала ее, и мотивы ее поступка были совершенно непонятны для русского [Мельникова 2003: 136]. В данном случае факт успешного обхода закона-запрета являлся бы для русского наилучшим разрешением ситуации, в то время как для немки подчинение запрету имело характер нравственного долга. Немецкая студентка не задумывалась о том, целесообразно ли подчинение запрету в данном конкретном случае, – для нее сам факт запрета, исходящего от государства, был достаточным основанием для «механического» подчинения.

Ценность структур и правил (ориентированность на правила), интернализированный (внутренний) контроль, потребность в организации относятся к центральным немецким культурным стандартам [Schroll-Machl 2003: 75–83; Heringer 2004: 187–188]. В формальных и неформальных законах устанавливается, что хорошо и что плохо, и в конечном итоге на этом базируются правовое сознание немцев и многочисленные предписания как для профессиональной, так и для бытовой сферы. При организации какого-либо мероприятия необходимо, чтобы все участники ответственно относились к выполнению поставленных задач и чтобы на каждого можно было положиться. Таким образом, структуры и правила приобретают моральную ценность, и индивид контролирует себя сам, так как убежден в необходимости и оптимальности существующих правил [Schroll-Machl 2003: 90–92]. «Морально безупречный гражданин» считает своим долгом придерживаться правил и следить за тем, чтобы так же поступали и окружающие [Heringer 2004: 187].

В числе ключевых для немецкой культуры слов выделяется *verboten* (*Verbot*), связанный с концептами *Ordnung* (порядок), *Gesetz* (закон), *Sicherheit* (уверенность, надежность, безопасность), *Angst* (страх), *Freiheit* (свобода) и др. [Jamšanowa 2005: 45–56].

Лексема «verboten» (запрещено) зачастую определяется как ключевое слово, позволяющее лучше понять немецкий образ жизни. Немецкие и ино-

странные авторы отмечают высокую частотность запретительных знаков в Германии. «Почему невозможно обойтись без ежедневника, почему все должно быть распланировано и урегулировано до мелочей? Почему повсюду расставлены и развешаны таблички с предписаниями и запретами?» [Löwe 1999: 213]. Живя в Германии, удобнее и безопаснее всего исходить из факта, что все запрещено и противозаконно, если не имеется документального подтверждения обратного [Zeidenitz 2005: 59]. В речи русскоязычных иммигрантов слово «verboten» оказывается вовлеченным в русские словообразовательные процессы, например: «мы здесь не припаркуемся: здесь *зафербочено*» [Русские и «русскость» 2006: 76].

Окказионализм «Verbotssucht» [Gorski 2002: 101], обозначающий стремление немцев создавать запреты и придерживаться их, не имеет эквивалента в русском языке и может быть приблизительно передан как «тяга к запретам» и «зависимость от запретов». Лексема «Verbotsmentalität» (менталитет запретов), употребленная в пособии по переводу с немецкого языка F. Güttlinger, широко цитируется в работах, рассматривающих общественные знаки как источник культурных особенностей [Аринштейн 2001; Snell-Hornby 1989; цит. по: Rathmayr, 1989: 65].

На важное место запретов в немецкой культуре указывает и тот факт, что в рамках курсов немецкого языка для иностранцев предусмотрено информирование учащихся о запретах и общественных знаках, что помогает переселенцам усвоить нормы поведения в Германии. Учебники немецкого языка для иммигрантов зачастую содержат разделы, посвященные правилам и нормам, в том числе и запретам, принятым в немецкой культуре [Hansen 1996: 37; Typisch deutsch 1997: 47, 78].

Следует отметить появление в современном немецком языке неологизма *Schilderwald* (лес табличек), означающего большое скопление информативно-регулирующих указателей на какой-либо территории; и употребление слова *Verbotsschilderwald* (лес запретительных знаков) [Вежбицкая 2001: 180]. Многие телепередачи и публикации посвящены проблеме

перенасыщения Германии регулируемыми знаками и указателями, которая предположительно является следствием немецкого перфекционизма. В ФРГ имеется свыше 500 видов предписывающих, предупреждающих об опасности, указывающих направление движения и прочих знаков, а также 3,5 миллиона дорожных указателей, общая сумма на установку которых составила 15 миллионов евро. Зафиксировано множество заявлений о том, что многочисленные указатели скорее сбивают с толку, чем помогают, поэтому следует «проредить лес табличек» [service/verkehr, dadc.de] и др.

В Германии существует объединение, цель которого – добиться от муниципальных властей уменьшения количества запретительных общественных знаков, обращенных к детям. Интернет-страница этого объединения содержит призыв присылать информацию о представляющихся излишними запретительных знаках, с тем чтобы данное объединение могло способствовать их упразднению. Протест против запретов, адресованных детям, также выражается в виде рисунков, плакатов, логотипов. Примером могут служить логотип (перечеркнутый рисунок – ребенок на велосипеде) с подписью: «Детям приходится нелегко – всюду запрещающие знаки» [extra1] и детский рисунок (дети, играющие на лужайке, и табличка *Betreten und Spielen erlaubt!* (Входить и играть разрешено!)) [kinderministerium].

Частота использования запретительных надписей в Германии, на наш взгляд, объясняется тем, что при высокой степени законопослушания запрет – категоричное и недвусмысленное волеизъявление – является наиболее эффективным способом регуляции поведения граждан.

В ряде изданий для широкого круга читателей «чрезмерное» законопослушание немцев является объектом иронии. «В Германии, согласно старинному принципу, запрещено все, на что нет безусловного разрешения, поэтому есть иностранцы, которые после длительного пребывания в Германии так и не выучивают по-немецки ничего, кроме слова «запрещено» [Gorski 2002: 111]. *Verboten* – одно из первых немецких слов, которые усваивают иностранцы в Германии [McIver Weatherford 1978; цит. по: Stalb 1981: 86;

Вежбицкая 2001a: 169; Здравствуй, Германия! 2001: 102]. Германия характеризуется как страна табличек «Вход запрещен» на общественных газонах [Westfalen 2000: 79], а носители немецкой культуры – как лишенные чувства юмора исполнители запретов, подчиняющиеся табличкам «По газонам не ходить» [Там же: 20]. Известно высказывание со ссылкой на вышеприведенную запретительную надпись, которое приписывается И.В. Сталину: «В Германии не могло быть революции, потому что для ее совершения пришлось бы ходить по газонам» [Zitate und Sprüche 2005: 105]. В дореволюционной России была популярна шутка про взбунтовавшихся немецких пролетариев, которые шли организованной колонной по улице Унтер-ден-Линден до тех пор, пока не увидели табличку «Проход запрещен». На этом революция закончилась, и все благополучно разошлись по домам [цит. по: Тер-Минасова 2004: 346]. Данные иронические отзывы подтверждают наличие негативного стереотипа; степень законопослушания и количество запретительных надписей, переходящие границы здравого смысла, вызывают неприятие у носителей немецкой культуры. Некоторые немецкие ученые полагают, что, «занимаясь немецкими объявлениями, можно вновь оказаться в плену старых стереотипов и предрассудков» [цит. по: Вежбицкая 2001: 167, 177]. Попыткой развенчания стереотипов является и высказывание о том, что «классическую немецкую табличку *Betreten des Rasens verboten* (По газону ходить запрещено) в настоящее время можно найти только на дешевых распродажах, а немецкое послушание уже давно является не более чем ностальгической шуткой» [Westfalen 2000:148]. Возможно, негативное отношение к имиджу «запретителей и педантов» вызвано стремлением немцев к преодолению прошлого (*Vergangenheitsbewältigung*), так как стереотип о немецкой дисциплине, приверженности к порядку является смежным с представлением о гитлеровском рейхе. В то же время иронические отзывы немцев об их дисциплинированности и законопослушании отражают антикультурную установку, носитель которой, высмеивая опре-

деленную социальную норму, тем самым подтверждает факт ее наличия в действительности [Вежбицкая 2001: 178].

Таким образом, общественные знаки запретительного характера служат средством актуализации концепта *Verbot*, и проведенный обзор культурологической литературы подтверждает нашу гипотезу о значимости данного концепта в немецкой культуре.

Вопрос об отношении носителей русской культуры к законам, правилам и запретам рассматривается в работах, посвященных русскому менталитету, национальному характеру и коммуникативному поведению. Русское «закононебрежение» [Прохоров 2006: 112] является чертой национального характера и столь же распространенным национальным стереотипом, как и немецкое законопослушание.

Немецкие и российские авторы констатируют резко отрицательное отношение русских к законам: законы и запреты в России являются чем-то очень относительным – чем их больше, тем находчивее русский человек их обходит; у русских отсутствует самоограничение [Грушевицкая 2003: 323]. Следует отметить, что немецкие авторы обращают особое внимание на негативное отношение русских к ценностям, исключительно важным для носителей немецкой культуры (порядок, законы, запреты) [Baumgart, Jänecke 1997: 89]. Если в немецкой традиции, немецком инстинкте сохраняется страсть к государственному порядку и государственной дисциплине, то славяне от этой традиции свободны, она им не присуща в принципе [Хренов 2007: 74].

Об относительности законов и правил в русском сознании – «правовом нигилизме» – свидетельствуют поговорки и устойчивые словосочетания: «обо всем можно договориться», «если нельзя, но очень хочется, то можно», «в порядке исключения» [Прохоров, Стернин 2006: 112], а также цитируемая во многих исследованиях пословица «Закон что дышло – куда повернешь, туда и вышло» [Мельникова 2003: 135; Прохоров 2006; Сергеева 2005 и др.].

Русский характер противится всяким формальностям и соблюдению твердого регламента [Сергеева 2006: 161].

Необходимо отметить амбивалентность русского национального характера в отношении к власти [Бердяев 1998; Litschew 2001: 99]. Споры о том, что доминирует у русских – тенденция к анархизму или покорность – не утихают [Сергеева 2005: 155]. С одной стороны, русский народ отличает глубокое недоверие ко всему, что насаждается сверху [Baumgart 1997: 102], критический и пессимистический нонконформизм по отношению к государству [Löwe 1999: 87], анархическая склонность к бунту против собственного государства [Трофимов 1998: 65]. По отношению к собственному государству в России была не только оппозиция интеллектуальная, политическая, но и «оппозиция души» [Лихачев 2006: 219]. В народе редко выражается открытое восхищение законопослушанием человека [Сергеева 2005: 168]. Отмечается чужеродность государственной власти в восприятии русского народа: «государственная власть всегда была внешним, а не внутренним принципом для безгосударственного русского народа», «часто власть производила впечатление иноземной... немецкого владычества» [Бердяев 1998: 275]. С другой стороны, существует тяготение к сильной власти, сочетающееся со страхом перед властью и государством на генетическом уровне, в то время как слабая власть вызывает чувство вседозволенности и коррупцию [Сергеева 2005б: 168, 171]. Распространенный ментальный стереотип «Нам нужен порядок!» отражает стремление русских к сильному внешнему контролю, однако под порядком не подразумевается ничего конкретного [Прохоров 2006: 114].

В России не сложилось представление о праве как о необходимом государственном компоненте, организующем жизнь граждан, поскольку нет такой структуры, которая бы жестко обуславливала степень обязательства перед другими людьми [Панищев 2003: 203]. В исследованиях русского менталитета отмечается приверженность внешнему контролю и слабость внутренней ответственности, привычка к диктатуре и всевластию начальства

[Прохоров 2006: 114]. Для России характерно сосредоточение власти в руках конкретных людей, которые могут не считаться с законом; нахождение власти вне права и над ним [Сергеева 2005: 164–165]. Отсюда проистекает, с одной стороны, недоверие россиян к закону и отсутствие восприятия его всерьез, а с другой – уверенность в том, что выход из любой ситуации можно найти, не апеллируя к закону, а воздействуя на нужных людей. Социологи отмечают, что только 10% молодежи и каждый седьмой представитель старшего поколения готовы безоговорочно подчиняться требованиям закона; основная же масса готова это делать только при одном условии – что закон один для всех, и представители власти будут следовать нормам закона так же, как и все остальные граждане [Егоров 2006: 352].

Особенности отношения носителей русской культуры к законам и запретам объясняет ключевая характеристика русской ментальности, отмечаемая многими исследователями: преобладание моральных представлений над политическими и правовыми [Сергеева 2005: 170], искание абсолютного добра [Лосский 2005: 183], противостояние естественно-правовых начал формально-юридическим началам [Егоров 2006: 388], ненормативность сознания, при которой поступки и выбор диктуются в большей степени не нормами, а нравственностью и силой духа [Дмитриев 2007: 59]. Закон мыслится русским сознанием прежде всего как «предел», за которым лежит иная сфера жизни или духа, и является не высшей категорией, которой подчинено все лежащее в данной сфере, а лишь некоей границей внутри сферы более широкой. Взгляд «с той стороны» этого предела, неподчинение пределу (не обязательно «преступное») составляет основную черту русского культурного концепта «закон» [Степанов 2001: 572]. Правда и справедливость значат для русских больше, чем закон [From nyet to da: Understanding Russians 1996: 84–85]; противоречие между законом и справедливостью самоочевидно и весьма существенно для русской культуры, и в ситуации такого противоречия «непосредственное чувство» русского человека оказывается на стороне справедливости [Шмелев 2002: 199]. Самодовлеющее зна-

чение закона для русских уходит на задний план [Бенедиктов 2003: 200]; за сферой закона лежит более обширная область добра, совести и справедливости, хотя и не «регламентированная» [Степанов 2001: 578]. Искание абсолютного добра оборачивается неуважением к праву как к добру относительному [Рябов 2001: 50]. Добродетель русских определяется как основанная не на «проклятых долге и обязанности», не на принудительной дисциплине... а на свободной доброте, сострадании, духе самопожертвования и стремлении к совершенству [цит. по: Трофимов 1998: 146]. Русская идея есть идея созерцания сердцем, а сердцу нельзя приказывать любить, и созерцанию нельзя предписать, что ему надо видеть и что оно должно творить [Ильин 1992: 324–325].

В исследованиях русского менталитета редко уделяется внимание понятию «запрет» как таковому. В русском обществе отмечаются низкие показатели «запретительных симпатий, наклонностей»: по данным социологических исследований, число граждан, выступающих за запрещение деятельности политической оппозиции, забастовок, массовых выступлений и т. д., незначительно [Егоров 2006: 362]. В русском сознании нарушения запретов и правил часто связаны с положительными эмоциями: «весьма часто русский нарушает закон, даже если в данном случае от этого никакой выгоды ему не будет... просто потому, что нарушать правила приятно» [Жельвис 2002: 78–79].

С.Г. Тер-Минасова отмечает следующие причины частого игнорирования запретов и предписаний в России: клишированность традиционных запретов-команд, особенность национального характера – не верить начальству и сопротивляться общественным предписаниям, отсутствие материальных условий, при которых соблюдение предписаний является возможным [Тер-Минасова 2004: 345–347]. В работе А.В. Павловской последний фактор иллюстрируется примером о несоблюдении запрета на выгул собак в городском парке. Автор подчеркивает абсолютную бессмысленность табличек «Выгул собак запрещен», заведомую невыполнимость данного запрета (так

как специальные места для выгула отсутствуют) и справедливо отмечает, что для гуляющих в парке детей происходящее являлось наглядным уроком отношения к законам и предписаниям: «не все то, что предписывается, должно выполняться» [Павловская 2003: 18–19].

По мнению В.И. Карасика, этнокультурная специфика в отношении запретов состоит в том, что одни народы не терпят чрезмерного вмешательства государства или общества в их личную жизнь, а другие считают это допустимым и правильным. «Казалось бы, нет такой ситуации, в какой государство не считало бы своим правом наложить запрет на поведение, отступающее от строго установленной нормы»; «русские максимально терпят чрезмерное вмешательство в их нормы поведения» [Карасик 2004: 148; цит. по: Попович 2006: 69]. Долговременная практика вмешательства государства в частную жизнь, в том числе посредством запретов и предписаний, приобрела в русской культуре статус нормы. В частности, советский период характеризовался обилием лозунгов и предписаний политического и воспитательного характера, а также общественных знаков, выражающих различные запреты. Исходящие от официальной власти запреты и предписания воспринимаются в России как неотъемлемая часть повседневной жизни, но не как установления, служащие интересам граждан. Это снижает мотивацию к исполнению предписаний и порождает пренебрежение русских к общественным знакам и указателям – их обилие вовсе не означает принятие их народным сознанием. Так, немецкая журналистка отмечала невнимание к объявлениям и вывескам, преобладавшее в советском обществе, и чувствовала себя одной из немногих, кто читал лозунги и надписи предписывающего характера, размещенные в общественных местах [Fisher-Ruge 1990: 157].

На основании вышеизложенного может сложиться впечатление о том, что идея добровольного подчинения запрету является абсолютно чуждой для русского сознания. Однако, по мнению некоторых авторов, принцип самоограничения является ценностью как христианской, так и дохристианской

культуры, и важным компонентом русского социального архетипа [Касьянова 2003]. Согласно концепции К. Касьяновой, русские последовательно реализуют принцип самоограничения на подсознательном уровне, но на уровне сознания ценность данного принципа остается неотрефлексированной. В плане сознания у русских может присутствовать идеал личности, борющейся против социальных пут и ограничений, запретов и предписаний [Там же: 225]. Запрет как самоограничение, осознанный отказ от какого-либо действия, исходящий из нравственных убеждений, принятый *душой* человека, переосмысленный как веление *совести*, перестает быть *запретом*, а становится актом свободной *воли*. В России преобладает культурно-религиозный подход к понятию права. Право и долг представляют собой не государственную, а нравственную категорию человеческого бытия [Панищев 2003: 201–203].

Таким образом, обилие запретительных общественных знаков, объясняемое стремлением к разграничению различных сфер жизни и к поддержанию общественного порядка, отмечается исследователями как характерная особенность немецкой жизни и подтверждается нашими наблюдениями в культурном пространстве Германии. Для немецкой культуры характерно доверие к государству, отсутствие противостояния между народом и государством, четкое осознание охранительной и упорядочивающей функции закона и запрета как разновидности законодательного акта (либо волеизъявления частного лица). Элемент принуждения либо подчинения, присутствующий в запрете, расценивается как необходимое средство достижения порядка (*Ordnung*) и уверенности в безопасности (*Sicherheit*). Негативное отношение к чрезмерному законопослушанию и к переизбытку регулирующих и запрещающих указателей в Германии, проявляющееся в протестных заявлениях и в ироническом тоне некоторых публикаций, не противоречит позитивному значению запрета в немецкой культуре в целом. Во многих научных и популярных публикациях о немецкой культуре дается комментарий запретительных надписей – материального средства выра-

жения запрета – как распространенного явления культуры. Концепт «запрет» гармонично вписывается в ряд ключевых концептов немецкой культуры (Ordnung, Angst, Gesetz, Sicherheit).

Для русской культуры характерно четкое разграничение и противопоставление формально-юридической сферы, к которой относится запрет наряду со смежными понятиями закона и права, и морально-этической, к которой относятся ключевые концепты русской культуры (душа, совесть, воля, справедливость). Наряду с признанием охранительной и упорядочивающей функции государственной власти в русском сознании присутствует враждебное отношение к запретам, исходящим от официальной власти и воспринимаемым как предел (препятствие), нечто формальное, чужеродное, противоречащее желаниям адресата. Для носителей русской культуры условием успешных действий в соответствии с запретительным распоряжением являлось бы переосмысление запрета в терминах ключевых культурных ценностей, то есть как исходящего из внутренних нравственных побуждений, что означало бы «нейтрализацию» элемента принуждения. В исследованиях, посвященных русской культуре, внимание не акцентируется на понятии запрета и запретительных знаках, хотя они достаточно многочисленны в пространстве русской культуры. Таким образом, концепт «запрет» является центральным для немецкого менталитета и периферийным для русского менталитета, где ключевыми являются концепты морально-этического плана. Материальным средством выражения запретов являются общественные знаки, к анализу которых мы обращаемся в следующем разделе.

### **1.3. Общественные знаки как объект исследования**

В существующих исследованиях под общественными знаками понимаются вербальные вывески, объявления, таблички, предназначенные для регуляции поведения в общественных местах, исходящие от лиц или организаций, наделенных властью, обращенные к любому потенциальному адресату и ни к кому конкретно. В нашем исследовании общественные знаки

рассматриваются как особый тип текстов официально-делового стиля, обладающих определенными лингвистическими и экстралингвистическими характеристиками. Мы исходим из определения текста как объединенной смысловой связью последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность [ЛЭС]. По мнению В.А. Масловой, текст – это истинный стык лингвистики и культурологии, так как он принадлежит языку и является его высшим ярусом, в то же время текст есть форма существования культуры [Маслова 2007: 53].

На наш взгляд, тексты данного типа обладают высокой степенью значимости как фактор, влияющий на межкультурную коммуникацию. Общественные знаки – едва ли не первое, с чем сталкивается человек в инокультурной среде; они являются непосредственными регуляторами поведения и выразителями норм той или иной культуры посредством языка. Наиболее значимыми для исследования мы считаем знаки запретительного характера, так как нарушение выражаемых ими запретов влечет за собой негативные последствия в материальном плане (санкции) и в духовном (отрицательные стереотипы о нации, к которой принадлежит нарушитель). Следует отметить, что общественные знаки представляют собой наиболее широко распространенный и общедоступный вид текстов, выражающих запрет, – в отличие от текстов инструкций, правил, уставов и т. п., а также текстов, относящихся к сфере законодательства.

Исследование общественных знаков – направление в лингвистике, находящееся в настоящее время на начальной стадии разработки. Среди отечественных исследований, посвященных данной проблематике, наиболее известны работы С.Г. Тер-Минасовой и В.М. Аринштейн. Из зарубежных лингвистов изучением общественных знаков занимались А. Вежбицкая, Л. Попович, R. Rathmayr, M. Snell-Hornby, J. House.

По нашим данным, общественные знаки не выделяются в типологиях речевых жанров письменной разновидности официально-делового стиля [Богатырева 2005; Брандес 1990; Введенская, Пономарева 2005] и могут

быть условно причислены лишь к выделяемому в данных типологиях жанру объявления.

По мнению одного из исследователей, надписи, регулирующие поведение граждан в городской среде, относятся к директивным жанрам нехудожественных текстов [Яковлева 1991: 133].

Следует отметить отсутствие терминологического единообразия в обозначении разными учеными объекта исследования. R. Rathmayr называет данный вид текстов «öffentliche Aufschriften» [Rathmayr 1987: 65]; в терминологии M. Snell-Hornby это «public directives», «öffentliche Direktiven» [Snell-Hornby 1998: 69]; В.М. Аринштейн использует русский перевод данного обозначения «публичные директивы» (ПД) [Аринштейн 2001: 77–89]. Авторы исходят из того, что все тексты подобного типа, даже представляющие собой с формальной точки зрения «собственно информацию», имеют целью регулировать поведение граждан. С.Г. Тер-Минасова обозначает предписывающие знаки как «информативно-регулирующие указатели» либо «информативно-регуляторская лексика» [Тер-Минасова 2004: 301], О.В. Сарайкина – «инструктивные общественные указатели» [Сарайкина 2007: 12]. А. Вежбицкая использует термин «public signs», переводимый на русский язык как «общественные знаки», в некоторых случаях – как «публичные знаки». В работах В.М. Аринштейн и А. Вежбицкой тексты подобного рода со значением запрета названы «запретительными знаками» [Аринштейн 2001: 79; Вежбицкая 2001: 170]. В исследовании Л. Попович тексты данного типа обозначаются как «публичные надписи» (в сербском оригинале «јавни натписи») [Попович 2006: 61, 83], в культурологическом пособии Г.В. Елизаровой – как высказывания запретительного характера [Елизарова 2005: 72].

В вышеупомянутых работах внимание авторов сосредоточено на разных аспектах проблемы. Работа А. Вежбицкой «Немецкие культурные сценарии: Общественные знаки как ключ к пониманию общественных отношений и культурных ценностей» является одним из наиболее подробных исследо-

ваний текстов данного типа, где автор формулирует «культурные правила» в терминах лексических универсалий, которые являются общечеловеческими понятиями, лексикализированными во всех языках мира. Автор считает, что объявления и вывески представляют собой «внешнее выражение скрытой системы «культурных правил» или «культурных сценариев» (англ. “cultural scripts”) [Вежбицкая 2001: 159].

А. Вежбицкая сопоставляет англосаксонские и немецкие общественные знаки, объясняя различия между ними на лексико-стилистическом, грамматическом, пунктуационном уровнях различиями ментальности, традиций общественной жизни. Согласно Вежбицкой, фундаментальное различие между англосаксонскими и немецкими культурными нормами, отражаемыми в данных текстах, заключается в преобладании знаков-«правил» в англоязычных странах и «запретов» – в немецкоязычных. В общественных знаках с компонентом *verboden* (запрещено) могут выражать свою волю, требуя подчинения, как представители официальной власти, так и частные лица. Преобладание правил над запретами в англоязычных общественных знаках, помимо лингвистических факторов, объясняется тем, что в англосаксонской ментальности высшей ценностью считается свобода личности. По мнению автора, в речевых оборотах с *verboden* содержится отсылка к власти субъекта волеизъявления над другими людьми [Вежбицкая 2001: 180], отсутствующая в английских структурах *No* + герундий. В немецкой ментальности заложено изначальное разделение между субъектом волеизъявления и потенциальным адресатом, проявляющееся в навязывании одному воли другого. В результате в немецких знаках внимание, как правило, фокусируется на «негативной стороне вещей» [Там же: 176], и знаки принимают форму более или менее категоричных запретов. В англоязычном мире предписания, регулирующие жизнь людей, традиционно принимали форму правил, создаваемых по общественной договоренности, распространяемых и на тех, кто их создает, что исключает навязывание воли [Там же: 200]. Таким образом, субъект воле-

изъявления в большинстве английских общественных знаков отсутствует или же частично совпадает с адресатом высказывания.

Автор выделяет несколько лексико-грамматических моделей, выражающих значение запрета *X verboten*, *X ist nicht gestattet*, «авторитарный инфинитив» и др., не представляя, однако, четкой классификации. Также А. Вежбицкая бегло касается философско-социологического аспекта (не)подчинения запретам, приводит аргументы, высказанные другими учеными против ее концепции, рассматривает немецкие культурные нормы и сложившиеся о них стереотипы в диахронии [Там же: 165–167].

В.М. Аринштейн в статье, посвященной этноспецифическим особенностям оформления «публичных директивов» [Аринштейн 2001], рассматривает формальные и содержательные особенности английских, немецких и русских общественных знаков в социокультурном аспекте. Исследователь опирается на работу П. Браун и С. Левинсона «Politeness: Some Universals in Language Usage», авторы которой обозначают термином «вежливость» стремление личности к поддержанию своего «лица», мотивированное присущими человеку потребностями (wants) в признании окружающими самоценности его личности и в уважении его права на свободу от принуждения (freedom of action) [Brown 1994: 70]. Общественные знаки, или публичные директивы, должны выполнять две задачи: обеспечить выполнение заложенных в них прескрипций и в то же время минимально травмировать позитивное лицо адресата. Предметом исследования, таким образом, является культурная специфика «стратегий вежливости» и «способов поддержания позитивного лица» [Аринштейн 2001: 79].

Автор справедливо полагает, что рано ставить точку в споре об авторитарности немецкого или английского менталитета. Так, при изложении доводов А. Вежбицкой в пользу «менталитета запретов» отмечается, что, кроме запретов с *verboten*, в Германии имеется достаточно богатый арсенал регулятивных средств в зависимости от социальной дистанции, уровня официальности, ситуации общения, в том числе и стратегий вежливости,

направленных на поддержание лица адресата. Характеризуя англоязычные общественные знаки, автор отмечает их вежливую, некатегоричную форму, нейтрализующую их ликующий характер; объявления с эксплицитным выражением запрета и упоминанием о санкциях определяются как характерные для ситуаций, связанных с опасностью для жизни или причинения ущерба окружающим [Там же: 80–82].

Что касается российских общественных знаков, автор обращает внимание на их динамику в течение последнего десятилетия: рост количества полуприватных знаков, распространение вежливых форм предписаний [Аринштейн 2001: 88]. Отмечается сравнительная малочисленность русских знаков и тот факт, что они не охватывают ряда существенных сторон повседневной жизни общества, что объясняется недостаточной разработанностью законодательной базы. В запретительных общественных знаках отмечаются частотность авторитарного инфинитива и лексических средств выражения запрета. Спорным, на наш взгляд, представляется утверждение о повсеместном распространении в России знаков, в которых «граждане запрещают действия других граждан» [Аринштейн 2001: 86]. По нашему мнению, в большинстве подобных полуприватных запретов субъектом волеизъявления является не частное лицо, а «администрация», руководство учреждения или организации.

В работе В.О. Павлова рассматриваются русские и английские *public directives*, под которыми автор понимает прескриптивные директивные речевые акты (ДРА) *No Smoking*, *Не стой под стрелой* и т. п. Автор подразделяет данные ДРА на РА-приказы и распоряжения, РА-инструкции, РА-заказы, РА-требования и РА-приглашения. Речевой акт запрета рассматривается как негативная форма приказа. Автор отмечает проблему перевода термина *public directives* на русский язык, связанную с многозначностью лексем «публичный» и «директива». Автор относит средства выражения директив к разным уровням языка: морфологическому, лексико-грамматическому, синтаксическому, а также интонационному [Павлов 2007: 61]. Однако примеры,

приводимые автором, свидетельствуют о том, что сфера их употребления является не собственно *public directives*, а в значительной мере способами выражения побуждения в устной коммуникации. Так как выводы, приводимые автором, отличаются противоречивостью, проблема сопоставительного изучения ДРА требует дополнительного углубленного исследования.

М. Snell-Hornby называет идею «менталитета запретов» популярной иллюзией, не имеющей под собой никаких лингвистических оснований [цит. по: Аринштейн 2001: 84]. По мнению Snell-Hornby, англоязычные высказывания с использованием частицы *no* – это формы запрета, хотя слово *forbidden* (запрещено) не упоминается ни разу, а грамматические структуры и лексемы в каждом случае разные [Snell-Hornby 1998: 203].

Р. Rathmayr подразделяет общественные знаки на категории *Просьба / Требование, Совет / Предупреждение, Предписание / Запрет* [Rathmayr 1990; цит. по: Rathmayr 1987: 66], но отмечает, что между данными группами не существует строгого разграничения.

В исследованиях Snell-Hornby и Rathmayr внимание обращается на степень обезличенности либо персонификации адресата общественных знаков; в работах Snell-Hornby исследуется и аспект перевода данных текстов [Rathmayr 1989, Snell-Hornby 1998].

Ж. House полагает, что традиция использования общественных знаков в Германии является значимым аспектом культуры повседневной жизни, отражающим культурные ценности и особенности коммуникации, среди которых автор выделяет прямоту коммуникативного стиля, ориентированность говорящего на себя, ориентированность на содержание высказывания, эксплицитность, формулировки *ad hoc* [House]. По собственному свидетельству, Ж. House много лет восхищенно наблюдает немецкую «культуру табличек» (*Schilderkultur*). Свидетельством значимости «культуры табличек» в австрийской культурной традиции является специальное издание, где комментируются фотографии разнообразных вывесок, в том числе запретительных надписей [Willnauer 2002].

В работе Н.-Н. Lüger исследуются проблемы оптимизации воздействия на адресата в текстах, авторами которых являются государственные учреждения. Одним из видов таких текстов являются общественные знаки, используемые в регуляции уличного движения. В исследовании ставится вопрос о том, как снизить уровень возможного сопротивления указанию, так как любое предписание является вмешательством в свободу действий адресата. В качестве языковых средств, применяемых для данной цели, отмечаются имплицитная форма предписания, использование языковой игры, построенной на многозначности слов, звуковом сходстве и т. д. [Lüger 2002: 166–168].

Важным российским исследованием в области общественных знаков является глава книги С.Г. Тер-Минасовой «Перекрестки культур» [Тер-Минасова 2004: 297–348], в которой осуществлена постановка проблемы и разработана классификация данных текстов:

- 1) собственно информация (Вход; Выход)
- 2) инструкция (Соблюдайте тишину!; Закрывайте за собой дверь!)
- 3) запрет (Не курить!; По газонам не ходить!)
- 4) предупреждение (Осторожно – злая собака!; Осторожно – окрашено!)

С.Г. Тер-Минасова выделяет различные способы реализации функции воздействия в сфере информативно-регуляторской лексики: вежливые формы обращения, разъяснение причин требования, игру слов, стилизацию и т. д., иллюстрируя их многочисленными примерами на материале английского языка. Автор рассматривает англоязычные знаки, не имеющие точных эквивалентов или отсутствующие в русской культуре в связи с особенностями климата, образа жизни, культурных норм. В разделах, посвященных англоязычным знакам, отмечается высокий уровень вежливости этих знаков и широкое разнообразие форм языкового выражения, способных оказать воздействие на членов социума [Тер-Минасова 2004: 311–312]. Категоричность и прямолинейность русских общественных знаков объясняется советской идеологией, при которой человек считался винтиком в машине государства,

а субъектом волеизъявления был пришедший к власти простой народ. Из фельетона И. Ильфа и Е. Петрова, на который ссылается С.Г. Тер-Минасова, видно, что традиция употребления категоричных запретов типа *Не сорить*, *По газонам не ходить* была насаждена «сверху», а не порождена русскими культурными нормами, или, по словам В.М. Аринштейн, «вряд ли свидетельствует об авторитарности сознания носителей языка» [Аринштейн 2001: 86]. В этой связи С.Г. Тер-Минасова отмечает изменения в сфере информативно-регуляторской лексики за последнее время: распространение обращения к адресату с эпитетом «уважаемый», использование маркеров вежливости и «заранее-благодарности», изложение директив в ненавязчивой форме сообщения (вместо «не курить» – «у нас не курят») [Тер-Минасова 2004: 342–343].

Работа Л. Попович представляет собой контрастивное исследование дискурса общественных знаков (публичных надписей) в коммуникативном поведении носителей русской и сербской культур. Исходными пунктами исследования являются наличие стереотипов поведения в обществе, основанных на моральных, этических, юридических нормах и направленных на поддержание общественного порядка; наличие лиц, облеченных властью и осуществляющих контроль над соблюдением норм, при необходимости применяя санкции; контроль индивида над собственным поведением, который интенсивно поддерживается обществом.

Публичные надписи подразделяются автором на прохибиторы (надписи, выражающие запрет), прескрипторы (выражающие предписание) и информаторы. В отличие от классификации Тер-Минасовой, здесь знаки со значением просьбы и предупреждения объединены в группу «прескрипторы». В дефиниции исследуемых текстов на первый план выступает идея самоконтроля: «публичные надписи рассматриваются как особый вид дискурса, функциональной направленностью которого является напоминание потенциальному адресату о необходимости прибегнуть к самоконтролю в ситуа-

ции с предусмотренными сообществом нормами поведения или восполнение информационного пробела в знании адресата» [Попович 2006: 63–64].

Типология публичных надписей в данном исследовании основана на трех ведущих параметрах: прагматическом, лингвокультурном и ситуативном. В прагматическом параметре тексты данного типа рассматриваются как речевые акты, направленные адресантом – составителем текста к адресату – потенциальному участнику коммуникативной ситуации и семиотического воздействия. Автор подчеркивает, что публичные надписи, в том числе прохибиторы, относятся к речевым актам с обобщенной иллокуцией, т. е. направлены на адресата и адресанта одновременно. Они обязывают к определенному действию не только адресата (подчиняться запрету), но и адресанта (принять необходимые меры в случае нарушения запрета), лишь тогда надпись адекватно выполняет свою функцию регуляции общественного поведения. Речевые акты подразделяются на директивы, ассертивы (информирующие), пермиссивы (разрешающие), экспрессивы (благодарности, извинения) [Попович 2006: 66–68]. В данной классификации автор опирается на теорию речевых актов, разработанную Дж. Серлем и Д. Вандервекеном [Серль, Вандервекен 1986: 260].

Мерой категоричности общественного знака считается иллокутивное напряжение высказывания, то есть степень интенсивности развития функции воздействия между участниками коммуникативной ситуации.

В лингвокультурном параметре проведен контрастивный анализ наиболее частотных грамматических структур со значением запрета в русском и сербском языках; подчеркивается страноведческая информативность публичных надписей, которые являются отражением этнокультуры, исторического периода, а также новых норм поведения, возникающих в связи с техническим прогрессом [Попович 2006: 73].

На уровне ситуативного параметра выделяются следующие группы общественных знаков по месту сбора: 1) надписи в средствах общественного транспорта; 2) надписи в институциональных учреждениях и общественных

заведениях; 3) указатели на улице, включая дорожные знаки. В рамках данных групп анализируются стратегии воздействия, способы номинации адресата, этнокультурные особенности; также внимание уделяется невербальным аспектам (цветовое оформление, сочетание текста с логотипами) [Попович 2006: 74].

В работе М. Миланович, также основанной на теории речевых актов, проводится анализ дискурса публичных надписей в сербском языке. С этой целью языковой материал рассматривается на прагмалингвистическом, морфологическом и синтаксическом уровнях [Милановић 2005: 102].

Г.В. Елизарова обращает внимание на проявление системы культурных ценностей в грамматических конструкциях, употребляемых в англо- и русскоязычных общественных знаках запретительного характера. В англоязычных обществах одной из ключевых культурных ценностей является автономия личности; это предполагает, что никто не вправе навязывать другому свою волю, и в общественных знаках практически отсутствуют волеизъявления, за исключением ситуаций, связанных с опасностью. Русские знаки, содержащие эксплицитный категоричный запрет, вызывают у носителей англоязычных культур реакцию замешательства и неодобрения. В свою очередь носители российской культуры, не будучи осведомлены об особенностях вуалирования предписывающей информации в англосаксонской культуре, часто не способны распознать предписание и выполнить фактическое требование, в результате чего коммуникации наносится ущерб [Елизарова 2005: 72–74].

М. Snell-Hornby рассматривает изучаемые тексты с точки зрения контрастивной прагматики. Автор отмечает, что с возникновением прагматического направления в языкознании в начале 1970-х гг. большее внимание стало уделяться вопросам использования языка, а именно исследованию конкретных текстов в реальной внеязыковой ситуации. С помощью эмпирических исследований (анализа дискурса) разных языковых сообществ проводилось сопоставление речевых актов и соответствующих речевых

стратегий. Типичными примерами и весьма результативными для перевода являются англо- и немецкоязычные общественные знаки, которые были изучены J. House (1997) и M. Snell-Hornby (1998) на обширном корпусе материала. Авторы пришли к сходному результату, который подтверждается также и на материале текстов других типов. Основным итогом является положение о том, что немецкие директивы (согласно результатам J. House – и другие типы дискурса) ориентированы скорее не на личность адресата, а на их содержание. Англоязычные же общественные знаки, напротив, являются скорее интеракционными и ориентированными на адресата. При языковой реализации это означает, что в английском языке адресат идентифицируется в своей ситуативной роли либо имеет место прямое обращение к нему, и что, прежде всего, при запретах и предупреждениях употребляются модальные глаголы либо формы императива. В немецком же языке доминируют безличные инфинитивные конструкции либо такие лексемы, как *Warnung* (предупреждение) и *verboten* (запрещено). M. Snell-Hornby приводит некоторые примеры, иллюстрирующие данное положение:

*Überschreiten der Gleise verboten – Passengers must not cross the line.*

*Warnung vor Dieben! – Beware of pickpockets!*

*Hausieren verboten – Hawkers, canvassers, collectors not allowed.*

*Einfahrt freihalten – Keep left.*

Автором также отмечается следующая тенденция: в последние годы в немецкоязычных директивах появляются признаки, отражающие ориентированность на адресата (использование императивных форм, а также невербальных кодов, логотипов) [Snell-Hornby 1998: 69].

В исследовании речевых актов разрешения и запрещения внимание обращается и на общественные знаки. И.Б. Шатуновский отмечает распространенность пассивных и безличных производных глагола *запрещать* для формулировки общего, исходящего неизвестно от кого (импликатура: некоторых весьма авторитетных органов, распоряжения которых обязательны для исполнения), касающегося всех (или оговоренного типа, класса лиц)

запрещения: *Купаться запрещено! Ходить по полю воспрещается! Запрещается продавать сигареты детям до 18 лет!* [Шатуновский 2000: 322].

Согласно классификации повелительных предложений-высказываний А.В. Бондарко, общественные знаки относятся к типу неопределенно-референтных предложений, которые анонимный говорящий адресует неопределенному (любому) слушающему, у них нет конкретного адресата. Они употребляются в правилах поведения, рекомендациях, инструкциях. Как правило, в таких предложениях субъектом волеизъявления выступает некий носитель коллективного опыта (представитель официального учреждения, организации), отчего высказывание приобретает четкую директивную окраску [Бондарко 1990: 142].

Н.Ф. Гладуш относит запреты к директивным речевым актам. По мнению автора, для директивного речевого акта особую релевантность имеет социальный параметр ситуации общения – отношения, устанавливающиеся между коммуникантами [Гладуш 1987: 20]. Это, прежде всего, отношения социальной иерархичности, которые могут дополняться другими факторами: временем и предметной обстановкой речевого акта, совместным опытом и знаниями о мире коммуникантов. Как отмечают некоторые лингвисты, например Н.Д. Арутюнова, «речевой акт запрета обладает довольно высокой степенью силы, с которой подается иллокутивная цель. Категоричность данной иллокуции подтверждается хотя бы тем, что запрет чаще всего выражается в лаконичной форме» [Арутюнова 1988: 245].

Таким образом, в нашем исследовании опора на отдельные характеристики директивных речевых актов даст нам возможность рассмотреть коммуникативные намерения говорящего, установить поведенческие реакции адресата, зависящие не только от социальных отношений между коммуникантами, но и от их принадлежности к определенной нации.

В одном из исследований рассматривается тенденция к увеличению числа общественных знаков на двух и более языках в районах проживания многонационального населения. Данная тенденция изучается на примере

появления в одном из кварталов Аугсбурга, населенном преимущественно турками, объявления, содержащего запрет игры в мяч, на двух языках – немецком и турецком. Отмечается, что подавляющее большинство многоязычных указателей в Германии составляют запретительные знаки. С одной стороны, турки приобретают право на дополнительную информацию на их родном языке; с другой – адресатами запрета игры в мяч являются дети, т. е. иммигранты во втором-третьем поколении, неумение которых прочесть предписание на немецком языке практически равно нулю. Предположительно, немецкая часть знака не только является переводом с турецкого, но имеет целью призвать немцев к контролю за соблюдением данного предписания. Таким образом, вместо осуществления принципов равноправия общественные знаки подобного рода свидетельствуют о неравноправии турецкого меньшинства в Германии.

Проведенный обзор показывает, что существует терминологическое разнообразие в обозначении объекта нашего исследования в работах как отечественных, так и зарубежных ученых. Типология общественных знаков находится на начальной стадии разработки, что находит отражение в их различных классификациях. Классификация материала осложняется фактом наличия во многих объявлениях нескольких значений: информация, запрет, предупреждение, просьба.

Материал рассматривается в разных ракурсах в соответствии с подходом, которого придерживается тот или иной исследователь. Прослеживаются подходы с позиции теории речевых актов, контрастивной прагматики, лингвокультурный и ситуативный подходы и др.

В настоящей работе мы исследуем материал в рамках лингвокультурологического подхода, предполагающего выявление культурной специфики через анализ лингвистических особенностей изучаемых текстов. Общественные знаки мы рассматриваем, таким образом, как внешнее выражение системы культурных ценностей и норм.

На основе обобщения исследований по данной проблематике в нашей работе предлагается следующее определение общественных знаков: общественные знаки – условное соответствие английскому термину *public signs* – особый тип текстов, которые отличает ряд лингвистических и экстралингвистических характеристик: краткость объема, стандартизированность, однозначность, императивность, обобщенность адресата, бессубъектность, отсутствие эмоционально-экспрессивной окрашенности, функциональная направленность на регулирование поведения граждан в общественных местах путем информирования или напоминания потенциальным адресатам о необходимости соблюдения принятых в обществе норм поведения. По мнению исследователей, данные тексты отражают и одновременно формируют идеологию, менталитет общества и государства (С.Г. Тер-Минасова), являются ключом к пониманию общественных отношений и культурных ценностей (А. Вежбицкая).

### **Выводы по главе 1**

1. Изучение проблематики запрета в гуманитарных науках показывает, что феномен запрета привлекал внимание философов, психологов, социологов, культурологов и лингвистов и получал множественную интерпретацию в рамках различных направлений гуманитарного знания, что указывает на его значимость для человеческого общества.

С точки зрения представителей философского знания и социальных наук запрет представляет собой сложное, неоднозначное понятие, рассматриваемое в качестве элемента социальной нормы. В психолого-педагогических исследованиях запрет трактуется как социальное явление, установление, правило, предписывающее определенное поведение. В лингвистических исследованиях, в зависимости от подхода с позиций отдельных научных направлений, запрет интерпретируется как понятие, концепт, категория. Запрет рассматривается в связи с видами модальностей, теорией

речевых актов, семантикой и типологией прохибитива, в рамках функционально-семантического поля и т. д.

2. В нашем исследовании мы рассматриваем запрет в качестве концепта и понимаем под концептом, вслед за В.И. Карасиком, многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны. Образно-перцептивный компонент абстрактных концептов, к которым относится концепт «запрет», может быть нивелированным, в связи с чем рассмотрению при анализе изучаемого концепта подлежат его понятийная и ценностная составляющие.

3. Анализ понятийной составляющей концепта «запрет», проведенный на основе данных наиболее репрезентативных лексикографических источников немецкого и русского языков, позволил установить, что понятийная составляющая изучаемого концепта в целом является универсальной. Общим фактором является наличие сходной интерпретации запрета как недопустимого либо подлежащего прекращению действия в общественной либо частной жизни. Различия объясняются как чисто языковыми, так и культурными факторами, которые зачастую неотделимы друг от друга. Изучение лексикографии приводит к выводу о преобладании положительного отношения к концепту *Verbot* в немецком языковом сознании, что связано с известным положением о законопослушании носителей немецкой культуры и об амбивалентном отношении к запретам в русском языковом сознании, в котором совмещается понимание необходимости запретов и восприятие запрета как ограничения.

4. Изучение ценностного компонента концепта «запрет», проведенное на основе данных культурологических исследований немецкой и русской ментальностей, подтвердило результаты анализа понятийного компонента данного концепта. Для немецкого менталитета характерно четкое осознание охранительной и упорядочивающей функции закона и запрета как разновидности законодательного акта (либо волеизъявления частного лица). Элемент принуждения и/или подчинения, присутствующий в запрете, расценивается

как необходимое средство достижения порядка и уверенности в безопасности. Концепт *Verbot* гармонично вписывается в ряд ключевых концептов немецкой культуры (*Ordnung, Gesetz, Sicherheit, Angst, Gemütlichkeit*).

Для русской культуры характерно четкое разграничение и противопоставление формально-юридической сферы, к которой относится концепт «запрет» наряду со смежными концептами «закон» и «право», и морально-этической сферы, к которой относятся ключевые для русской культуры концепты (душа, совесть, воля, справедливость). Наряду с признанием охранительной и упорядочивающей функции государственной власти в русском сознании присутствует негативное отношение к запретам, исходящим от официальной власти и воспринимаемым как предел (препятствие), нечто формальное, чужеродное, противоречащее желаниям адресата. Таким образом, изучение культурологических источников позволило установить, что концепт «запрет» является центральным для немецкого менталитета и периферийным для русского менталитета.

5. Одним из материальных средств выражения запретов являются общественные знаки, изучаемые в лингвистике с точки зрения разных подходов: с позиции теории речевых актов, контрастивной прагматики, лингвопрагматического, социокультурного, подходов и др. Множественность терминологических обозначений и классификаций общественных знаков свидетельствует о том, что типология данных текстов не разработана.

В настоящей работе исследуются общественные знаки в рамках лингвокультурологического подхода, предполагающего выявление культурно обусловленных особенностей посредством анализа лингвистических особенностей изучаемых текстов. Общественные знаки мы рассматриваем, таким образом, как средство языкового выражения системы культурных ценностей и норм.

В нашей работе предлагается следующее определение общественных знаков: общественные знаки – условное соответствие английскому термину *public signs* – особый тип текстов, которые отличает ряд лингвистических и

экстралингвистических характеристик: краткость объема, стандартизированность, однозначность, императивность, обобщенность адресата, бессубъектность, отсутствие эмоционально-экспрессивной окрашенности, функциональная направленность на регулирование поведения граждан в общественных местах путем информирования или напоминания потенциальным адресатам о необходимости соблюдения принятых в обществе норм поведения. По мнению исследователей, данные тексты отражают и одновременно формируют идеологию, менталитет общества и государства и являются ключом к пониманию общественных отношений и культурных ценностей. Итак, анализ репрезентации концепта «запрет» в общественных знаках, к которому мы переходим в следующей главе, позволит выявить лингвистические способы объективации данного концепта, а также изучить нормы и ценности, особенности ментальности рассматриваемых лингвокультур.

## Глава 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА «ЗАПРЕТ» В ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗНАКАХ

### 2.1. Лексико-грамматические модели в общественных знаках

В данном разделе мы изучим основные способы объективации концепта «запрет» в лексико-грамматических моделях, используемых в общественных знаках, рассмотрим вопрос об их частотности, эксплицитные и имплицитные формы выражения запретительной интенции, степень категоричности выражаемого значения запрета. Рассмотрение грамматических моделей не представляется возможным без учета их лексического наполнения. В общественных знаках ситуации запрета описываются либо языковыми средствами синтаксического формата (предложениями и сочетаниями предложений), либо лексемами, выражающими прохибитивные значения (прежде всего глаголами), либо именными группами от прохибитивных глаголов [Астапенко 2004: 15].

В немецких общественных знаках были выделены следующие грамматические модели:

#### 1. X + причастие II (41,7 %)

В ходе исследования было выявлено, что наиболее распространенной лексико-грамматической моделью, используемой для выражения запрета, является структура с причастием прошедшего времени, образованным от глаголов *verbieten* (запретить), *untersagen* (воспретить), а также глаголов с эксплицитным оператором отрицания *nicht*: *gestatten* (позволить), *erlauben* (разрешить). Запретительные высказывания, образованные таким способом, представляют собой волеизъявления, имплицитно указывающие на наличие субъекта и адресата запрета.

а) X [ist] *verboten* (33,4%). X = инфинитив либо абстрактное, часто отглагольное существительное. Для большинства данных конструкций (25%) характерно опущение артикля существительного и глагола-связки *sein*. Помимо экономии речевых средств, посредством такого сокращения дости-

гается бóльшая императивность, а в определенных ситуациях учитывается необходимость быстрой реакции при повышенной опасности.

*Fahrräder anstellen verboten* (Ставить велосипеды запрещено);

*Rauchen verboten* (Курить запрещено);

*Aufenthalt unter schwebenden Last verboten; Der Aufenthalt unter schwebenden Lasten ist verboten* (Нахождение под качающимся грузом запрещено).

Необходимо отметить, что в клишированных знаках, запрещающих курение и пользование открытым огнем, для носителей русского языка остается неясным различие значений лексем *Feuer u [offenes] Licht*, переводимых как «открытый огонь». По свидетельству немецких информантов, словом *Feuer* может обозначаться зажженная сигарета или спичка, а словосочетанием *offenes Licht* – пламя свечи или фонаря, то есть огонь, предназначенный для освещения.

*Rauchen, offenes Feuer und offenes Licht polizeilich verboten!* (Курение и пользование открытым огнем запрещено полицией!)

Наречие либо прилагательное, употребляемое в сочетании с лексемой *verboten* в анализируемой лексико-грамматической структуре, выполняет функцию «усиления» запрета либо его конкретизации:

*Unbefugten Betreten des Betriebsgeländes streng verboten* (Неуполномоченным вход на территорию предприятия строго запрещен);

*Das Zustellen von Schaltanlagen ist grundsätzlich verboten* (Загромождение выключателей категорически (букв. принципиально) запрещено);

*Privatgrundstück / Durchfahrt bei Strafe verboten* (Частное владение / Проход запрещен, за нарушение штраф).

Общественные знаки, содержащие ссылки на субъект власти, проанализированы в разделе 2.2.

Наиболее категоричная форма запрета с *verboten* выражена словосочетанием *strengstens verboten* (строжайше запрещено) и выявлена в немно-

гочисленных знаках, запрещающих вход куда-либо, где присутствует опасность, а также вход детям в видеотеку для взрослых:

*Unbefugten//Nichtbeschäftigten Zutritt strengstens verboten* (Неуполномоченным вход строжайше запрещен).

б) *X ist untersagt* (2,1%)

От базового глагола со значением запрета *verbieten* глагол *untersagen* отличается меньшей сферой употребления и принадлежностью к сфере официальной коммуникации. С целью маркирования данного различия для передачи значения *untersagen* при переводе примеров на русский язык нами используется лексема *воспрещать*. Как показывает материал, выбором лексемы *untersagt* подчеркивается, что за нарушение необходимо отвечать в официальном порядке, предусмотренном законодательством.

*Die Benutzung von Inline Skates ist in unserem Geschäft untersagt* (Использование роликовых коньков в нашем магазине воспрещено);

*Studentenwerk Göttingen / Stiftung öffentlicher Rechte / Privatgrundstück des Studentenwerks / Das Ausführen von Hunden in den Außenanlagen und auf dem Kinderspielplatz ist untersagt* (Студенческое управление / Фонд общественного права / Частная территория студенческого управления / Выгул собак на территории и на детской игровой площадке воспрещен).

Знаки с *untersagt* выявлены в ситуациях, не связанных с повышенной опасностью; часто в них выражается запрет, адресованный «посторонним» лицам. Субъектом власти в большинстве случаев является администрация или владелец предприятия (университета, магазина и т. д.).

*Unbefugten ist das Betreten der Laboratorien untersagt* (Неуполномоченным вход в лаборатории воспрещен);

*Sportplatz der Universität Lüneburg / Unbefugten ist das Betreten und die Nutzung untersagt* (Спортивная площадка Люнебургского университета / Неуполномоченным вход и использование воспрещены);

*Die Zeitungen sind Eigentum der Universität Göttingen und die Mitnahme ist untersagt!* (Газеты являются собственностью Геттингенского университета и брать их с собой воспрещено!).

Сочетания лексемы *untersagt* с уточняющими оборотами либо маркерами категоричности не характерны для немецких общественных знаков. Единичный пример обнаружен в отделении Немецкой академической службы обменов в Москве: *Rauchen im Fahrstuhl ist strengstens untersagt* (букв.: Курение в лифте строжайше воспрещено). Русский эквивалент звучит несколько менее категорично: *Курение в лифте строго воспрещается*. Предполагается, что повышенная категоричность немецкой части запрета имеет целью оказание воздействия в первую очередь на россиян, владеющих немецким языком, для удержания их от нарушения данного запрета.

В англоязычных общественных знаках с помощью причастия *prohibited*, эквивалентного немецкому *untersagt*, формулируются запреты, исходящие от официальных властей, в том числе и в ситуациях повышенной опасности:

*Forklifts prohibited*

*Sharp and pointed objects in your hand luggage ist prohibited by law!*

в) *X [ist] nicht gestattet* (5,5%)

Глагол *gestatten* имеет значение формального разрешения [DB], передаваемого при переводе лексемой *позволять*. Предположительно, многие знаки с *nicht gestattet* явились смягченным вариантом соответствующего запрета с *verboten*, введенным в обиход в сравнительно недавнее время. Данная модель реализуется в двух вариантах: с глаголом-связкой *ist* и без него. Запретительные высказывания без глагола-связки (1,7%), являются более категоричными, официальными и стандартизированными:

*Rauchen nicht gestattet* (Курение не позволено);

*Anstellen von Fahrrädern nicht gestattet* (Ставить велосипеды не позволено);

*Durchgang für Unbefugte nicht gestattet* (Посторонним проход не позволен).

Примеры с глаголом-связкой *ist* менее категоричны и официальные, их форма приближена к устному высказыванию; большинство подобных знаков представляют собой таблички, сделанные по индивидуальному заказу, либо самодельные надписи. Вероятно, их распространенность в разных сферах связана с демократизацией общественной жизни в настоящее время. С помощью модели *ist nicht gestattet* формулируются многочисленные предписания и запреты, действующие в учебных заведениях, в общественных местах, на улице, в сельской местности:

*Essen und Trinken ist in den Computerräumen nicht gestattet* (Есть и пить в компьютерных классах не позволено);

*Auf dem gesamten Schulgelände ist das Rauchen nicht gestattet* (На всей территории школы курение не позволено);

*Der Verzehr von mitgebrachten Speisen und Getränken ist nicht gestattet* (Употребление принесенных с собой еды и напитков не позволено);

*Das Weiden von Kühen auf dieser Wiese ist nicht gestattet!* (Выпас коров на этом лугу не позволен!).

Как правило, глагол *(nicht) gestatten* предпочитается глаголу *verbieten* при формулировании запретов пользования частной территорией, исходящих от частных лиц – владельцев домов и земельных участков. Знаки, предназначенные для охраны частной собственности, проанализированы в разделе 2.4.

г) *X [ist] nicht erlaubt* (0,7 %)

Словосочетание частицы *nicht* с глаголом *erlauben*, широко используемое для выражения значения недозволения в устной и неофициальной коммуникации, крайне редко применяется в общественных знаках, и выявлено лишь в нескольких ситуативных примерах:

*Betreten der Anlage mit Hunden nicht erlaubt* (Вход на территорию с собаками не разрешен);

*Das Rauchen ist auch vor dem PH20 nicht erlaubt* (Курение не разрешено также и перед аудиторией PH20);

*Inliner nicht erlaubt* (Роликовые коньки не разрешены).

д) В единичных случаях запрет выражен сочетанием частицы *nicht* с причастиями прошедшего времени *zugelassen* (допустимый), *erwünscht* (желательный):

*Gewerblicher Handel nicht zugelassen* (Не допускается профессиональная торговля);

*Liebe Kunden! Bitte haben Sie Verständniss, dass Eis, Bratwurst u.ä. in unseren Geschäftsräumen nicht erwünscht sind!* (Дорогие клиенты! Пожалуйста, имейте в виду (букв.: имейте понимание), что мороженое, жареная колбаса и т. п. в помещениях нашего предприятия нежелательны!).

Итак, степень категоричности запрета различается в зависимости от лексической наполненности грамматической модели. Запреты, выраженные лексемой *verboten*, обладают достаточно высокой степенью категоричности и используются для регуляции поведения как в ситуациях повышенной опасности, так и в «безопасных» ситуациях. Запреты, выраженные с помощью *untersagt*, *nicht gestattet*, *nicht erlaubt*, регулируют ситуации, не связанные с опасностью. Лексема *verboten* охватывает общественную и частную сферы, *untersagt* встречается только в запретах, исходящих от официальных властей.

## **2. Инфинитивные конструкции (15,8 %)**

### **а) *nicht* + *Infinitiv* (10,3%)**

Большинство примеров структуры *nicht* + *Infinitiv*, определяемой как «авторитарный инфинитив» [Вежбицкая 2001: 94], составляют надписи, используемые на производстве в ситуациях, связанных с повышенной опасностью. Краткость и категоричность обусловлена необходимостью неукоснительного соблюдения правил, прежде всего – во избежание аварий, а также необходимостью быстрой реакции в ситуации опасности.

*Nicht in laufende Maschinen greifen* (Не просовывать руки в работающие механизмы);

*Vorsicht! Leitungen nicht berühren* (Осторожно! Не дотрагиваться до проводов);

*Notausgang / Nicht verstellen* (Аварийный выход / Не загромождать);  
*Nicht abdecken* (Не открывать).

Немецкие производственные запреты подобного рода зачастую сопровождаются дополнительной информацией, играющей роль обоснования, либо призывом к вниманию и указанием на опасность:

*Nicht schalten / Gefahr vorhanden* (Не включать / Опасность присутствует);

*Achtung / Hier nicht halten / Rolltor schließt automatisch* (Внимание / Здесь не останавливаться / Ворота закрываются автоматически);

*Laserstrahlung / Nicht in den Strahl blicken / auch nicht mit optischen Instrumenten* (Лазерное излучение / Не смотреть на лазерный луч / в том числе через оптические приборы).

В немногочисленных запретах по данной модели, которые используются в ситуациях, не связанных с непосредственной опасностью, форма *nicht* + *Infinitiv* диктуется необходимостью быстро предотвратить либо пресечь нежелательное действие.

*Die Tür nicht offen stehen lassen!* (Дверь открытой не оставлять!);

*Nicht stören! Aufnahme* (Не беспокоить! Идет прием);

*Nicht parken / Warenaufnahme* (Не парковаться / Прием товара).

В ситуациях, где применяется *nicht* + *Infinitiv*, целью является пресечь нежелательное действие категоричным, рассчитанным на быструю реакцию адресата высказыванием, а не продемонстрировать власть субъекта, как в модели с *verboten*. Стратегии вежливости при этом не предусматриваются, так как лишают высказывание краткости, императивности и срочности.

б) *bitte nicht* + *Infinitiv* (5,5%)

Лексико-грамматическая модель *Bitte nicht* + *Infinitiv* характерна для административных запретов [Weinrich 1993: 869], где не подразумевается конкретный и лично знакомый субъекту адресат. Известна следующая интерпретация данной структуры: «человек, наделенный властью, старается быть вежливым» [Вежбицкая 2001: 200]. По нашему мнению, в данной

структуре выдержан оптимальный баланс между вежливостью и категоричностью, и этим объясняется ее широкое использование в различных сферах общественной жизни, не связанных с опасностью: в учебных заведениях, в транспорте, в музейно-выставочных комплексах, в автосервисе, в предприятиях сферы торговли и досуга.

*Wichtige Zufahrt / bitte hier nicht parken / Kinderkrippe des Studentenwerkes* (Важный выезд / просьба здесь не парковаться / детские ясли Студенческого управления);

*Bitte nicht mehr anstellen / die Kasse wird geschlossen* (Просьба в очередь больше не становиться / касса закрывается);

*Bitte nicht in den Zeitungen blättern* (Просьба не листать газеты);

*Bitte nicht hupen! Tor wird automatisch geöffnet* (Просьба не сигналить! Ворота открываются автоматически).

В данной группе значительна доля авторских надписей, предназначенных для конкретной ситуации, зачастую с указанием места действия запрета:

*Bitte nicht auf die Regalborde treten* (Просьба не вставать на полки);

*Bitte Fussmatten nicht am Zaunen ausschlagen* (Просьба не выбивать автомобильные коврики об изгородь!);

*Die Computer und Monitore in diesem Raum bitte nicht ausschalten! Danke* (Просьба компьютеры и мониторы в этой аудитории не выключать! Спасибо).

Маркер вежливости *Bitte*, обычно употребляемый в начале высказывания, производит на адресата благоприятное впечатление и «примиряет» его с запретом, который без *bitte* был бы крайне категоричным.

### **3. Kein + существительное (13,3%)**

Отрицательная частица *kein* является отрицанием, употребляемым перед существительными. В значении отрицания частицы *nicht* и *kein* являются взаимозаменяемыми [Götze 1999: 331–332]. Структура с *kein*, употребляемая в общественных знаках, является амбивалентной и может выражать как отсутствие объекта (информативное значение), так и требование его

отсутствия (императивное значение). К примеру, словосочетание *Kein Ausgang*, в зависимости от контекста, может означать отсутствие физической возможности выхода и запрет выхода.

Немногочисленные знаки носят чисто информативный характер, эксплицитное волеизъявление в них отсутствует:

*Keine Durchfahrtmöglichkeit* (Нет возможности проезда);

*Kein Ausschank von Alkohol den Kindern unter 16 Jahren* (Нет продажи алкоголя детям до 16 лет).

Однако в большинстве примеров присутствует значение запретительного волеизъявления, выводимое из контекста (указаний на наличие опасности) либо сообщаемое восклицательным знаком:

*Kein Durchgang!* (Нет прохода!);

*Kein Zutritt / Radioaktiv* (Нет входа / Радиоактивность);

*Keine Asche in den Papierkorb!* (Пепел в корзину для бумаги не бросать! букв.: Никакого пепла в корзину для бумаги!).

Показательно, что во многих запретах, выраженных структурой с *kein*, была выявлена тенденция к эксплицитной номинации объекта, в качестве которого не разрешается использовать место действия запрета.

*Kein Schülerparkplatz* ([Это] не автостоянка для школьников);

*Kein Spielplatz* ([Здесь] не игровая площадка);

*Kein Besucherparkplatz* ([Здесь] не гостевая автостоянка).

В некоторых примерах (*kein* + сущ. + глагол 1,7%) объектом запрета является действие, но отрицание относится к существительному, как в частотном клише *Keine heiße Asche einfüllen!* (Не бросать горячий пепел!):

*Keine Schutzvorrichtungen entfernen* (Не удалять защитные приспособления);

*Keine Möbel oder sperrige Gegenstände transportieren* (Не транспортировать мебель или громоздкие предметы).

Существует модификация модели *Kein* + *существительное*, снабженная маркером вежливости *bitte*, смягчающим запрет (5%):

*Bitte keine Wertstoffsäcke / Mülltonnen vor die Briefkästen stellen!* (Пожалуйста, не ставить мешки и мусорные контейнеры перед почтовыми ящиками!);

*Praxiseingang / Bitte keine Fahrräder abstellen / Vielen Dank!!* (Вход в кабинет врача / Просьба не ставить велосипеды / Большое спасибо!!).

Нами были выделены тематические группы в зависимости от объекта запрета, в которых предпочтительным способом выражения запретительного значения является структура с *kein*. Это запреты на распространение рекламной продукции в жилых домах и запреты парковки велосипедов в различных местах в черте города. Данные группы примеров рассматриваются в разделе 2.4.

#### **4. Запреты-ограничения с частицей *nur* (только) (10,5 %)**

Общественные знаки с ограничительной частицей *nur*, как и их англоязычные эквиваленты с *only*, имплицитно запрещают действия, не входящие в круг тех, что обозначены связанными с *nur / only* словами [Аринштейн 1990: 4]. Подобные объявления не воспринимаются как категоричные или негативно воздействующие на адресата. В них отсутствует отрицание, и в центре внимания находится обозначенная словосочетанием с частицей *nur / only* группа лиц, на которых не распространяется запрет, либо условий, при которых запрещаемое действие допустимо, что создает в целом положительное впечатление от текста.

*Essen und Trinken ist nur an den Cafeterien erlaubt* (Еда и питье разрешены только в кафетериях);

*Einfahrt nur für typengenormte Fahrzeuge* (Въезд только для транспортных средств, соответствующих нормативам);

*Authorised personnel only.*

Как представляется, примеры данной группы иллюстрируют тенденцию к демократизации общественной жизни в конце XX – начале XXI в. и являются смягченными вариантами более ранних и категоричных запретов. Так,

надписи типа *Zutritt für Unbefugte verboten* (Вход для неуполномоченных запрещен) заменяются на указания круга лиц, которым разрешен вход:

*Zutritt nur für Mitarbeiter* (Вход только для сотрудников);

*Betriebsräume nur in vorgeschriebener Berufskleidung betreten* (Вход в производственные помещения только в предписанной спецодежде);

*Nur für Betriebsangehörige* (Только для работающих на предприятии).

В рамках данной структуры наиболее многочисленны знаки, содержащие имплицитный запрет парковки и точное обозначение территории, на которой она разрешена (5,3%):

*Parken ist nur auf gekennzeichneten Flächen erlaubt* (Парковка разрешена только на обозначенных местах);

*Fahrradstellplätze nur für Mieter des Hauses Mühlenstr.1 / Fremde Fahrräder werden entfernt!* (Места для стоянки велосипедов только для жильцов дома №1 ул. Мюленштрассе. Другие велосипеды будут удалены!).

Выделяется подгруппа клишированных производственных знаков (3%):

*Inbetriebsetzen nur befugten Personen gestattet* (Включение позволено только уполномоченным лицам);

*Achtung – Nur bei Stillstand öffnen!* (Внимание – открывать только в выключенном состоянии!);

*Notausgang / Nur bei Gefahr Nottaster betätigen* (Аварийный выход / Нажимать аварийную кнопку только в случае опасности).

Итак, запрет в данной группе знаков выражен в имплицитной форме через антоним, путем обозначения противоположного содержания – группы лиц или условий, на которых распространяется исключение из запрета.

## **5. Модальные конструкции (7%)**

а) Значение деонтической (нормативной) возможности выражается в немецком языке главным образом сочетанием глагола *dürfen* с инфинитивом [Бондаренко 1978: 37]. Глагол *dürfen* выражает значение разрешения, дозволения, права на совершение какого-либо действия [Götze, Hess-Lüttich 1999: 69; БНРС]. Специфика семного состава данной лексемы заключается в том,

что значение возможности действия неотделимо от значения разрешения, т. е. наличия контролирующей воли другого, принимаемой субъектом действия. Соответственно, в сочетании с частицей *nicht* глагол приобретает противоположное значение – недозволение, недопущение, отсутствие права на совершение действия.

В большинстве примеров модальных структур с *dürfen* (4,8%) данный глагол употреблен в составе пассивной модальной конструкции *dürfen* + *Infinitiv Passiv*. Данные объявления отличает достаточно высокая степень категоричности. При этом в центре внимания адресата находится формальный субъект предложения (подлежащее), а не изъявление чужой воли, которое могло бы вызвать негативную реакцию адресата. В данной модели способом интенсификации воздействия на адресата является так называемое обезличивание, или устранение субъекта [Яковлева 1991: 137].

В качестве примера можно привести два варианта запрета репетиций музыкальных групп в учебных помещениях Геттингенского университета:

*Montag von 18.00 – 20.00 Uhr darf in den Musikzellen nicht geprobt werden!* (букв.: По понедельникам с 18.00 до 20.00 в музыкальных кабинетах не может / не должно быть репетиций!). Запрещающее высказывание с глаголом *dürfen* в пассивном залоге, вероятно, в целом воспринимается положительно.

*Bands dürfen in den Übungsräumen nicht proben!!!* (Музыкальные группы не должны репетировать в аудиториях!!!). Прямая обращенность запрета к адресату путем его эксплицитного наименования (*Bands*) в сочетании с категоричной формой запрета (*dürfen* + смысловой глагол активного залога), усиленной тремя восклицательными знаками, вызвала резко негативную реакцию студентов, которые выразили свое возмущение, подписав от руки под текстом объявления: «*Кругом одни запреты!*».

Примеры употребления глагола *dürfen* в конструкциях в активном залоге, имеющих характер авторитарных волеизъявлений, единичны и, как правило, категоричность оправдана наличием опасности:

*Vorsicht! Gefährliche Güter dürfen Sie weder persönlich noch in Gepäck mitführen* (Осторожно! Опасные товары Вам не разрешается перевозить ни в багаже, ни в ручной клади);

*Unbefugte dürfen die Werkanlagen nicht betreten* (Неуполномоченным не разрешается входить в помещения завода).

По месту сбора выявлено примерно равное количество производственных примеров, связанных с ситуацией повышенной опасности (2,6%), и примеров, обслуживающих сравнительно безопасные ситуации (2,7%). В последней группе преобладают знаки, собранные на территории немецких университетов и регулирующие пользование библиотеками, компьютерами, гардеробом, столовой:

*Zeitungen dürfen nicht selbst kopiert werden* (Самостоятельное копирование газет не разрешается; букв.: Газеты не должны быть копированы самостоятельно);

*Tische und Stühle dürfen nicht hinausgetragen werden* (Столы и стулья из помещения выносить не разрешается);

*Taschen und Jacken dürfen nicht in die Bibliothek mitgenommen werden!* (Входить в библиотеку с сумками и куртками не разрешается!).

б) Модальный глагол *müssen* выражает объективную необходимость и долженствование [Götze 1999: 68], осознаваемое самим субъектом действия, и в рамках исследуемых текстов наиболее часто употребляется в стилистически окрашенных высказываниях. Лексико-грамматические модели с данным глаголом (2,2%) выявлены в знаках, запрещающих вход в общественные места с собаками, они являются результатом преобразования исходного эксплицитного запрета: *Mitführen von Hunden verboten / nicht gestattet* (Приводить с собой собак запрещено / не позволено). Запрет в имплицитной форме обращен к владельцам собак, но формальным субъектом действия в подобных примерах является животное: *Hunde müssen draussen warten* (Собаки должны ждать снаружи).

В подобных примерах часто используются маркеры вежливости и вводное слово *leider* (к сожалению), смягчающие предписание:

*Hunde müssen bitte draußen bleiben / Danke* (Собаки должны, пожалуйста, оставаться снаружи / Спасибо);

*Hunde müssen leider vor der Tür bleiben* (Собаки должны, к сожалению, остаться за дверью);

*Liebe Hundebesitzer! NO DOGS / Die Belegschaft und die Inhaber haben gemeinsam und einstimmig beschlossen, dass Hunde ab sofort und ohne Ausnahme (der tut doch nix...) draussen bleiben müssen. Wir möchten ebenfalls nicht, dass Hunde im Eingangsbereich angeleint werden. Es gibt Gäste, die Angst vor Hunden haben. / Bitte respektiert diese Entscheidung. Sie ist in Interesse aller, auch der Hunde, getroffen worden. Belegschaft und Inhaber der SonderBar* (Дорогие владельцы собак! NO DOGS / Владельцы и штат сотрудников сообщают и единогласно решили, что собаки отныне и без исключений («он же ничего не делает...») должны оставаться снаружи. Кроме того, мы бы не хотели, чтобы собаки были привязаны у входа. Некоторые посетители боятся собак. Просьба уважать это решение. Оно принято в интересах всех, в том числе и собак. Владельцы и штат сотрудников бара «ЗондерБар»).

Стилистически окрашенные запреты с глаголом *müssen* подробнее рассмотрены в разделе 2.3.

## **6. Werden + причастие II (4,3%)**

Весьма разнообразными являются варианты пассивных конструкций, модифицирующие значение запрета.

Глагольное сочетание в пассивном залоге настоящего времени (Präsens Passiv) наиболее часто употребляется в надписях, указывающих на нежелательные для адресата последствия, штрафные санкции, налагаемые в случае нарушения запрета.

В ряде примеров запрет выражен имплицитно через обозначение запрещаемого действия и информацию о последствиях нарушения:

*Wer falsch parkt, wird kostenpflichtig abgeschleppt oder gerichtlich abgemahnt / Vielen Dank für Ihr Verständniss* (Кто паркуется в неположенном месте, отбуксируется за свой счет или преследуется в судебном порядке / Большое спасибо за Ваше понимание);

*Beschädigungen der Anlage werden strafrechtlich verfolgt* (Повреждение территории преследуется органами охраны правопорядка);

*Widerrechtliches Parken wird verfolgt* (Противоправная парковка преследуется).

Имеются примеры, где информация о санкциях, выраженная с помощью пассивной структуры, логически связана с эксплицитным запретительным высказыванием:

*Plakatieren verboten / Zuwiderhandlungen werden strafrechtlich verfolgt* (Расклейка плакатов запрещена / Нарушения преследуются органами охраны правопорядка);

*Bitte den «Zedler» pfleglich behandeln und nicht kopieren – sonst wird er unter Verschluss aufbewahrt!* (Просьба бережно обращаться с подшивками «Zedler» и не копировать их – иначе они будут убраны под замок!).

Запрет в пассивной конструкции представлен как установление, являющееся истинным безотносительно к формулирующему его прескриптору, или субъекту власти [Яковлева 1991: 138], как всеобщее и объективное правило, а не изъявление чьей-либо враждебной адресату воли. Данная особенность объясняется стремлением избежать вторжения в личную сферу, что является признаком индивидуалистической культуры.

Как показывает языковой материал, использование пассива при выражении просьбы, напоминания, указания в общественных знаках запретительного характера является специфической особенностью немецких текстов данного типа:

*Es wird gebeten, wegen Belästigung und Gefährdung die Fußgänge in den Innenbereichen mit motorisierten Zweirädern nicht zu befahren* (С целью избе-

гания опасности и помех просьба не въезжать на моторизированном двухколесном транспорте на пешеходные дорожки);

*Es wird ersucht, nicht zu rauchen!* (Просьба не курить!);

*Aus gegebenem Anlass wird daran erinnert, dass Mäntel, Jacken, Taschen, Rucksäcke usw. NICHT in die Bibliothek mitgenommen werden dürfen!* (букв.: Ввиду данных обстоятельств напоминается о том, что пальто, куртки, сумки, рюкзаки и т. д. брать с собой в библиотеку НЕ разрешено!).

Тенденция к широкому использованию пассива, присутствующая в немецкой официально-деловой коммуникации, проявляется и в группе производственных знаков, где значение «ведутся работы» или «работают люди» передано клишированной конструкцией *es wird gearbeitet: Nicht schalten! Es wird gearbeitet!* (Не включать! Ведутся работы!).

Широкая распространенность пассивных конструкций, выявленная в исследуемых текстах, является ярким свидетельством немецкого культурного стандарта *Sachorientierung* [Schroll-Machl 2003: 34] – ориентированности на информацию, предмет и содержание деятельности. Соответственно, необходимость добавления субъекта действия при русском переводе отражает внимание русской культуры к человеческому фактору, «душевность социальных отношений» [Прохоров, Стернин, 2006: 106].

#### **7. ... Verbot ... (2,4%)**

Высказывания в рамках данной модели носят характер информационного сообщения, объективного и общего для всех правила. Значение волеизъявления в примерах отсутствует, так как формальным субъектом в подгруппах а) и б) является запрет.

##### **а) Краткие назывные предложения (1,2%)**

Особенностью немецкого языка является ярко выраженная тенденция к словосложению, что в нашем материале обнаруживается как возможность выражения запрета с конкретизацией объекта сложносоставным словом:

*Handy-Verbot an der SUB* (Запрет мобильных телефонов в Городской и Университетской библиотеке);

*Alkoholverbot* (Запрет алкоголя);

*Feuerwehrrzufahrt / [Absolutes] Haltverbot [nach StVO]* (Въезд для пожарных машин / [Абсолютный] запрет остановки [согласно ПДД]).

Запрет может быть выражен и лексемой *Verbot* в сочетании с уточняющими оборотами:

*Verbot für Personen mit Herzschrittmachern* (Запрет для лиц, пользующихся сердечными стимуляторами);

*Verbot für Personen mit Implantanten aus Metall* (Запрет для лиц с металлическими имплантатами);

*Verbot für Sprechfunkverkehr!* (Запрет для всех видов мобильной связи!).

б) Двусоставные предложения (0,6%), где композита с компонентом «запрет» является формальным субъектом. Сказуемое чаще всего выражено глаголом *gelten* (иметь силу, действовать), реже – синонимами *herrschen*, *bestehen*. Во всех выявленных нами примерах данная структура используется для выражения запрета курения. По нашему мнению, данные знаки приближены к официальным распоряжениям, информирующим о действии определенных правил и эксплицитно указывающим территорию, на которую они распространяются:

*Für diesen Bereich der Bibliothek gilt das allgemeine Rauchverbot* (В этой части библиотеки установлен всеобщий запрет курения);

*Es besteht striktes Rauchverbot!* ([Здесь] действует строгий запрет курения!);

*Im ZHG (1. OG) herrscht absolutes Rauchverbot* (В центральном корпусе (1 этаж) действует абсолютный запрет курения).

в) Объект запрета + *frei* + место действия

Знаки данного типа получили в последнее время широкое распространение. Запрет в них выражен имплицитно, они представляются еще менее императивными и более демократичными, чем вышеприведенные примеры с эксплицитным обозначением запрета (*Verbot*):

*Rauchfreie Uni* (Свободный от курения университет);

*Rauchfreier Bereich* (Территория, свободная от курения);

*Handyfreie Zone* (Свободная от мобильных телефонов зона);

*Nichtraucher Zone* (Зона для некурящих).

#### **8. Сочетание двух и более моделей (2%)**

Следует отметить, что в немецких общественных знаках возможна комбинация выявленных нами лексико-грамматических моделей. Объявления такого типа зачастую содержат два или более запретительных высказывания и, соответственно, имеют больший объем:

*Betriebsgelände / benutzen verboten / Fussgänger und Radfahrer frei auf eigene Gefahr / keine Mofas* (Территория предприятия / использовать запрещено / пешеходам и велосипедистам разрешено под личную ответственность / никаких мопедов);

*Kein öffentlicher Park! Aufenthalt nur den Kranken und Hausinsassen gestattet. Parkwege dürfen nicht beschädigt werden* (Это не общественный парк! Пребывание позволено только пациентам и сотрудникам. Повреждать дорожки парка не разрешается);

*Notausgang / Keine Waren und Geräte abstellen. Das Öffnen dieses Tores ist nur bei Gefahr erlaubt. Unerlaubtes Öffnen ist untersagt* (Аварийный выход / Не оставлять товары и оборудование. Открывание этих ворот разрешено только в случае опасности. Открывание без разрешения воспрещено).

#### **9). Императив (1,8 %)**

Запретительные высказывания, образованные с помощью императивных конструкций, характерны для сферы частной жизни и, как правило, употребляются при обращении к конкретному адресату запрета, который известен субъекту [Weinrich 1993: 869]. Для общественных знаков, обращенных к обобщенному адресату, данная модель в целом не характерна; обнаруженные примеры немногочисленны.

а) *Повел. накл. 2 л. мн. ч.* (обращение на «вы» к группе людей 0,3%)

Данная форма императива имплицитно обращена на «ты» к каждому из адресатов и эпизодически употребляется в школьной или университетской среде, являясь в целом крайне редкой в общественных знаках:

*Bitte eßt und trinkt nicht im Selbststudienraum!* (Пожалуйста, не ешьте и не пейте в кабинете для самостоятельной работы!).

б) Повел. накл. 2 л. мн. ч. (вежливое «Вы» 1,5%)

Структура, использующая прямое обращение к адресату запрета на «Вы», также является нетипичной для немецких запретительных знаков – возможно, потому, что данная форма побуждения, особенно зафиксированная в виде общественного знака, воспринимается носителями немецкой культуры как вторжение в личную сферу адресата. В данной группе выявлены только ситуативные, авторские надписи, большинство которых относятся к сфере образования и торговли:

*Bitte steigen Sie nicht zur Selbstbedienung über die Ablagetische* (Пожалуйста, не залезайте в целях самообслуживания на прилавки);

*Bitte benutzen Sie bei der Buchsuche nicht die Regalbände als Leiter sondern die dafür vorgesehenen Tritthocker* (Пожалуйста, при поиске книг используйте в качестве лестницы не стеллажи, а предусмотренные для этого табуреты-подставки).

Данные знаки имеют характер просьбы или рекомендации, обращенной к равному. Помимо вежливой формы обращения к адресату, в большинстве знаков используется маркер вежливости *bitte*.

Общественные знаки, не вписывающиеся в выделенные нами основные грамматические модели, представляют собой логические производные базовых, стандартных запретительных знаков. Так, предписание *Fußgänger bitte andere Straßenseite benutzen* (Просьба к пешеходам пользоваться другой стороной улицы) заменило знак *\*Betreten für Fußgänger verboten* (Вход для пешеходов запрещен). Объявления *Bitte telefonieren Sie ausserhalb der Bibliothek* (Пожалуйста, пользуйтесь телефоном вне библиотеки), *Essen und Trinken bitte außerhalb dieses Raumes* (Просьба есть и пить вне этой ауди-

тории) были отнесены нами к запретительным знакам потому, что они являются вариантами синонимичных запретов *bitte keine Handys / Handy-Verbot an der Bibliothek, Essen und Trinken in diesem Raum ist nicht gestattet*, являющихся более категоричными. Как правило, в данных примерах значение запрета выражено имплицитно без использования отрицания, с указанием на место, где действие не запрещено.

В результате исследования лексико-грамматических моделей в немецких общественных знаках были сделаны следующие выводы:

Наиболее распространенной моделью в обнаруженных нами общественных знаках является *X + причастие II*. Данная модель представляет собой традиционный, «классический» способ выражения запрета, имплицитно выражающий волеизъявление субъекта власти по отношению к адресату. В центре внимания здесь находится совершившийся акт запрета, что передано грамматическим значением завершенности в причастии II. Степень категоричности и официальности запрета в рамках данной модели варьируется в зависимости от значения лексемы, выражающей запрет, однако в любом случае предполагается иерархичность и дистанция между субъектом и адресатом. Большинство запретов в рамках данной модели выражено при помощи причастия от глагола *verbieten* – базовой лексемы со значением запрета в немецком языке. Распространенность таких примеров указывает на потребность в порядке и иерархичность как традиционные ценности в немецком обществе, где подчинение воле других является нормой и условием поддержания порядка. Компонент, содержащий запрет, находится в данной модели на последнем месте, что согласуется с отсутствием цейтнота; как правило, у адресата есть время для размышления над запретом (нарушить или подчиниться); в случае нарушения угрожают скорее санкции, чем непосредственная опасность для жизни или здоровья.

Запреты, выраженные при помощи инфинитивной модели, употребляются преимущественно в ситуациях повышенной опасности и отличаются категоричностью предупреждающего характера, обусловленной жесткой

необходимостью соблюдения техники безопасности. Экстралингвистической ситуацией продиктована краткость формы запрета и использование структуры, где запрещающий элемент (частица отрицания *nicht*) выдвинут на первый план. В центре внимания в данной модели находится предотвращение либо пресечение нежелательного действия. Как представляется, властные отношения субъекта и адресата для данной модели не релевантны.

Модель с отрицанием *kein* является грамматической разновидностью модели с *nicht*. Однако можно предположить, что отнесенность отрицания к существительному, а не к глаголу делает модель несколько менее императивной в сравнении с *nicht* + *Infinitiv*. Имеются модификации моделей запретов с *nicht* и *kein*, снабженные маркером вежливости *bitte*, употребляемых в различных сферах общественной жизни, не связанных с опасностью, но где важно позитивное воздействие на адресата.

В ряде рассмотренных лексико-грамматических моделей заметна тенденция к нивелированию волеизъявления. Данная стратегия позволяет представить запрет не как требование субъекта, противоречащее воле адресата, а как всеобщее и объективное правило, сохраняющее, однако, категоричность. В пассивных и модальных конструкциях присутствует формальный субъект действия; в модели ... *Verbot*... таким субъектом является сам запрет. По нашему мнению, данная тенденция иллюстрирует немецкий культурный стандарт *Sachorientierung* (ориентированность на дело, предмет и содержание деятельности; здесь – на запрет, а не на запретителя) и объясняется индивидуализмом, характерным для современной немецкой культуры, где вторжение в личную сферу индивида и навязывание чужой воли нежелательны.

При исследовании лексико-грамматических моделей прослеживается современная тенденция к смягчению, демократизации запретов, употребляемых в сравнительно безопасных ситуациях. Так, маркер вежливости *bitte* придает запрету характер просьбы; в модели с *nur* внимание фиксируется на позитивной стороне вещей (разрешении, а не запрете). Итак, в исследован-

ном корпусе материала совмещаются различные тенденции, иллюстрирующие разные аспекты немецкой культуры.

В русских общественных знаках были выделены следующие грамматические структуры:

**1. X + причастие прош. вр. (38%)**

а) *X запрещено* (32, 5%). *X* – инфинитив либо существительное, обозначающее объект запрета, согласованное с причастием в роде и числе. Существительное является абстрактным, зачастую отглагольным, и обозначает действие по соответствующему глаголу:

*Посторонним вход запрещен;*

*Стоянка автотранспорта запрещена;*

*Распивать спиртные напитки запрещено.*

В сербских общественных знаках выявлена аналогичная модель с причастием *забрањено*:

*Забрањено паркирање;*

*Забрањена употреба мобилних телефона.*

Знаки *существительное + причастие*, отличающиеся большей официальностью (28,6%), значительно превосходят по количеству примеры *инфинитив + причастие* (3,9%), более приближенные к разговорному стилю. Это соответствует изначальной функции общественных знаков – официальных волеизъявлений, исходящих от наделенного властью субъекта.

Выявлен ряд примеров, варьирующих значение одного и того же запрета:

*Свалка мусора запрещена – сваливать мусор запрещено;*

*Стоянка машин запрещена – ставить машины запрещено;*

*Купание запрещено – купаться запрещено;*

*Расклейка объявлений запрещена – наклеивать объявления запрещено.*

б) *X воспрещено* (5,5%), где *X* – существительное, обозначающее объект запрета, согласованное с причастием в роде и числе. Причастие *воспрещен*,

где усилена сема официальности по сравнению с *запрещен*, образует сочетания только с существительными.

Существуют различные интерпретации семантики синонимов *запрещать* / *воспрещать* и их производных. По мнению В.В. Колесова, лексемы *запрещается* / *запрещено* обозначают категоричный приказ, в то время как *воспрещается* / *воспрещено* – книжные слова официально-делового стиля – обозначают смягченное, более вежливое волеизъявление: «не принято, не рекомендуется» [Колесов 1988: 190–191]. В исследовании Е.В. Астапенко предложения с производными глаголов *воспретить* / *воспрещать* семантически толкуются так же и имеют ту же позиционную и ролевую структуру, как и предложения с производными от *запретить* / *запрещать* [Астапенко 2004: 50].

В лексическом плане наиболее категоричный запрет выражен в знаках, где производные от лексемы *запрещать* (*запрещено*, *запрещается*) употреблены в сочетании с наречием *категорически* (2,1%). В ряде примеров содержится имплицитное либо эксплицитное указание на возможную опасность:

*Категорически запрещается перевозить грузы;*

*В здании рынка «Славянский базар» пользоваться бытовыми электроприборами категорически запрещается / За нарушение штраф / Администрация;*

*Категорически запрещается предпринимать любые действия с подозрительными предметами / Этим Вы сохраните свою жизнь и поможете предотвратить несчастный случай. Будьте наблюдательны!*

Категоричность запретов зачастую обусловлена строгостью правил поведения в ряде учреждений и помещений, название которых зачастую указывается в тексте общественных знаков:

*Курение в лечебно-профилактическом учреждении категорически запрещено;*

*В налоговую службу вход рекламным агентам категорически запрещен;*

*Уважаемые читатели! В зал электронного каталога категорически запрещается вносить продукты и напитки.*

Категоричность запрета может быть усилена сообщением о санкциях в случае нарушения запрета или ссылкой на официальное постановление:

*Внимание! Категорически запрещается блокировать работу электро-механического замка входной двери! Виновные будут подвергаться административному взысканию. Администрация;*

*Внимание! Категорически запрещена стоянка автотранспорта на территории больницы (за исключением спецмашин). Основание: приказ от 21.10.04 №20 Управления здравоохранения Администрации г. Ижевска «О мерах по усилению антитеррористической защищенности объектов здравоохранения». Администрация*

## **2. X + возвратный глагол (9,2%)**

### **а) X + возвратный глагол (7, 5%)**

В рамках данной структуры X также обозначает существительное либо инфинитив в сочетании с возвратным глаголом третьего лица единственного числа настоящего времени *запрещается* (7%) и *воспрещается* (0,5%). Здесь инфинитив, обозначающий объект запрета, является более частотным (5,9%), чем существительное (1,6%):

*Передвижение с незакрытыми дверями запрещается;*

*Запрещается пользоваться открытым огнем;*

*Курение в лифте строго воспрещается;*

*Разговаривать с водителем во время движения запрещается;*

*С мороженым и пирогами в отдел заходить воспрещается.*

В сербских общественных знаках также используется данная модель:

*Улаз незапосленим лицима строго се забрањује.*

Знаки с глаголом *запрещается* часто представляют собой предназначенные для «массового читателя» выписки из различных правил, памяток и инструкций, имеющих большой объем:

*Читателям запрещается вносить в библиотеку документы на электронных носителях (CD) / Выписка из Правил пользования РГБ;*

*Запрещается: вносить на территорию предприятия кино-, фото- и т. п. аппаратуру, в т.ч. телефоны сотовой связи и со встроенными фото- и видеокамерами. Основание: п. 7 Правил внутреннего трудового распорядка работников ФГУП «ИМЗ».*

Показатель возвратности –ся и помета «безличный» [С] указывают на отсутствие субъекта действия в семной структуре глагола *запрещается*. Исходя из формальных признаков, можно охарактеризовать *запрещено* как совершившийся акт запрета, а *запрещается* – как совершающийся процесс запрещения, однако, как представляется, данное различие не имеет прагматической значимости.

Структура с глаголом *воспрещается* в целом представляется нам устаревшей. Некоторые из обнаруженных нами знаков относятся к советской эпохе, когда общественные знаки отличались большей категоричностью и, соответственно, сфера употребления глагола *воспрещается* была несколько шире, чем в настоящее время. Употребление лексемы *воспрещается* в современных немногочисленных примерах оправдано важностью учреждения, необходимостью строгого соблюдения правил и техники безопасности (Институт им. Гете, Политехнический музей в Москве):

*Воспрещается: вход в музей в верхней одежде, с оружием, с рюкзаками, портфелями, хозяйственными сумками и пакетами, фото- и видеосъемка без специального разрешения;*

*Курение в лифте строго воспрещается.*

б) X + не + возвратный глагол (1,7%)

Запрет, выраженный глаголами разрешения в сочетании с частицей *не*, является менее категоричным, смягченным по сравнению с рассмотренными выше запретами. В данном контексте возвратные глаголы обозначают действие, формально не зависящее от субъекта, что позволяет представить запрет как объективное правило:

*Работа без сменной обуви не допускается;*

*Лица, не достигшие 18 лет, без родителей к игре не допускаются;*

*Студенты! Заходить на кафедру по любому вопросу, даже только «на минуточку», в верхней одежде настоятельно не рекомендуется!*

Объявления с оборотом *не разрешается* были обнаружены в библиотеках, музеях и торговых предприятиях г. Москвы:

*В музее пользоваться мобильным телефоном не разрешается;*

*Читателям не разрешается: / изымать или переставлять карточки, оставлять закладки / делать какие-либо пометки на этикетках каталожных ящиков и карточках каталога.*

### **3. Инфинитивные конструкции (33,4%)**

#### **а) не + инфинитив (21,4%)**

С точки зрения синтаксиса данные предложения классифицируются как инфинитивные предложения, представляющие собой разновидность императивных односоставных предложений [Реформатский 2006: 337].

*Окурки на землю не бросать / с каждого курящего штраф 800 р.;*

*Кондиционер не включать при открытых дверях!*

*Мусор из частного сектора к ларьку не носить! Штраф 1000 р.*

Знаки такого типа встречаются практически повсеместно: на производстве, в торговых предприятиях, учебных заведениях, библиотеках, в сфере пользования автотранспортом, в лечебных учреждениях – за исключением центров досуга: кафе, театров, кино. Краткость и категоричность обусловлена необходимостью неукоснительного соблюдения правил; на производстве – прежде всего во избежание аварий:

*Выдвижная ступень! Фартук до остановки не открывать! Фартук перед движением закрыть!*

*Не открывать! Грозит аварией.*

Ряд примеров рассчитан на быструю реакцию в ситуации опасности:

*В шахту не входить / Идет монтаж лифта / Опасно для жизни!*

*В случае пожара лифтом не пользоваться! Выходить по лестнице!*

Вероятно, при составлении подобных текстов предполагается, что работники той или иной отрасли производства осведомлены о причинах недопустимости и(ли) опасности данного действия, т. е. эксплицитные обоснования не требуются:

*Без упора не работать!*

*С горок не спускать! Сцеп не разъединять!*

В ситуациях, не связанных с непосредственной опасностью, категоричность объясняется важностью проводимых работ и обеспечения их оптимального выполнения, традиционно строгими правилами в ряде учреждений и в некоторых случаях возможно, частотностью нарушений:

*Не курить под окном!!!!!! Здесь читальный зал!!!*

*В кабинет без вызова и в верхней одежде не входить;*

*Не беспокоить / идет госэкзамен.*

В сербских общественных знаках данный способ выражения запрета используется значительно реже:

*Не додиривати експонате.*

Знаки, где волеизъявление выражено инфинитивом без отрицания *не*, являются смягченными вариантами данной структуры, производными от исходных запретов с *не*, вошедшими в обиход в недавнее время:

*Проезд к банку держать свободным!* – Проезд не загораживать;

*Просьба входить на кафедру без верхней одежды* – Просьба в верхней одежде на кафедру не входить).

б) *просьба не + инфинитив* (9, 7%)

Структура *Просьба не + инфинитив* занимает промежуточное положение, являясь менее категоричной, более «мягкой», чем структуры с производными глаголов *запрещать / воспрещать* и *не + инфинитив*, но более официальной, чем *просим не + инфинитив*, *не + императив*.

В ходе исследования были выявлены различные лексические варианты выражения значения просьбы в общественных знаках. Существительное *просьба*, выражающее формально-вежливое, безличное побуждение к дейст-

вию, употреблено в 11,5% примеров. Эпитет *убедительная* усиливает значение побуждения:

*Уважаемые родители! Убедительная просьба – на территорию малого бассейна не входить!*

*Убедительная просьба! Не входить в художественный зал с напитками и едой;*

*Уважаемые клиенты! Убедительная просьба не загораживать вход в отдел.*

Словосочетание *[убедительная] просьба не + инфинитив* является штампом официально-деловой речи, чем объясняется его большая частотность в исследуемых общественных знаках (5,2%) по сравнению с синонимами *большая просьба* и *огромная просьба* (1,3%). Они относятся к сфере неофициального общения и придают запрету-просьбе оттенок эмоциональности, личной заинтересованности:

*Огромная просьба, объявления на дверь не прикреплять, для этого существует доска объявлений;*

*Большая просьба не ставить машины на детской площадке;*

*В связи с нередко производимыми газовыми выделениями огромная просьба не курить в процессе работ.*

Словосочетания *большая просьба* и *огромная просьба* не имеют принципиальных различий в употреблении:

*Большая просьба! На кафедру в верхней одежде не входить!*

*Огромная просьба, в верхней одежде на кафедру не входить!*

Большинство надписей типа «запрет-просьба» было обнаружено в торговых предприятиях и учебных заведениях. Наиболее частотными объектами запрета являются вход в торговый зал с товаром, купленным в других магазинах, вход в подразделения вузов в верхней одежде, нарушение режима работы, парковка в неположенном месте, прикосновение к каким-либо предметам (*руками не трогать*), курение.

В ряде примеров *просьба* и *убедительная просьба* отделяются от основного текста объявления восклицательным знаком, что придает высказыванию особую эмоциональность и усиливает значение побуждения:

*Просьба! В верхней одежде не входить!*

*Убедительная просьба! Не снимать ценник с обуви;*

*Убедительная просьба!!! Не крутить стенд с открытками.*

в) *просим не* + инфинитив (2,4%)

В структуре, включающей в себя глагол первого лица множественного числа настоящего времени, субъект запрета представлен как группа лиц (а не обезличенный носитель власти), которые обращаются к адресату как к равноправному партнеру. Как правило, в запретительных высказываниях по данной модели субъект апеллирует к личности адресата, к его нравственности и здравому смыслу; такой запрет носит неформальный характер. В большинстве подобных объявлений присутствуют вежливые обращения к адресату, различного рода обоснования и призывы:

*Уважаемые жильцы! Идет ремонт кровли / Просим Вас машины у подъезда не ставить / Администрация;*

*Уважаемые граждане! В связи с возможностью схода снега с крыши просим во избежание получения транспортным средством повреждения не припарковывать автомобили у здания суда / Администрация;*

*Просим не кормить животных.*

Модификации данной структуры содержат словосочетание *убедительно просим* и косвенное обращение к адресату *просим Вас*:

*Уважаемые водители! Убедительно просим тротуар для пешеходов и въезд в ворота не занимать;*

*Убедительно просим Вас не опираться на столики во время осмотра микроминиатюр во избежание поломки оборудования;*

*Уважаемые посетители! Просим Вас не кормить наших птиц! Они от этого болеют и умирают.*

г) *прошу не* + инфинитив (0,4%)

В данных знаках просьба не совершать какое-либо действие, выраженная глаголом первого лица единственного числа настоящего времени, исходит от частного лица, не обладающего властью требовать ее исполнения, так что субъект всецело полагается на понимание и сотрудничество адресата. Эти объявления не являются типичными образцами запретительных общественных знаков и крайне немногочисленны.

*Тов. жильцы! Прошу дверь не закрывать / Жду мастеров;*

*Очень прошу не ставить у ворот машины (частный гараж);*

*Убедительно прошу не ставить машины у гаража инвалида / Я не могу выезжать!*

#### **4. Императив (10%)**

а) *не + глагол 2 л. ед. ч. повел. накл. несов. вида* (1,4 %)

Общественные знаки с обращением к адресату на «ты» более приближены к разговорной речи, чем к официально-деловому стилю [Rathmaуt 1989: 72]. Ряд знаков данной группы, вероятно, получивших распространение в советскую эпоху, относится к сфере промышленного производства и содержит краткие, категоричные предписания рабочим либо водителям автотранспорта: *Не стой под грузом и стрелой; Не перегружай кран; Не стой у крана при работе; Без упора не работай.*

Вышеприведенные общественные знаки имеют отношение к ситуациям, связанным с опасностью; их краткость обусловлена необходимостью быстроты реакции. Существует интерпретация такой формы обращения как излишне категоричной и неуважительной, обращения вышестоящего к подчиненному – «винтику в механизме» [Тер-Минасова, 2004: 337–338]. Однако, при высокой степени категоричности, в ней содержится значение предостережения и заботы о безопасности адресата, что прослеживается в примере *Не стой под стрелой* в сравнении с его смысловым эквивалентом *Под стрелой не стоять*. Отмечается также, что в русских общественных знаках возможно обращение анонимной общественности к отдельным гражданам как к членам семьи. Таким могло бы быть предостережение

матери ребенку: *Не влезай – убьет!* или отеческий совет опытного водителя начинающему: *Не уверен – не обгоняй* [Rathmayr 1989: 72]. Возможно, еще в большей степени данная особенность характерна для сербских общественных знаков, где распространенные клишированные запреты, в отличие от их русских прагматических эквивалентов, подразумевают обращение к адресату на «ты»: *Не лупај вратима – Дверями не хлопать, Не гази траву – По газонам не ходить, Не узнемиравај возача у току возње – не отвлекайте водителя во время движения*. Этот факт свидетельствует о коллективизме и ориентированности на отношения между людьми в русской и сербской культурах.

Объявления с аналогичной структурой без частицы *не* (1,2%) представляют варианты проанализированной модели. Наиболее частотными и стандартизированными являются знаки со словом *стой / стоп*. «Стой» означает команду прекратить движение, то есть запрет продвигаться дальше; подобные знаки часто содержат указания на запретность территории, иногда – упоминание о штрафных санкциях; на этом основании они причислены нами к запретительным знакам:

*Стой! Опасная зона;*

*Стой! Опасно для жизни! / высокое напряжение;*

Надпись [*Стой!*] *Запретная зона* комментируется как категоричный запрет, усиленный коннотациями существительного *зона*, которое в русской лингвокультуре ассоциируется с репрессиями, преследованием, наказанием [Попович 2006: 66].

б) *не + глагол 2 л. мн. ч. повел. накл. несов. вида* (6, 5%)

Русские и сербские знаки данной группы имеют характер неофициальной просьбы, обращенной к равному. В них используются различные способы вежливого воздействия на адресата: уважительные и доброжелательные обращения, апелляция к нравственности адресата, разнообразные лексико-стилистические варианты выражения просьбы, маркеры вежливости «пожалуйста», «спасибо», «извините».

*Милые дамы! Пожалуйста, не оставляйте следы макияжа на одежде;  
Молимо не улазите док вас не прозову.*

Ряд примеров данной группы, носящих характер предостережения, не снабжен маркерами вежливости, лаконичен и меньше по объему:

*Во избежание падения в шахту не открывайте дверь лифта;  
Не загораживайте стекло кабины водителя;  
Не прыгайте с платформы! ОПАСНО!*

Стратегии вежливости применяются и в некоторых знаках, где на первом плане предупреждение о возможной опасности:

*Осторожно! Возможно падение облицовочной плитки! Не заходите за ограждение! Спасибо!*

*Уважаемые пассажиры! Не отвлекайте водителя!*

На материале общественных знаков выявлены некоторые особенности сочетаемости клишированных оборотов с лексемой *просьба*, которая без предшествующего определения требует после себя инфинитивного оборота. Конструкция *не + глагол 2 л. мн. ч. повел. накл.* сочетается с существительным *просьба* в значении сказуемого только в тех примерах, где оно имеет эпитет:

*Уважаемые дамы и господа, / Убедительная просьба, не выливайте жидкость в корзину для мусора;*

*Господа! / Огромная просьба: / Не хлопайте дверью!*

Имеются варианты данной конструкции без частицы «не» (0, 9%):

*Соблюдайте тишину;*

*Отключите мобильные телефоны;*

*Исключите ваши мобилне телефоне.*

Данные объявления воспринимаются как более демократичные, чем их параллели с *не*; приведенные примеры представляют собой стандартные способы выражения запретов шуметь и пользоваться мобильными телефонами и являются достаточно частыми.

В рамках данной лексико-грамматической модели наиболее частотны морально-этические обоснования запретов, которые носят характер императивных призывов, напрямую обращенных к адресату:

*Не загрязняйте раковины и унитазы / Уважайте труд уборщиц;*

*Берегите лес – источник даров природы / За незаконную порубку – штраф.*

В отдельных примерах запретительные высказывания апеллируют к эстетическому чувству адресата (*Дорогие ижевчане! Мы благоустроили эту территорию для Вас, Ваших детей и внуков. Берегите красоту, не рвите цветы. С любовью к Вам, кафе «Позимь»*), к чувству гражданской сознательности и солидарности, к национальному самосознанию:

*Уважаемые читатели! Не носите в читальный зал продукты питания и напитки. Сохранность уникального фонда Библиотеки – наше общее дело!*

*[...] Нарушение данного запрета расценивается как покушение на сохранность особо ценных объектов национального наследия народов РФ.*

Общественные знаки данной подгруппы, регулирующие поведение на территории православных церквей, апеллируют к благочестию адресата, уважению к традициям:

*Убедительная просьба, соблюдайте правила поведения на территории Храма / Воздержитесь от курения / не оставляйте после себя мусор / не распивайте спиртные напитки / не катайтесь на роликовых коньках / не пользуйтесь радиоприемниками и магнитофонами / Помните! Благочестие и идеальная чистота в Храме и вокруг него – вековая традиция нашего народа.*

Предпочтение повелительных конструкций в рассмотренных ситуациях в русском и сербском языках объясняется тем, что концепты солидарности и единения более значимы в данных культурах, чем концепты дистанции и сохранения личного пространства [Rathmayr 1997: 176; цит. по: Иная ментальность 2005: 181].

## 5. ... нет ... (1, 1%)

Знаки данной грамматической модели представляют собой сочетание частицы *нет* с существительным в родительном падеже, обозначающим объект (в обнаруженных нами примерах – вход, выход, въезд, выезд, посадка, проход, ход). Формально в данных высказываниях отсутствует волеизъявление, но прагматический смысл зависит от места применения знака и от контекста. К примеру, знак на двери *Входа нет* можно истолковать как запрет входа, но тот же знак может означать и физическую невозможность входа в дверь, если она заперта или загорожена.

Большинство подобных знаков состоят из двух лексем, иногда присутствует краткое обоснование (*Входа нет / Промзона*) либо указание на альтернативу (*Входа нет / Вход через переднюю дверь*). Знак *Служебное помещение / Сквозного прохода нет!* одновременно сигнализирует об отсутствии прохода и о нежелании, чтобы посторонние входили в данное помещение; значение волеизъявления усилено восклицательным знаком.

## 6. Запреты-ограничения с частицей «только» (варианты: «строго», «исключительно» 5, 2%)

Русские и сербские общественные знаки данной модели представляют собой имплицитные запреты. В них отсутствует отрицание, и в центре внимания адресата находится обозначенная словосочетанием с частицей *только* группа лиц, на которых не распространяется запрет, либо условий, при которых запрещаемое действие допустимо, что создает в целом положительное впечатление от текста:

*Уважаемые читатели! Выход из Библиотеки разрешен только после возврата изданий в соответствующие фонды;*

*Стоянка только для сотрудников банка;*

*Само за особье.*

Объявления, где в значении частицы употреблено наречие *строго*, под влиянием семантики данной лексемы, являются наиболее категоричными

в рассматриваемой подгруппе. Как и знаки с наречием *исключительно*, они немногочисленны:

*Вход в школу посторонним строго при наличии документов, удостоверяющих личность;*

*В зал заходить строго в сменной обуви;*

*Уважаемые преподаватели! Открывать и закрывать двери следует исключительно с разрешения охраны.*

Предположительно, знаки с *только* возникли в послеперестроечную эпоху под влиянием западноевропейских эквивалентов и, по нашим данным, получают все большее распространение. Данные знаки фиксируют внимание на позитивной стороне вещей (разрешении, а не запрете), что является эффективной стратегией воздействия на адресата.

#### **7. Обстоятельство места + глагол 3 л. мн. ч. наст. вр. (0, 8%)**

Наиболее известным и частотным примером из данной группы неопределенно-личных предложений является клише *У нас не курят*, в последние десятилетия заменившее в учебных заведениях и предприятиях сферы досуга более категоричные эквиваленты *Не курить* и *Курение запрещено*. По обстоятельству места выявлены разновидности *Здесь не курят*; *В бистро не курят!* Объектом запрета в большинстве примеров является курение. Возможно, подобные знаки вошли в обиход как проявление современной тенденции к смягчению категоричности общественных знаков в ситуациях, не связанных с опасностью.

**8. Знаки с наречием в значении сказуемого «нельзя» (0, 5%)** рассмотрены в разделе 2.3. «Стилистические особенности общественных знаков».

Итак, исследования лексико-грамматических моделей русских общественных знаков показали, что почти в половине примеров (47,2%) запретительное значение выражено с помощью производных от базовой лексики со значением запрета в русском языке (*запрещать*) и ее однокоренного синонима (*воспрещать*). Как правило, они представляют собой категорич-

ные волеизъявления, предполагающие иерархию и дистанцию между субъектом и адресатом запрета.

Достаточно многочисленны и запреты, выраженные при помощи инфинитивной модели. Сфера их употребления значительно шире, чем ситуации повышенной опасности. Данные знаки отличает категоричность предупреждающего характера – краткость формы запрета и использование структуры, где запрещающий элемент (частица отрицания *не*) выдвинут на первый план. В центре внимания находится предотвращение либо пресечение нежелательного действия; как представляется, властные отношения субъекта и адресата для данной модели не релевантны.

Вышеназванные способы выражения запрета являются традиционными для русских общественных знаков и до настоящего времени отличаются наибольшей частотностью.

В ходе анализа было установлено сужение сферы употребления знаков, образованных с помощью производных глагола *воспрещать*, более распространенных в предыдущую (советскую) эпоху.

Волеизъявления запретительного характера в большинстве проанализированных знаков эксплицитны. Альтернативные лексико-грамматические модели, представляющие запрет как всеобщее и объективное правило, не исходящее от субъекта власти, немногочисленны. Они отражают современную тенденцию к демократизации запретов («исключить давление на личность»), которая еще не получила в России широкого распространения. Данные способы выражения запрета применяются в ситуациях, не связанных с опасностью.

В ходе анализа были выявлены разнообразные лексико-грамматические способы выражения просьбы (большинство в рамках инфинитивной модели), имеющие целью смягчить запрет и тем самым произвести положительное впечатление на адресата.

Значение категоричности может быть заключено в лексеме со значением запрета, в грамматической модели или в обстоятельстве образа действия.

Итак, анализ грамматических моделей и их лексического наполнения в общественных знаках приводит к выводу о существовании лингвокультурной специфики выражения запрета в текстах данного типа на разных языках. Несмотря на сходство экстралингвистических факторов, обуславливающих необходимость использования знаков данного типа, в разных культурах, как показывает наш материал, аналогичные смыслы приобретают различное языковое выражение. Так, для современных немецких и англоязычных знаков характерна тенденция к нивелированию волеизъявления, позволяющая представить запрет не как требование субъекта, а как всеобщее объективное правило. Изучение русских и сербских лексико-грамматических моделей выражения запрета свидетельствует о большей значимости не самой констатации запрета, а факта обращения к адресату (формы императива, обращение на «ты»).

В целом анализ лексико-грамматических моделей и их вариантов в общественных знаках приводит к выводу о существовании универсальных и специфических особенностей в способах языковой реализации концепта «запрет» в общественных знаках. Факт наличия либо отсутствия отдельных моделей и степени их распространенности указывает на существование определенных культурных стандартов, а также на специфику конкретных языков.

## **2.2. Композиционные особенности общественных знаков**

В данном разделе рассматриваются лингвокультурологические особенности изучаемых текстов, отраженные в их композиции: наличие или отсутствие обращения к адресату и номинаций субъекта власти, завершающих данный текст, а также их частотность. Согласно имеющимся исследованиям, в текстах официально-делового стиля, к которым относятся и об-

публичные знаки, адресант и адресат анонимны [Яковлева 1991: 136]. В большинстве общественных знаков отсутствие самономинации адресанта подчеркивает отношения статусного неравенства между участниками коммуникативной ситуации и имплицитно, что адресант, или субъект запрета – это всегда институциональное лицо, обладающее реальной властью [Попович 2006: 70]. Данное положение отражает общую тенденцию, характерную для большинства анализируемых текстов. В ходе исследования были обнаружены примеры, в которых прослеживается иная тенденция. Они отражают специфику исследуемых культур и будут рассмотрены в настоящем разделе. Изучение данных компонентов наряду с изучением основной части текста позволяет выявить ряд культурных реалий и содержит информацию о типе лингвокультур.

**Обращения** интенсифицируют директивную роль высказывания, уточняют направленность дискурса к адресату и указывают на то, что адресат выступает как агент ожидаемого действия [Гладуш 1987: 20]. В стилистически нейтральном тексте в роли обращений выступают названия лиц по родству, общественному положению, профессии; обращение выполняет номинативную функцию. В текстах с эмоционально-экспрессивной окраской функция обращения заключается в характеристике адресата речи, выражении отношения к нему, повышении выразительности речи [Розенталь 1987: 335]. Несмотря на то, что большинство общественных знаков стилистически нейтральны, на наш взгляд, обращения в них выполняют в первую очередь функцию воздействия на адресата.

Нам представляется важным анализ форм обращения к адресату, а также частотности обращений в общественных знаках, поскольку данные формы отражают особенности изучаемых лингвокультурных общностей. По нашей гипотезе, частотность обращений свидетельствует об ориентированности культуры на адресата. С целью выявления количественного и качественного аспектов обращений был произведен детальный анализ формул обращения.

Процент немецких общественных знаков, где используется обращение к адресату запрета как один из способов воздействия, весьма незначителен (1,5%). В данных обращениях преобладают обозначения адресатов по социальной либо ситуативной роли: *Gäste, BesucherInnen und PatientInnen* (посетители / посетительницы и пациенты / пациентки), *Kolleginnen und Kollegen* (коллеги, м. и ж. р.), *BenützerInnen* (пользователи / пользовательницы), *Fahrgäste* (пассажиры), *Reisende* (пассажиры, букв.: путешествующие), *Bürgerinnen, Bürger* (граждане, гражданки), *Kunden* (клиенты), *Hundebesitzer* (владельцы собак).

Как правило, обращение сочетается с такими способами воздействия на адресата запрета, как обозначение адресата при помощи местоимения *Sie* (вежливое «Вы»), а также формулы вежливости, обоснования запрета, речевые обороты и фразы, подчеркивающие заботу субъекта об интересах адресата:

*Liebe Gäste, wir bitten Sie – mit Rücksicht auf andere Gäste – keine Liegen zu reservieren, sondern die Ablagen zu benutzen. Das Badepersonal wird reservierte Liegen wegräumen. Sollten Sie eine Liege Ihrer Wahl reserviert vorfinden, wenden Sie bitte an unsere Mitarbeiter. Vielen Dank, Ihre Claudius Therme* (Дорогие гости, мы просим Вас – с учетом интереса других гостей – не занимать лежаки [не оставлять на них свои вещи], а использовать шкафчики для хранения вещей. Персонал комплекса будет убирать вещи с занятых лежаков. Если Вы обнаружите, что выбранный вами лежак занят, обратитесь, пожалуйста, к нашим сотрудникам. Большое спасибо, Ваш термальный комплекс «Клаудиус»);

*Liebe Kolleginnen und Kollegen! Müllen Sie bitte den Tisch nicht zu, werfen Sie gleich alles weg, was Sie nicht (mehr) benötigen* (Дорогие коллеги! Пожалуйста, не замусоривайте стол, выбрасывайте сразу же все, что Вам (больше) не понадобится).

Наиболее распространенным эпитетом обозначения адресата в немецких общественных знаках является *Liebe* (букв.: дорогие 1,3%), подчеркивающий

доброжелательное отношение к адресату со стороны субъекта. Эпитет *Sehr geehrte* (букв.: многоуважаемые 0,2%), сочетающий значения уважения и дистанцированности, крайне редко встречается в текстах данного типа и преимущественно употребляется в качестве клишированной формулы обращения в официальной корреспонденции и документации [Bünting 2005: 176–248].

Необходимо отметить, что в ряде анализируемых обращений проявляется политическая корректность (языковой такт). Политкорректные обращения в современной немецкой культуре дифференцируют гендерный аспект, причем обращение к лицам женского пола ставится на первое место: *Liebe BenützerInnen* (дорогие пользовательницы и пользователи, *Liebe Leserinnen und Leser* (дорогие читательницы и читатели):

*Liebe BesucherInnen und PatientInnen, bitte beachten Sie das allgemeine Rauchverbot in unserem Haus und besuchen Sie daher die ausgewiesenen Stellen zum Rauchen. So wird gewährleistet, dass der Rauch nicht an ungebetenen Orten in das Haus und somit in Behandlungsbereich einziehen kann. Vielen Dank* (Дорогие посетительницы и посетители, пациентки и пациенты, пожалуйста, примите во внимание всеобщий запрет курения в нашей клинике и пользуйтесь для курения специально отведенными местами. Таким образом обеспечивается то, что дым не проникает в нежелательные места в здание и в терапевтические помещения. Большое спасибо).

В большинстве немецких знаков словосочетание, содержащее обращение, отделяется от основного текста запятой. Такое оформление обращения является нормой в немецкой культуре; примеры, где обращение отделено восклицательным знаком, представляют собой исключения.

В англоязычных общественных знаках прямые обращения к адресату запрета еще более редки, чем в немецких текстах данного типа.

Обращение к адресату запрета является частотным в русских (17%) и сербских общественных знаках. Большинство обращений соответствуют социальной роли либо роду занятий адресата: в русском материале *поку-*

*патели, посетители, читатели, студенты, жильцы, гости, водители, автовладельцы, пассажиры, зрители, родители, клиенты, пациенты, отдыхающие, коллеги, жители, граждане; в сербском поштовани коллеге, корисници, посетиоци, путници, родители, потрошачи, пацијенти.*

Знаки с обращениями наиболее часто встречаются в предприятиях сферы торговли и досуга (магазин, кафе, кинотеатр, музей, галерея, зоопарк, городской пляж), а также в библиотеках.

Обращение *Товарищ(и)*, отражающее этикетную норму советской эпохи, в настоящее время вытесняется обращением *Дамы / господа*. На предприятиях, клиентками которых являются женщины, например в магазинах женской одежды, получает распространение эмоционально окрашенное обращение *Милые дамы*, содержащее позитивные коннотации. Своеобразным видом обращения является сочетание обозначения *господа*, импонирующего адресату импликацией его высокого социального статуса, с лексемой, указывающей на социальную роль: *Господа посетители! Проявите уважение к сотрудникам кафедры – оставьте верхнюю одежду в гардеробе!*

Традиционным обращением в православной церкви является *Братья и сестры*, что отражается в соответствующих общественных знаках: *Братья и сестры! На территории храма не курить / не сорить / спиртное не распивать / грех.*

В русском и сербском корпусе материала наиболее частотны распространенные обращения (содержащие эпитет). Стандартным эпитетом обращений является *уважаемые* (12,4%) и *поштовани*. Знаки с обращением *дорогие* (0,5%) были выявлены главным образом в церкви: *Дорогие сестры! Если у вас на устах помада, пожалуйста, не целуйте иконы.*

Запреты, обращенные к студентам и исходящие от администрации или сотрудников, как правило, не снабжены уважительными эпитетами. Обращения *Уважаемые студенты* либо *Господа студенты* представляют собой проявление новой тенденции, еще не получившей широкого распространения. В целом обращения к студентам весьма разнообразны:

*Студентам! Пребывание на кафедре без колпака и халата строго запрещено! (снимать и одевать халат за пределами кафедры);*

*Просьба к студентам / не заходить в аудиторию во время занятий.  
Обслуживание только в перемену;*

*Студенты, пожалуйста, не вставляйте ногами на унитаз;*

*Уважаемые студенты! Убедительная просьба заходить в деканат по одному человеку, без верхней одежды!*

Выявлена группа примеров, где номинация адресата в обращения сочетается с призывом обратить внимание на информацию:

*Внимание, посетители! Не оставляйте детей без присмотра;*

*Вниманию покупателей! Выезд с детскими покупательскими тележками за пределы гипермаркета «Перекресток» не разрешается. Пользуйтесь другими тележками;*

*Внимание студентам! Большие 2-х человек на кафедру не заходить!*

Разнообразны варианты прямого и косвенного обращения к адресату, входящие в состав общественных знаков: *Вниманию студентов и сотрудников! [...] Обращаем внимание всех посетителей Библиотеки на [...] Пользователям / читателям запрещается [...] Напоминаем Вам, что в соответствии с приказом ректора [...]*

Использование нераспространенного обращения в русском материале не является нормой и встречается крайне редко:

*Водитель / Стоянка транспорта напротив ворот запрещена;*

*Родители! Не допускайте детей на стройплощадку.*

Как правило, в русских общественных знаках словосочетание, содержащее обращение, отделяется от остального текста восклицательным знаком. Обращение, образующее отдельное высказывание, так называемое вокативное предложение [Розенталь, Голуб, Теленкова 2005: 369], в русской культуре является нормой, и употребление восклицательного знака воспринимается как проявление эмоциональности и(ли) должного внимания к адресату. В ряде примеров обращение представлено вводной конструкцией,

отделенной запятой. Имеются и примеры косвенного обращения в сочетании с лексемой, выражающей запрет, получившего наибольшее распространение в клише *Посторонним вход запрещен*:

*Родителям запрещается провожать и встречать учащихся у кабинетов;*

*Читателям запрещается вносить в библиотеку документы на электронных носителях;*

*Лицам до 18 лет играть строго запрещается.*

Представляет интерес рассмотрение обращений в двуязычных примерах с аналогичным содержанием на немецком и русском языках. Первый пример обнаружен в русской православной церкви в Германии:

*Дорогие сестры! Просьба в церковь в брюках не входить;*

*Wir bitten die Frauen! Die Kirche nicht in Hosen zu betreten* (Мы просим женщин! Не входить в церковь в брюках).

В русском варианте, отражающем типичный случай словоупотребления, используется безличное выражение волеизъявления, в то время как в немецком варианте *Wir bitten* субъект волеизъявления эксплицитно обозначен местоимением *мы*. Однако русский вариант использует распространенную модель – обращение к адресату с доброжелательным эпитетом, эмоциональность которого выражена восклицательным знаком, в немецком же проявляется тенденция к нивелированию обращения – номинация адресата в третьем лице.

Рассмотрим еще один двуязычный пример, обнаруженный нами в консульстве ФРГ в Москве.

*Liebe Frauen! Bitte werfen Sie nicht die Frauenbinden in das Klosettbecken! Danke für Ihr Verständniss! Уважаемые женщины! Пожалуйста, не бросайте в унитаз предметы женской гигиены. Спасибо за понимание!*

В данном примере сочетаются особенности оформления объявлений, типичные как для русской культуры (эмоциональное обращение), так и для немецкой (клише благодарности за понимание). Показательно, что в немец-

ком и русском текстах используются наиболее типичные для исследуемых культур обращения – *Liebe* и *Уважаемые*.

Итак, в немецких общественных знаках обращение используется крайне редко, что указывает на ориентированность немецкой культуры на предмет деятельности и содержание сообщения в большей мере, чем на адресата сообщения и отношения между людьми. Обнаруженные немецкие объявления с обращениями являются исключениями и употребляются в основном в сфере обслуживания. Для них характерно повышенное внимание к стратегиям вежливости, в частности политическая корректность.

В англоязычных знаках обращения к адресату почти отсутствуют. Англосаксонская культура отмечена Ю. Хаус и М. Снелл-Хорнби как ориентированная на адресата, однако в английских общественных знаках очевидно преобладание номинации адресата в третьем лице *Passengers must not cross the line (Überschreiten der Gleise verboten)*, *Hawkers, canvassers, collectors not allowed (Hausieren verboten)* [Snell-Hornby 1998: 69].

Многочисленные структурные варианты обращения и разнообразные обозначения групп лиц, которым адресован запрет, представляют собой яркое свидетельство ориентированности русской культуры на адресата [Lyskov-Strewe, Schroll-Machl 2003: 107], что характерно и для сербской культуры. Использование в обращении эпитетов является нормой; употребляемые эпитеты импонируют адресату выражением уважительного и доброжелательного отношения, что, возможно, побуждает адресата к подчинению запрету. Политическая корректность в обозначении адресата для русских и сербских общественных знаков не характерна. На примере обращений в исследованных примерах можно проследить замену этикетного обращения, отражающую изменения социальных отношений (*товарищи – дамы и господа*).

**Ссылки на субъект власти либо официальное постановление** могут быть оформлены в виде номинации субъекта в завершение текста общественного знака либо содержаться непосредственно в тексте.

Немецкие знаки, содержащие ссылки на официальную власть (14,1%), являются информативными в страноведческом плане, содержат значительное количество реалий и безэквивалентной лексики. Кроме того, посредством данных текстов можно получить информацию о правовом аспекте волеизъявлений, содержащихся в запретительных надписях.

В соответствии с немецкими культурными нормами индивид – носитель определенной социальной роли или должности – имеет право эксплицитно заявить о себе как субъект запрета. Кроме того, предположительно, данная особенность отражает разработанность юридической стороны вопроса (кто контролирует подчинение запретам, к кому обращаться в случае нарушения, какие и за что предусмотрены санкции). Волеизъявления с указанием на субъекта запрета составляют 5,5% от общего количества немецких примеров, в убывающей последовательности: *Eigentümer* (владелец), *Oberstadtdirektor* (глава городской администрации), *Oberbürgermeister* (обер-бургомистр), *Präsident der Universität* (президент университета), *Direktor* (директор), *Kurator* (куратор), *Dekan* (декан), *Schulleiter* (директор школы), *Hauspräsident* (председатель общежития), *Hausmeister* (управляющий домом), *Vermieter* (сдающий внаем), *Pächter* (арендатор).

Номинация владельца территории, здания, предприятия в конце текста отражает высокую ценность частной собственности в немецком обществе. Общественные знаки, содержащие подобные обозначения, как правило, регулируют парковку транспорта и поведение вблизи частных владений. Наиболее частотна лексема *Der Eigentümer* (владелец), также используются уточняющие понятия-компози́ты: *Der Hauseigentümer* (владелец дома), *Die Hauseigentümerin* (владелица дома), *Der Grundeigentümer*, *Der Grundstückseigentümer* (владелец земельного участка).

*Privatparkplatz / Parken verboten / Nur für Berechtigte / Der Eigentümer* (Частная автостоянка / Парковка запрещена / Только для (букв.) тех, кто имеет право [на парковку] / Владелец);

*Es ist untersagt, Wertstoffsäcke im Keller oder in Hausflur zu lagern! / In Hausflur sind keine Fahrräder abzustellen! Der Hauseigentümer* (Воспрещено складировать мешки с мусором в подвале или на лестничной площадке / В подъезде велосипеды не оставлять! Владелец дома);

*Privatgrundstück! Unberechtigtes Parken verboten! Bei Zuwiderhandlungen erfolgt Strafanzeige und kostenpflichtiges Abschleppen des Fahrzeuges! Der Grundeigentümer* (Частная территория! Несанкционированная парковка запрещена! В случае нарушений следует заявление в органы охраны правопорядка и отбуксирование транспортного средства за счет нарушителя! Владелец земельного участка);

*Betreten der Rasenfläche verboten / Eltern haften für ihre Kinder / Der Grundeigentümer* (Хожение по газону запрещено / Родители отвечают за своих детей / Владелец земельного участка).

Представляют интерес знаки, где в качестве субъекта власти выступают главный представитель городского управления – глава администрации города (*Oberstadtdirektor*) или обер-бургомистр (*Oberbürgermeister*). По мнению немецкого исследователя, в Германии лица, стоящие на вершине иерархической лестницы, несут ответственность за тех, кто находится в их подчинении [Walf 2006]. Таким образом, позиционируя себя как субъекта власти, глава администрации подчеркивает свою ответственность за соблюдение порядка в городе. От его имени регулируется парковка транспорта, утилизация отходов, поведение на детских площадках и вблизи водоемов, на территории муниципальных школ:

*Schulanlage / Außerschulische Nutzung nicht gestattet / Der Oberstadtdirektor* (Территория школы / Внешкольное пользование не разрешено / Глава городской администрации);

*Schulparkplatz Brüder-Grimm-Schule / Parken nur für Lehrkräfte gestattet / Unbefugt geparkte PKW werden in Wege der Ersatzvornahme kostenpflichtig abgeschleppt / Der Oberstadtdirektor* (Автостоянка школы имени братьев Гримм / Парковка разрешена только учителям / Противоправно припар-

кованные легковые автомобили будут отбуксированы за счет нарушителя в порядке возмещения ущерба / Глава городской администрации);

*Betreten der Eisfläche verboten! Der Oberstadtdirektor* (Хождение по льду запрещено / Глава городской администрации).

Более ранние общественные знаки, содержащие подпись *[обер]-бургомистр*, встречаются значительно реже:

*Zweiräder abstellen verboten / Der Oberbürgermeister* (Двухколесный транспорт ставить запрещено / Обер-бургомистр);

*Der Aufenthalt im Parkhaus ist nur zum Abstellen des KfZs erlaubt / Stadt Hennef (Sieg) / Der Bürgermeister als örtliche Ordnungsbehörde* (Пребывание в гараже разрешено только с целью оставления там автомобиля / Город Хеннеф (округ Зиг) / Бургомистр как представитель местной власти).

В нашем материале обнаружили следующие запреты (5%), исходящие от группы лиц, наделенных властью, то есть от организации, юридического лица. Примеры приведены с убывающей частотностью: *Studentenwerk* (Студенческое управление), *Wohnungsgenossenschaft* (Жилищный кооператив), *[Hoch]hausverwaltung* (Управление [многоквартирного] дома), *Wohnheimverwaltung* (Управление общежития), *Ortverwaltung*, *Stadtverwaltung* (Городское управление), *Wasser- und Schifffahrtverwaltung* (Управление навигации и судоходства), *Seminarverwaltung* (Администрация семинара), *Friedhofsverwaltung* (Администрация кладбища), *Städtische Wohnungsbau GmbH* (ООО «Городское жилищное строительство»), *Landkreis Lüneburg / Göttingen* (Люнебургский / Геттингенской округ), *Bezirksamt* (Районное управление), *Der Dachverband* (Совет профсоюзов), *Der Landrat* (Начальник окружной администрации), *Die Schulleitung* (Руководство школы), *Der Vorstand* (Правление), *Die Eigentümergemeinschaft* (Объединение собственников), *Der Hausdienst* (Служба уборки дома), *Hausmeisterservice* (Домоуправление), *Stadtschulamt* (Городское управление школ), *Die Geschäftsleitung* (Руководство предприятия), *Umweltamt* (Управление по охране окружающей среды).

Ряд примеров иллюстрирует ссылку на организацию как субъект власти:

*Kein Schülerparkplatz! / Zufahrt nur für Luftverkehr und Bedienstete der BBSII mit Parkberechtigungsausweis! Unbefugt geparkte Fahrzeuge werden kostenpflichtig abgeschleppt / Der Landrat* (Это не автостоянка для школьников! Въезд только для транспорта сотрудников воздушного сообщения и обслуживающего персонала BBSII с документом, удостоверяющим право на парковку! Противоправно припаркованные транспортные средства будут отбуксированы за счет владельца / Окружная администрация);

*Containerplatz / Müll anstellen verboten! Bei Zuwiderhandlungen erfolgt Anzeige / [Hoch]hausverwaltung* (Место для контейнеров / Сваливать мусор [около контейнеров] запрещено! В случае нарушения последует заявление в органы охраны правопорядка / Домоуправление многоквартирного дома);

*Nur zum Be- und Entladen und zum Kurzparken für Sozialdienst / Wohnungsgenossenschaft e.G. Guttingen* (Только для погрузки и выгрузки и для кратковременной парковки социальных служб / Зарегистрированное жилищное товарищество Геттингена);

*Privatgrundstück der Bundesrepublik Deutschland / Zufahrt und Zutritt sind nur befugten Personen gestattet / Bundesvermogensamt BS – Ortsverwaltung Guttingen* (Частное владение ФРГ / Вход и въезд разрешен только уполномоченным лицам / Федеральное управление по делам имущества BS, Геттинген).

В ряде примеров лексема, обозначающая организацию – субъект запрета, сочетается с притяжательным местоимением *Ihr* (Ваш): *Ihr Bahnhofsmanagement Giessen* (Ваша администрация вокзала г. Гисен), *Ihr Claudius Therme* (Ваш термальный комплекс «Клаудиус»), *Ihr Kiosk Team* (Ваши сотрудники киоска), *Ihr SUB Team* (Ваши сотрудники Городской и Университетской библиотеки), *Ihre Hausverwaltung* (Ваше домоуправление). Англоязычное заимствование *Team* (букв.: команда) представляет субъекта запрета не как авторитарного носителя власти, а как коллектив сотрудников, заинтересованный в благополучии адресата. Данные стратегии вежливости

уменьшают дистанцию между субъектом и адресатом, отражая современную тенденцию к демократизации общественных знаков, не связанных с опасностью.

*Bitte keine Fahrräder vor dem Schaufenster abstellen! Das Reise Bank-Team* (Просьба не ставить велосипеды перед витриной / Сотрудники Reise банка).

*Zeitungen dürfen nicht selbst kopiert werden, sie werden dadurch beschädigt! Bitte benutzen Sie die ausgeliehenen Auftragsformulare und lassen Sie die Bände dann auf den Tischen liegen / Ihre SUB* (Самостоятельно копировать газеты не разрешено, они от этого повреждаются! Пожалуйста, делайте закладки (букв. пользуйтесь) формулярами и оставляйте подшивки на столах / Ваша Городская и Университетская библиотека);

*Liebe Gäste, bitte nehmen Sie zur Kenntniss, dass das Rauchen im Treppenhaus und im Foyer, sowie das Benutzen von Mobiltelefonen im ganzen Haus nicht gestattet ist / Vielen Dank für Ihre Rücksichtnahme / Ihre Claudius Therme* (Уважаемые гости, пожалуйста, примите к сведению, что курение на лестничных площадках и в фойе, а также пользование мобильными телефонами во всем здании не позволены / Спасибо за принятие к сведению / Ваш термальный комплекс «Клаудиус»).

В немецком корпусе материала выделяется особая группа производственных знаков с самообозначением субъекта через подпись или с указанием на лицо, имеющее право снять объявление:

*Nicht in Betrieb setzen / Nicht einschalten! Es wird gearbeitet / Ort: \_\_\_\_\_ Datum: \_\_\_\_\_ Entfernen des Schildes /der Tafel nur durch: \_\_\_\_\_* (Не эксплуатировать / Не включать! Ведутся работы / Место: \_\_\_\_\_ Дата: \_\_\_\_\_ Снять объявление может только \_\_\_\_\_);

*Vorsicht! Maschinen nicht bedienen / Datum: \_\_\_\_\_ Uhrzeit: \_\_\_\_\_ Unterschrift: \_\_\_\_\_* (Осторожно! На станках не работать! Дата: \_\_\_\_\_ Время: \_\_\_\_\_ Подпись: \_\_\_\_\_);

*Vorsicht! Es wird gearbeitet! / Nicht verstellen, nicht schalten / Unfallgefahr / Betrieb: \_\_\_\_\_ Entfernung der Tafel nur durch: \_\_\_\_\_* (Осторожно!

Ведутся работы! Не переставлять, не включать / Опасность аварии /  
Предприятие: \_\_\_\_\_ Снять объявление может только \_\_\_\_ ).

Ссылка на официальное распоряжение с его конкретным обозначением (закон, приказ, правила) имеется в 1,7% немецких примеров. В большинстве из них присутствует название закона либо свода правил, иногда с указанием параграфа: *StVO, § 10 Jugendschutzgesetz, §23 StGB, Luftverkehrsgesetz, §18 u. 37 Zollverwaltungsgesetz*. Кроме того, имеются примеры ссылки на полицейскую либо законную власть, на органы охраны правопорядка, а также на субъекты, санкционирующие исключения из запрета (2,8%).

Как представляется, в немецких примерах сведения, относящиеся к закону (название закона, номер параграфа), выполняют прежде всего информирующую функцию: *Parken nur innerhalb der markierten Stellflächen. Nur für Kunden des ÖPNV, Zuwiederhandlungen werden gem. § 62, 64 b5\_0 geahndet*. (Парковка только на отмеченных местах для стоянки. Только для клиентов ÖPNV, нарушители наказываются на основании § 62, 64 b5\_0).

Эксплицитная ссылка на закон чаще всего встречается в знаках, запрещающих продажу алкоголя и табачных изделий несовершеннолетним: *Nach dem Jugendschutzgesetz dürfen an Jugendliche unter 16 Jahren keine Tabakwaren, alkoholische Getränke, Streichholz verkauft werden* (В соответствии с Законом о защите молодежи запрещена продажа табачных изделий, алкогольных напитков, спичек молодежи до 16 лет).

В составе запретительных знаков достаточно часто встречается ссылка на правила дорожного движения, обозначаемые аббревиатурой *StVO* (*Straßenverkehrsordnung*), например *Es gilt die StVO* (Здесь действуют ПДД); *Feuerwehrrzufahrt / Haltverbot nach StVO* (Проезд для пожарных машин / Запрет остановки в соответствии с ПДД).

Следует отметить, что указания на необходимость соблюдать правила дорожного движения можно встретить и на территории гаража предприятия: *WDR Betriebsgarage / Unbefugten ist die Einfahrt und das Betreten nicht gestattet / In der Garage gilt die Straßenverkehrsordnung* (Производственный гараж /

Неуполномоченным въезд и вход не разрешены / В гараже действуют Правила дорожного движения).

В немецком корпусе примеров обнаружены ссылки на закон либо свод правил в производственной сфере:

*Kraftfahrzeuge mit Druckgasantrieb dürfen in dieser Garage nicht eingestellt werden / Erlaß der Länderministerien vom 27.2.1976 IVA23- 3kob-41/76* (Автомобили, работающие на газовом топливе, ставить в этот гараж запрещено / Приказ Министерств федеральных земель от 27.2.1976 IVA23-3kob-41/76);

*Achtung! Flurförderzeuge dürfen nach BGV D 27 nur von ausgebildeten Personen gesteuert werden!* (Внимание! Согласно BGV D 27, передвижные механизмы могут управляться только обученным персоналом!).

В ходе исследования материала были обнаружены следующие косвенные обозначения субъекта власти, выраженные прилагательным, в сочетании с *verboten*: *ordnungsbehördlich*, *bergbehördlich*, *gesetzlich*, *polizeilich*, *strompolizeilich* (запрещено органами охраны правопорядка, управлением горнодобывающей промышленности, законом, полицией, речной полицией).

Ссылки на полицейскую власть, эксплицирующие законное основание запрета, выявлены в знаках, запрещающих курение и пользование открытым огнем в ситуациях повышенной пожароопасности (в гаражах, на автозаправочных станциях, на производстве, в котельных жилых домов):

*Kraftwagenanlage / Rauchen, offenes Licht und offenes Feuer polizeilich verboten* (Гараж / Курение и пользование открытым огнем запрещено полицией);

*Feuer und offenes Licht polizeilich verboten* (Пользование открытым огнем запрещено полицией).

По мнению немецких информантов, указание на полицию в подобных примерах не имеет юридического смысла, так как само наличие запрета уже подразумевает его законное основание, а полиция, не являясь органом зако-

нодательной власти, не устанавливает запреты. Таким образом, ссылка на полицию используется для осуществления функции воздействия на адресата с учетом традиционного авторитета полиции в немецкой культуре:

*Das Spielen der Kinder auf dem Garagenhof ist polizeilich untersagt / Im Übertretungsfalle haften die Eltern für ihre Kinder* (Игра детей на дворе гаража воспрещена полицией / В случае нарушения родители отвечают за своих детей);

*Betriebsgelände der Wasser- und Schifffahrtverwaltung des Bundes / Benutzen und Betreten strompolizeilich verboten / Wasser- und Schifffahrtverwaltung Hann. Münden* (Территория Управления навигации и судоходства ФРГ / Использование и вход запрещены речной полицией / Управление навигации и судоходства, город Ханн. Мюнден);

*20 m Abstand zu den Zapfsäulen / Zuwiderhandlungen werden polizeilich verfolgt* ([Соблюдать] расстояние до бензоколонки 20 метров / Нарушения преследуются полицией).

В ряде примеров запреты высказываются от имени закона и органов охраны правопорядка:

*Feuerwehrrzufahrt / Nach §22 VVB ist das Abstellen vom Kfz. verboten. Zuwiderhandlungen werden ordnungsbehördlich verfolgt. Abgestellte Fahrzeuge werden abgeschleppt* (Проезд для пожарных машин / Согласно §22 VVB, ставить автомобили запрещено. Нарушения преследуются органами охраны правопорядка. Припаркованные транспортные средства будут отбуксированы);

*Gemäß polizeilicher Anweisung und ordnungsbehördlicher Auflage ist der Aufenthalt nur für die Dauer des Spieles gestattet. / Wir bitten um Ihr Verständnis, das wir diese Anweisung konsequent ausführen müssen. Die Geschäftsleitung* (Согласно указанию полиции и распоряжению органов охраны правопорядка, пребывание [в казино] разрешено только на время игры. Мы просим Вашего понимания, так как вынуждены последовательно выполнять это распоряжение / Администрация предприятия);

*Keine Ware und Geräte abstellen! Das Öffnen ist nur bei Brandgefahr erlaubt. Fahrlässiges Öffnen zieht eine Bestrafung aufgrund der gesetzl. Bestimmungen nach sich* (Товар и аппаратуру не ставить! Открывать разрешено только при пожарной опасности / Небрежное / неосторожное открывание влечет за собой наказание на основании постановлений закона);

*Spitze und scharfe Gegenstände sind im Handgepäck gesetzlich verboten* (Остроконечные и острые предметы в ручном багаже запрещены законом) – так регулируется содержимое багажа в аэропортах Германии. Ссылка на полицию как на конкретную организацию, контролирующую соблюдение закона, более распространена, чем ссылка на абстрактное понятие закона.

Одним из видов ссылок на субъект власти в немецких общественных знаках, особенно в запретах-ограничениях с частицей *nur*, является эксплицитное указание на исключение из запрета, санкционируемое субъектом: *Genehmigung des Sekretariats / des Vorstandes / Hausverwaltung* (разрешение секретариата / правления / домоуправления), *vorherige Genehmigung vom Merkur-Bibliothek* (предварительное разрешение от библиотеки «Меркур»), *Sondererlaubnis des Landkreises* (специальное разрешение администрации округа), *Zustimmung der Erziehungsberechtigten* (согласие ответственных за воспитание детей). Стремление предусмотреть все возможные варианты развития ситуации, в частности подробная проработка вопросов, связанных с исключениями из запрета, по мнению исследователей, свидетельствует о низкоконтекстности и высоком уровне избегания неопределенности в немецкой культуре [Садохин 2004: 96]:

*Verlassen des Parkplatzes nach Ladenschluss nur mit Sondergenehmigung möglich* (Покидать место парковки после закрытия магазина возможно только с особого разрешения);

*Privatgrundstück / Mo-Fr parken nur mit der Sondererlaubnis des Landkreises / 17-6 hs sowie Sa-So frei* (Частное земельное владение / С пн. по пт. парковка только с разрешения администрации округа / с 17 до 6 часов, а также по сб. и вс. свободно).

Примером предписания, где сочетаются указания на несколько субъектов власти и законных постановлений, является следующая надпись:

*Vorrangzone für den Angelsport / Die Uferbereiche der Vorrangzone für den Angelsport dienen dem gemäß Landesfischereigesetz vorgeschriebenem fischereilichen Nutzung. Sie dürfen nur mit Genehmigung der Stadt Hennef betreten werden. (Satzung zur Nutzung des Allner Sees und seiner näheren Umgebung vom 4.7.94) Stadt Hennef, Umweltamt* (Зона, определенная для спортивной рыбалки / Прибрежная территория данной зоны, в соответствии с Законом федеральной земли о рыбной ловле, служит для предписанного рыболовецкого использования. На данную территорию можно входить лишь с разрешения [администрации] города Хеннефа (Устав об использовании озера Альнерзее и прилегающей к нему территории от 4.07.94. Город Хеннеф, Управление по охране окружающей среды).

Таким образом, для немецких общественных знаков характерна высокая степень детализации и конкретики в обозначении лица или организации, являющихся субъектом запрета. Следует отметить наличие ссылок на субъект власти в производственных знаках, а также особое внимание к регуляции исключений из запретов. Данные особенности отражают тенденцию к детализации, одной из целей которой является четкое распределение ответственности за поддержание порядка, и высокий уровень избегания неопределенности в немецкой культуре. Эксплицитное обозначение владельца, устанавливающего запреты на принадлежащей ему территории, говорит о высокой ценности частной собственности в немецком обществе. Ссылки на полицию, органы охраны правопорядка и высших должностных лиц свидетельствуют о том, что данные субъекты являются для немецких граждан непререкаемым авторитетом, гарантом обеспечения порядка (*Ordnung*), стабильности и безопасности (*Sicherheit*) в обществе.

В русских общественных знаках (14,5%) наиболее распространенным видом ссылки на субъект власти является подпись *администрация*, используемая в самых разнообразных учреждениях: в торговых и промышленных

предприятиях, учебных заведениях, музейно-выставочных комплексах, лечебных учреждениях, предприятиях общественного питания и т. д. (9,2%). Вероятно, данная особенность свидетельствует о высококонтекстности русской культуры: информация о том, администрация какого учреждения имеется в виду, содержится в контексте. Предположительно, значение данной лексемы является частично стертым. В связи с этим представляется, что преобладание слова *администрация* производит эффект обезличивания субъекта власти, что может привести к пренебрежению запретом:

*Стоянка автотранспорта и торговля запрещена! Администрация;*

*Курить в туалете запрещено! Администрация;*

*Уважаемые жильцы! Идет ремонт кровли / Просим Вас машины у подъезда не ставить / Администрация.*

Очевидно, имеются и юридические причины обилия ссылок на администрацию: многие из запрещений, исходящие от администрации различных учреждений, не являются предметом деятельности законодателей на региональном и муниципальном уровнях [Астапенко 2004: 126].

Менее распространены словосочетания, уточняющие название организации, администрация которой имеется в виду (2,3%), и приблизительно эквивалентные немецким композитам с компонентом *-verwaltung*. Хотя такое уточнение не выполняет прямой информирующей функции, оно, как представляется, оказывает определенное воздействие на адресата, удерживая его от нарушения запрета.

*Уважаемые зрители! Убедительная просьба не входить в зрительный зал с выпечкой и посудой / Администрация к/т «Ижсталь»;*

*Стоянка машин около контейнеров запрещена / Штраф 1000 р. Администрация Первомайского района;*

*Распитие спиртных напитков запрещено в музее и во дворе дома / Администрация Булгаковского дома.*

Примеры, содержащие конкретизацию субъекта запрета, единичны:

*Вниманию студентов / Просьба около подъезда не курить / окурки и мусор не бросать / Жильцы дома;*

*На территории школы №100 запрещено: распитие спиртных напитков / выгул животных / хождение по газонам / Учителя и ученики школы №100;*

*Проезд запрещен! Берегите автомобили / Производятся окрасочные работы башины «Алтай» / ООО «Ремонтно-строительная фирма В и Ко.»*

Ссылка на официальное распоряжение (закон, приказ, правила) присутствует в 3,1% русских примеров. Для знаков данной подгруппы характерна высокая степень официальности, подчеркивающая дистанцированность субъекта запрета от адресата и выраженная в словосочетаниях официально-делового стиля: *согласно российскому законодательству, наложение [административного] штрафа [в сумме от...до...], предусмотрена административная ответственность, во исполнение приказа, взиматься, облагаться штрафными санкциями, привлекаться к мерам дисциплинарного характера, подвергаться административному взысканию, подлежать чему-л., вниманию кого-л.*

Как правило, ссылки на закон помещены либо в начале текста общественного знака (*На основании приказа; В соответствии с п. [...] Правил; Согласно приказу*), либо в конце текста в качестве подписи: *Приказ Министерства здравоохранения РФ № [...] от [...], Распоряжение ректора УдГУ, Утверждено приказом организации.*

Для русских знаков, указывающих на официальное предписание как на источник и субъект запрета, характерно точное и подробное указание дат и номеров распоряжений, законов и статей: *ст. 84 Закона об охране окружающей среды; Выписка из Правил пользования читальными залами РГБ раздел 3.3 пункт 10; Постановление президиума ВС и СМ УР 1992, 1994; Приказ ректора университета № 82501-05 от 28.02.1999; Приказ ректора № 2 от 8.01.01; Статья 925 ГК РФ; приказ Минздрава РФ № 199 от 22.06.1998; Постановление правительства УР № 895 от 13.09.1999 и т. д.* На наш взгляд, данные, относящиеся к закону, в первую очередь выполняют

в русских знаках функцию воздействия, то есть используются для внушения адресату уважения к власти и для придания запрету законной силы в восприятии адресата. Кроме того, подробное изложение сведений, относящихся к закону, может объясняться изменчивостью в сфере российского законодательства.

Как правило, подобные знаки отличаются значительным объемом:

*Уважаемые водители! В соответствии с п. 12.4 Правил дорожного движения Российской Федерации стоянка транспортных средств на остановках общественного транспорта запрещена. За данное нарушение, согласно части 4 ст.12.19 КоАП РФ, предусмотрена административная ответственность в виде предупреждения или штрафа в размере от 1 до 3 МРОТ;*

*Доводим до вашего сведения о вступлении в силу приказа № 301/01-05 от 30.05.05 г. «Об усилении мер, направленных на ограничение курения табака», запрещающего курение на территории Удмуртского государственного университета с привлечением нарушителей к дисциплинарной ответственности (студентов вплоть до отчисления).*

В запретах, обоснованных ссылками на официальные постановления, наиболее частотными объектами являются курение, парковка, несанкционированная торговля, продажа алкоголя и сигарет несовершеннолетним, вход в общественные помещения, свалка мусора.

Наряду с объявлениями, изготовленными кустарным способом, типа *Продажа алкогольных напитков и табачных изделий лицам до 18 лет запрещена!* – все большее распространение приобретает стандартизированная надпись *Мы не продаем спиртные напитки и табачные изделия лицам, не достигшим 18 лет / Это закон!* Имеется и вариант, где словосочетание *Это закон*, имеющее целью внушить новому поколению россиян уважение к закону, стоит на первом месте. Также данное клишированное объявление отражает современную тенденцию к проявлению личного отношения в общественных знаках (сочетание глагола с местоимением 1 л. мн. ч. *мы*).

Проведенный в данном разделе анализ подтвердил нашу гипотезу об ориентированности русской и сербской культур на адресата, партнера по коммуникации, о чем свидетельствует количественный анализ и разнообразие лексического оформления обращений. Конкретное указание на субъект власти в немецких общественных знаках отражает тенденцию к детализации, целью которой является четкое распределение ответственности за поддержание порядка, что, в свою очередь, иллюстрирует высокий уровень избегания неопределенности и ориентированность на субъекта волеизъявления. Изучение номинации субъекта позволило выявить ряд реалий, представляющих интерес в лингвокультурологическом плане.

### **2.3. Стилистические особенности общественных знаков**

С точки зрения стилистики общественные знаки относятся к речевому жанру объявлений, приказов, распоряжений и т. д. в рамках письменной разновидности официально-делового стиля [Брандес 1990: 113–114].

В данном разделе изучаются авторские общественные знаки, составляющие меньшинство по сравнению со стандартизированными стилистически нейтральными текстами данного типа, но представляющие значительный интерес в лингвокультурологическом плане. Возможно, использование эмоционально и стилистически окрашенных форм выражения запрета в русских общественных знаках связано с демократизацией языка, являющейся результатом демократизации общественной жизни в постсоветскую эпоху по сравнению с тоталитарно-административной системой [Вепрева 2002: 23, 152].

Основной функцией стилистических приемов (тропов и фигур речи), используемых в общественных знаках, является оптимизация воздействия на адресата запрета, зачастую достигаемая за счет «маскировки элемента принуждения» [Аринштейн 2001: 10] и сокращения дистанции между субъектом и адресатом. Как правило, стилистически окрашенные формы выражения приобретают распространенные запреты, нарушение которых не представляет опасности. На наш взгляд, изобретение нестандартных форм воздействия

на адресата запрета в исследуемых текстах обнаруживает черты ментальности и национального юмора.

Среди немецких стилистически окрашенных примеров запретов курения преобладают косвенные запреты, в которых важную роль играют невербальные изобразительно-выразительные средства – рисунки и логотипы. Приведенные ниже знаки сочетают в себе две функции: стилистическую, предназначенную вызвать позитивную реакцию адресата и тем самым компенсировать угрозу его «лицу», и базовую функцию запрета: *Nicht hier! Sonst ...* (Не здесь! Иначе ... Рисунок – собака в мишени; запрет выгула собак).

В ряде примеров воздействие на адресата достигается за счет эффекта неожиданности: вместо прямого запрета курения к адресату обращено разрешение с исключением:

[картинка – сказочное животное с сигаретой] *Überall, doch nicht hier!* (Где угодно, только не здесь!);

[логотип – перечеркнутая сигарета] *Wenn doch, dann bitte am hinteren Südeingang* (Если все же, тогда, пожалуйста, у заднего южного входа);

*Essen und Trinken? Rauchen? Hunde? Nichts dagegen, nur bitte nicht im Laden. Danke* (Еда и питье? Курение? Собаки? Ничего [не имеем] против, только, пожалуйста, не в магазине. Спасибо).

Вежливые имплицитные запреты курения, часто начинающиеся с выражения благодарности, встречаются в кафе и ресторанах: *Danke fürs Nichtrauchen! Denken Sie an Ihre Gesundheit und an die Gesundheit Ihrer Mitmenschen* (Спасибо за воздержание от курения! Подумайте о своем здоровье и о здоровье окружающих). Субъект запрета проявляет заинтересованность в адресате; в свою очередь адресат, если он следует указаниям, проявляет себя как тактичный человек и сторонник здорового образа жизни.

Несколько более императивен следующий пример: *Rauchen Sie bitte hier nicht! Die Nichtraucher danken Ihnen dafür* (Не курите здесь, пожалуйста! Некурящие Вам за это благодарны).

Знак *No Smoking, please* в Геттингенском университете ориентирован на студентов разных национальностей, владеющих английским языком, а также призван внести разнообразие в немецкоязычные запреты. Этой же цели служит англоязычный запрет курения в следующей надписи: *Liebe Gäste! Seit dem 1. 10.2006 gilt No Smoking in allen Mensen und Cafeterien, sowie im Foyer und den Verkehrswegen. Vielen Dank für Ihr Verständnis. Ihr Studentenwerk* (Дорогие посетители (букв.: гости)! С 1 октября 2006 года *No Smoking* действует во всех столовых и кафетериях, а также в фойе и в проходах. Большое спасибо за Ваше понимание. Ваше Студенческое управление).

В знаке, имплицитно запрещающем сорить на крыльце учебного корпуса, совмещаются разнообразные стратегии воздействия: благодарность, любезное обращение, выражение уверенности в лояльности адресатов; кроме того, субъект запрета, признаваясь, что он сам курит, ставит себя на один статусный уровень с адресатами запрета: *Danke, liebe Raucher, dass Ihr alle wisst, wo der Aschenbecher sich befindet! Der (ironisch, selbst rauchende) Hausmeister* (Спасибо, дорогие курильщики, что вы все знаете, где находится урна! Комендант (по иронии судьбы, сам курящий)).

Ряд стилистически окрашенных знаков имеет характер сентенций:

*Nichtraucher verstehen sich sehr gut mit Rauchern – solange diese woanders rauchen!* (Некурящие без проблем достигают взаимопонимания с курящими – пока те курят где-нибудь в другом месте!);

*Rauchen gefährdet die Gesundheit* (Курение опасно для здоровья).

В одном из знаков имеет место актуализация двух значений полисемантического слова *rauchen*. Кроме основного значения «курить», в сочетании с существительным *Kopf* (голова) глагол *rauchen* приобретает значение «дымиться от напряжения». Высказывание, содержащее данный фразеологизм, указывает на напряженную умственную работу и недопустимость курения в стенах университета:

[изображение – три гипсовых скульптуры-головы] *Bei uns rauchen nur Köpfe / In den Gebäuden der Universität Göttingen ist das Rauchen nicht*

*gestattet! Raucherzonen sind ausgewiesen!* (У нас дымятся только головы / В зданиях Геттингенского университета курение не позволено! Зоны для курения указаны).

В некоторых примерах воздействие на адресата строится на наименовании потенциального нарушителя запрета, имеющем негативную коннотацию либо уничижительное значение:

*Hier rauchen nur Brandstifter* (Здесь курят только поджигатели);

*Das (Dies) ist der Garagentor / Nur ein Trottel parkt (steht) davor* (Это ворота гаража / только дурак паркуется (стоит) перед ними).

Эпизодически в стилистически окрашенных знаках используется рифма: *Man soll den Rasen nicht verzieren / Mit Käse- und mit Wurstpapieren!* (Не нужно украшать лужайку обертками от сыра и колбасы!) В употреблении слова *verzieren* (украшать) использован прием энантиосемии;

*Stop! Greenpeace Wuppertal Keine Werbung! Papier sparen – Wald bewahren* (Стоп! Отделение «Гринпис» г. Вупперталь. Никакой рекламы! Сэкономить бумагу – сохранить леса).

Единична угроза ущерба имуществу в качестве обоснования запрета: *Wer hier parkt... fährt auf Felgen weiter* (У того, кто здесь паркуется, снимут шины).

Как проявление прямоты немецкого стиля коммуникации можно рассматривать надписи, которые с использованием перифразы обозначают место выгула собак *Hundeklo* (собачий туалет), а также метафору *Tretminen* (противопехотные мины), обозначающую собачьи экскременты:

*Bitte Weg und Spielbereiche nicht als Hundeklo benutzen* (Просьба не использовать дорогу и место для игр как собачий туалет);

*Hier kein Hundeklo* (Здесь не собачий туалет);

*Bitte Wege und Wiesen nicht als Hundeklo benutzen / Eine Hundewiese befindet sich an der Galsowstraße / Stadt Göttingen / Der Oberbürgermeister* (Пожалуйста, не использовать дороги и лужайки как собачий туалет /

Ближайшее место выгула (букв.: собачья лужайка) находится на улице Гальзовштрассе / город Геттинген / Обер-бургомистр);

*Bitte keine Tretminen* (Пожалуйста, никаких противопехотных мин).

Примеры прямой номинации понятий, связанных с отправлением естественных надобностей, имеются и в следующих юмористических знаках:

*Bitte werfen Sie Ihre Zigaretten nicht in die Toilette / Wir pinkeln ja auch nicht in Ihre Aschenbecher* (Пожалуйста, не бросайте Ваши сигареты в унитаз / Мы же не писаем в Ваши пепельницы);

*Dies ist ein Sitzbecken / kein Spritzbecken* (Это унитаз для сидения, а не для брызганья).

Частотным стилистическим приемом в немецких общественных знаках является олицетворение, где высказывание осуществляется от лица животного, как правило, собаки. В приведенных примерах, часто снабженных рисунками и логотипами, животное является формальным субъектом действия, обозначаемым личными местоимениями «я» или «мы».

Ряд знаков выражает имплицитный запрет входа в помещение с собаками:

*Wir bleiben draußen* (Мы остаемся снаружи);

*Wir warten draußen!* (Мы ждем снаружи!);

*Wir müssen [leider] draussen bleiben* (Мы должны [к сожалению] оставаться снаружи);

*Ich muss [leider] draußen warten* (Я должен [к сожалению] ждать снаружи).

Также пример олицетворения представляет собой сопровождаемое рисунком обращение к посетителям парка от имени живущих там уток, имплицитно запрещающее сорить на территории парка: *Wir wohnen hier, bitte haltet unser Wohnraum sauber!* (Мы живем здесь, пожалуйста, содержите наше место жительства в чистоте!). Данный знак иллюстрирует общественное движение в защиту прав животных, которое является частью

движения по охране окружающей среды, широко распространенного на Западе, и эффективно апеллирует к сознательности немецких граждан.

Использование олицетворения неодушевленных предметов представляется нам вторичным по отношению к приему олицетворения животных и объясняется популярностью последнего. В некоторых знаках данный прием используется с целью запретить студентам вход в учебные помещения в верхней одежде, с сумками и другими вещами:

*Wir müssen [leider] draussen bleiben* (Мы должны [к сожалению] оставаться снаружи). Данная надпись сопровождается перечеркнутым изображением предметов, обозначенных личным местоимением «мы» (сигареты, еда, верхняя одежда, мобильный телефон), которые не разрешается вносить в помещение библиотеки;

*Jacken / Mäntel / Taschen / Rucksäcke haben hier keinen Zutritt und müssen vor der Tür bleiben – auch wenn Sie zum Kopierer gehen!* (Нет входа курткам / пальто / сумкам / рюкзакам и они должны оставаться снаружи – даже когда Вы идете к копировальному аппарату).

Устойчивое выражение «быть в хорошей форме», обычно используемое по отношению к людям или животным, в следующей надписи применяется к автостоянке: *Aktion abfallfreier Parkplatz / Der Platz bleibt fit / Der Müll fährt mit* (Акция «Чистая (букв.: свободная от мусора) автостоянка» / Стоянка остается чистой (букв.: в хорошей форме) / Мусор увозится с собой).

В нижеприведенном авторском знаке категоричность запрета, выражаемого при помощи *nicht dürfen*, смягчается вежливым, политкорректным обращением с использованием номинации «граждане», крайне необычной для немецких текстов данного типа. Усилительные частицы *noch, nicht einmal*, характерные для разговорной речи, придают высказыванию неформальное, доброжелательное звучание: *Liebe Bürgerinnen! Liebe Bürger! An dieser Stelle dürfen Sie über das Abladen von Gartenabfällen und Müll noch nicht einmal nachdenken!* (Дорогие гражданки! Дорогие граждане! На этом месте

Вы даже и подумать не можете о складировании садовых отходов и мусора!).

В данном и в двух последующих примерах юмористический эффект создает гиперболизированная категоричность (запрещается не только совершать действие, но и думать о нем):

*Denken Sie nicht mal daran, hier zu rauchen!* (Даже и не думайте здесь курить!);

*Haben Sie daran gedacht, Ihr Mobiltelefon auszuschalten?* (Вы подумали о том, чтобы выключить свой мобильный телефон?).

Для немецких стилистически окрашенных общественных знаков характерна тенденция к номинации места действия запрета и эксплицитному указанию его неверной функции в сочетании с маркером отрицания. С точки зрения стилистики данные примеры содержат антитезу (противопоставление), продиктованную стремлением обеспечить максимальную ясность запрета:

*Die Kiessee ist kein Brotcontainer!* (Озеро Кисзее – не контейнер для хлеба!) – знак, запрещающий кормить водоплавающих птиц;

*Dieser Bereich ist kein Fahrradabstellplatz* (Эта территория – не стоянка для велосипедов);

*Garagenhof / Kein Spielplatz! Wohnungsgenossenschaft* (Двор гаража / не игровая площадка! Жилищное товарищество);

*Achtung! Dies ist ein Papier-Sammelbehälter und kein Mülleimer!* (Внимание! Это корзина для использованной бумаги, а не мусорное ведро!);

*Gebrauchte Papiertaschentücher gehören in den bereitstehenden Kunststoffsack und nicht in die Toilette / Verstopfungsgefahr!* (Использованные бумажные носовые платочки бросать (букв.: относятся) в имеющийся пластиковый мешок, а не в туалет / Опасность засорения!). Последние два примера отражают специфику сортировки отходов в Германии.

Некоторые формулировки с точки зрения носителя русской культуры можно истолковать как избыточные (содержащие тавтологию):

*Spiele verboten / Kein Kinderspielplatz / Eltern haften für ihre Kinder* (Играть запрещено / это не детская игровая площадка / родители несут ответственность за своих детей);

*Privatgarage / kein öffentliches Parkhaus* (Частный гараж / это не общественное здание для парковки);

*Sperrbereich / Kein Zutritt* (Запретная зона / нет входа).

Наличие данной подгруппы общественных знаков объясняется высоким уровнем избегания неопределенности в немецкой культуре.

В единичных случаях с целью детализации используется параллелизм синтаксических конструкций:

*Ruhe-Arbeitsplätze / Keine Gruppenarbeit / Keine Notebooks / Keine Handys* (Рабочие места, где нельзя шуметь / Никакой групповой работы / никаких ноутбуков / никаких мобильных телефонов);

*Bitte keine Werbung / Bitte keinen «Blick» / Bitte keine «Extra-Tipps»* (Пожалуйста, никакой рекламы / Пожалуйста, никакого «Блик» / Пожалуйста, никаких «Экстра-Типс»).

В следующем примере использована ирония:

*Bitte Ruhe! Aus Respekt gegenüber denjenigen, die in den anliegenden Büros arbeiten, bitte keine Unterhaltungen auf der Feuertreppe während der Raucherpausen. In Gegensatz zu Euch können wir nicht ausweichen. Vielen Dank* (Просьба не шуметь! Из уважения к тем, кто работает в близлежащих кабинетах, пожалуйста, никаких разговоров на пожарной лестнице во время перекуров. В отличие от вас, мы не можем сбежать. Большое спасибо).

В последнее время все большее распространение получают общественные знаки как юмористический жанр. Такие знаки, первичной функцией которых является развлекательная, имеют в Германии шутовское наименование *verbotene Schilder* (запретные знаки), что является перефразировкой понятия *Verbotsschilder* (запретительные знаки). Они имеются в продаже в виде открыток или декоративных табличек. К примеру, надпись *Schuld abladen verboten!* (букв.: вину сгружать запрещено) является аллюзией на

распространенное клише *Schutt abladen verboten* (Мусор сгружать запрещено), здесь имеет место игра созвучных слов *Schuld* (вина) и *Schutt* (мусор). В пригласительной открытке, стилизованной под запретительную табличку, юмористический эффект достигается повышенной категоричностью: *Einladung / Absagen verboten* (Приглашение / Отказываться запрещено). Одна из подобных открыток содержит фотографию птицы с рыбкой в клюве, сидящей на столбике, на котором укреплен табличка *Fischen verboten* (Рыбачить запрещено).

Имеются таблички с высказываниями от имени детей, которые, по свидетельству немецких информантов, используются в сфере детской игры:

*Das Betreten dieses Zimmers ist nur mit freundlichem Gesicht gestattet / Böse Gesichter erschrecken mein Teddy* (Вход в эту комнату разрешен только с дружелюбным выражением лица / Сердитые лица пугают моего плюшевого мишку) – аллюзия на знак *Das Betreten dieser Anlage ist nur befugten Personen gestattet* (Вход на территорию разрешен только уполномоченным лицам);

*Eltern müssen leider draußen bleiben* (Родители должны, к сожалению, оставаться снаружи) – аллюзия на *Hunde müssen leider draußen bleiben* (Собаки должны, к сожалению, оставаться снаружи). Показательно, что дети посредством данных объявлений охраняют от нежелательного влияния свое частное пространство.

В русских стилистически окрашенных общественных знаках весьма часто употребляется конструкция с обращением на «ты» к обобщенному адресату и одновременно к каждому конкретному индивиду. Подобное обращение считается нормой и активно используется в современном языко-творчестве в различных контекстах.

Некоторые примеры содержат обращение на «ты» в традициях советских агитационных плакатов, к примеру, надпись *Не болтай!* на соответствующем плакате в библиотеке представляет собой эквивалент стилистически нейтрального *Соблюдайте тишину*.

Следующие примеры, содержащие прямое неформальное обращение к адресату, носят несколько фамильярный характер и могут быть интерпретированы как вмешательство в личную сферу индивида. Однако в русской коллективистической культуре они воспринимаются позитивно:

*Не бросай мусор!*

*Выпил – за руль не садись!*

*Бросай курить, давай работать!*

*Не кури – не дома / дома тоже не кури*

*В туалете не курить! / Р. С. На улице потеплело, курите там!*

*Думай об окружающих!* (рисунок: несколько курящих в облаке табачного дыма).

Представляет интерес сочетание русской стратегии (дружески-фамильярное обращение) с западной (благодарность за еще не совершенное действие) в примере: *Человек хороший! / Спасибо, что не хлопаешь дверью!*

Фотография надписи *Машины не ставить / Штраф лопатой по стеклу* на воротах гаража была опубликована в одном из номеров газеты «Моя семья». Знак с аналогичным значением размещен перед выездными воротами гаражного кооператива, где для подтверждения вескости угрозы на подпорках укреплен лопата. В данном примере наблюдается сочетание противоположных стратегий воздействия – просьбы и угрозы: *Убедительная просьба! Не ставьте машины. Штраф лопатой по стеклу.*

Вероятно, метафорическое употребление слова *штраф* стало возможным потому, что в России штраф является самой распространенной санкцией за нарушение административного запрета, которая, кроме того, часто эксплицитно указывается в общественных знаках.

Эпизодически с целью привлечения внимания адресата применяется риторический вопрос:

*Внимание! Хочешь парик? Спроси у продавца. Не надо трогать руками;*

*У нас идет репетиция! Подумайте, вправе ли вы нарушить творческий процесс?*

*Хочешь жить? Не отвлекай водителя.*

В последнем юмористическом примере, возможно, также применяется аллюзия на поговорку «Хочешь жить – умей вертеться».

Ряд надписей представляет собой аллюзии на стилистически нейтральные общественные знаки. Надпись *Без денег не входить!* вызывает в памяти адресата широко распространенное в советскую эпоху клише *Без стука не входить*. Знак *Не стой над душой!*, запрещающий стоять у двери кабины водителя в общественном транспорте, создан на основе фразеологизма *стоять над душой* и по структуре аналогичен производственной надписи *Не стой под стрелой*. Надпись *Водителя руками не трогать*, первичной функцией которой является юмористическая, представляет собой аллюзию на многочисленные знаки с использованием клише *руками не трогать*.

В одном из примеров слово *окурить* (обдать дымом при сжигании, курении [ОШ]) употреблено в ситуативном значении «обдавать табачным дымом», имеющем негативную коннотацию: *Просим не окуривать нас. Пожалуйста, отойдите от окон как можно дальше*.

Примеры олицетворения представляют собой таблички, запрещающие трогать либо повреждать комнатные растения: *Я живой: не трогайте меня, пожалуйста* [цит. по: Тер-Минасова 2004: 344]; *Не ломайте, мне больно!*

В общественных знаках на территории лесного хозяйства, содержащих запрет разводить костры, обыгрывается метафора «красный петух» (огонь): *В лес не пусти того петуха, который зовется красным!*

Нами было выявлено несколько рифмованных знаков. Надпись, предупреждающая об опасности лесного пожара, является стандартизированной:

*Пожар не пощадит ни зайца, ни лису.*

*Не позволяйте детям играть с огнем в лесу!*

*Папы и мамы! Лесные пожары опустошительны.*

*Шутки с огнем пресекайте решительно!*

Рифмовка с использованием клише «не курить / не сорить» является продуктом индивидуального творчества водителя рейсового автобуса:

*Если долго говорить, чтоб дошло однажды,  
Не сорить и не курить у нас может каждый.  
Подметать придется мне, это для порядка.  
Ну и ездите в дерьме, если вам так сладко.*

Рифмованное клише «не курить / не сорить» и его перефразированные варианты широко употребляются в русских общественных знаках:

*Не курить / не сорить / уважайте труд уборщиц;  
Убедительная просьба / Не курить / не сорить на крыльце;  
Курить и сорить на крыльце клуба запрещено! Администрация;  
Экономь электроэнергию / Не курить! не сорить!  
В пиццерии запрещено курить, сорить, распивать спиртные напитки.*

В следующем примере типично русской особенностью нам представляется апелляция к нравственности, сформулированная как призыв к воздержанию от нарушения запрета из жалости: *Уважаемые жильцы! Большая просьба не выносить бытовой мусор к дверям мусоропроводов. Пожалейте дворников.*

В знаках, представляющих собой перифразы клише «в верхней одежде не входить», применяются разнообразные стратегии воздействия на адресата. Наиболее частотны императивные призывы типа *покажите уважение к сотрудникам* и цитирование частотных реплик адресатов данного запрета: *на минуточку, только спросить* и т. д.:

*С посетителями, зашедшими на кафедру по учебным вопросам в верхней одежде, разговор не состоится. Уважайте сотрудников кафедры – и они будут внимательны к вам;*

*Господа посетители! Проявите уважение к сотрудникам кафедры – оставьте верхнюю одежду в гардеробе!*

*В верхней одежде не входить (даже «только спросить»);*

*Студенты! Заходить на кафедру по любому вопросу, даже только «на минуточку», в верхней одежде настоятельно не рекомендуется!*

Имеются примеры сентенционального характера: *Чисто не там, где не метут, а там, где не сорят; Культурный человек руками не трогает.*

Необходимо отметить, что некоторые стилистически окрашенные знаки в русском языке представляют собой своеобразные антизапреты, имеющие целью вызвать у адресата реакцию противодействия либо реакцию «я не такой!». К ним можно отнести следующие надписи:

*Уважаемые дамы и господа! Мы не можем запретить Вам губить Ваше здоровье, но убедительно просим не кидать окурки возле крыльца! Для этого существует урна!* В данном объявлении присутствуют запрет разбрасывания окурков и предупреждение о вреде курения. Эксплицитный отказ субъекта от волеизъявлений, ограничивающих курение, сочетается с перефразированным обозначением данного действия как опасного для адресата. Представляется, что сочетание данных стратегий может побудить адресата не только соблюдать чистоту, но и задуматься о своем здоровье;

*Если ты свинья, продолжай мусорить прямо под окна людям, живущим в этом доме.* Нарочито грубое обозначение потенциального нарушителя зоонимом «свинья», имеющим в русской культуре отрицательную коннотацию, рассчитано на нежелание адресата идентифицировать себя со свиньей. Кроме того, заданная адресату программа действий, противоположных нормам и здравому смыслу, предназначена для того, чтобы побудить его удержаться от этих действий.

В следующих примерах имеют место эмоционально окрашенные уничижительные наименования потенциальных нарушителей запрета, рассчитанные на аналогичную реакцию адресата:

*Козлам вход запрещен / После 23.00 просьба не беспокоить* (студенческое общежитие);

*По газонам ходят только козлы* (вариант: *ослы*).

В настоящее время в России, как и на Западе, налажено производство табличек-наклеек с предписаниями и запретами, первичная функция которых – юмористическая:

*За разменной монетой к водителю не обращайтесь! Размножайтесь между собой!* Здесь актуализированы два смысла глагола «размножаться» – общеизвестный и ситуативный (разменивать деньги);

*Дверью не хлопать, а то вывалится стекло и будет холодно* (шутливая угроза, построенная на гиперболе);

*Хлопнешь дверью – станешь льготником* (рисунок – костыли; «льготник» имеет в данном контексте значение «инвалид»);

*Дверью не хлопать, а закрывать!*

Наречие [МАС], или модальное слово [Астапенко 2004: 83] *нельзя* является базовой лексемой для обозначения запрета в русской разговорной речи, но, как показало наше исследование, крайне редко употребляется в общественных знаках. Большинство выявленных нами примеров с лексемой *нельзя* являются стилизацией под разговорную речь. Данная лексема сообщает высказываниям дружественный тон, уменьшая дистанцию между субъектом и адресатом запрета:

*Сюда входить нельзя!* (знак в зоопарке, заменяющий «не входить»);

*Отдыхающим нельзя приводняться ногами вперед* (объявление в аквапарке) – юмористическое переосмысление глагола *приводняться*;

*Котам нельзя! С котами нельзя! / Уважаемые посетители Булгаковского дома! Пожалуйста, не выпускайте кота в эту дверь* (музей-квартира М.А. Булгакова). В последнем примере реплики с «нельзя» представляют собой известную цитату из романа «Мастер и Маргарита».

Универсальными стилистическими приемами в исследованных общественных знаках являются: метафора игра слов, риторические вопросы, рифма. Лингвокультурная специфика выражения запрета в стилистически окрашенных немецких и англоязычных знаках проявляется в частотности олицетворения, отражающего эмоциональное отношение к домашним животным, в частности к собакам; в эксплицитном обозначении понятий, связанных с отправлением естественных надобностей; в использовании антитезы

с целью избегания неопределенности; в сочетании стилистических приемов с маркерами вежливости.

Лингвокультурная специфика выражения запрета в стилистически окрашенных русских знаках проявляется в подчеркнутой императивности поучающего характера; в меньшей задействованности маркеров вежливости; в частотности аллюзий на общеизвестные, стилистически нейтральные знаки.

В немецком материале наиболее частотны стилистические вариации в знаках, запрещающих курение, регулирующие утилизацию отходов, вход в помещения с собаками, а также их выгул. В русском материале обращает на себя внимание значительное количество стилистически окрашенных знаков, запрещающих сорить, трогать предметы руками, хлопать дверями, входить в верхней одежде, что говорит о распространенности данных запретов и их нарушений в России.

Для немецкого материала в целом характерна большая клишированность стилистически окрашенных примеров и большая частотность рифмовок. Для русских стилистически окрашенных знаков характерно частотное использование таких явлений: фамильярное обращение на «ты» поучающего характера к адресату; морально-этические обоснования запретов, отражающие коллективизм и ориентированность на межличностные отношения в русской культуре; стратегия воздействия на адресата посредством «антизапрета».

В большинстве исследованных немецких знаков стилистические приемы имеют целью завуалировать запрет (вербальная экспликация запрещения или объекта запрета зачастую отсутствует); большинство русских стилистически окрашенных знаков представляют собой эксплицитные запрещающие волеизъявления и прямые обращения, граничащие с фамильярностью, но воспринимаемые адресатом позитивно. Данные стратегии характерны соответственно для индивидуалистических и коллективистических культур.

## **2.4. Культурно обусловленные особенности общественных знаков**

Культура – это совокупность всех форм деятельности субъекта в мире, основанная на системе установок и предписаний, ценностей и норм, образцов и идеалов, это свод «правил игры» коллективного существования, набор способов социальной практики, хранимых в социальной памяти коллектива, которые выработаны людьми для социально значимых практических интеллектуальных действий [Маслова 2007].

Одним из возможных определений культурных норм является определение их как правил, эталонов, предписаний, инструкций и рамок, выход за которые не позволен, так как это будет нарушением правил данной культуры и вызовет отрицательную реакцию данного культурного сообщества. Необходимо отметить, что нормативные правила, от ветхозаветных заповедей до информативно-регулирующих указателей, обычно имеют форму запретов (не убий, не укради, не курить, по газонам не ходить); именно система запретов составляет основу и нормы, и культуры [Тер-Минасова 2007: 25]. Культуру можно понимать как систему разрешений и запретов [Астапенко 2004: 88], так как ни одна культура, ни один социум не может обойтись без ограничений, налагаемых на что-либо в форме устных и письменных вербальных актов запрещения [Там же: 14].

Рабочей гипотезой настоящего раздела является предположение о том, что изучаемые нами тексты отражают неотделимые друг от друга особенности духовной и материальной культуры отдельных национально-культурных общностей, систему ценностей и особенности менталитета народа.

Ситуативный подход к изучению языковой репрезентации концепта «запрет» в общественных знаках позволил выявить: а) сферы общественной жизни либо материальной культуры, в которых общественные знаки, содержащие запреты, используются лишь в одной из изучаемых культур и отсутствуют либо незначительно представлены в других культурах; б) сферы жизни общества, в которых посредством общественных знаков закреплены сход-

ные запреты, обладающие ярко выраженной культурно обусловленной спецификой.

**Общественные знаки, имеющие отношение к детям**, образуют особую тематическую группу в немецком корпусе материала. В культурах с высоким уровнем избегания неопределенности, к которым относится Германия, принятая в обществе система правил и норм распространяется и на детей [Hofstede G. 2006: 242]. Обращенность значительного числа общественных знаков к детям отмечается иностранцами как характерная особенность немецкой жизни. Нами было выявлено два вида запретительных знаков, предназначенных для детей: объемные инструкции по пользованию игровыми площадками и краткие надписи, запрещающие детям играть вблизи гаражей и жилых домов. Целью размещения данных знаков является предотвращение несчастных случаев и обеспечение тишины.

Большинство запретов данной группы выражены структурой с причастием *verboten*, обозначающей категоричное волеизъявление, в котором подразумевается наличие иерархии и дистанции между субъектом и адресатом, объясняемое различием в их возрасте и социальном статусе.

*Achtung! Garagenausfahrt! Spielen verboten! / Der Eigentümer* (Внимание! Выезд из гаража! Играть запрещено! / Владелец [дома]);

*Spielen und Lärmen vor den Hauseingängen sowie Betreten der Rasenflächen ist nicht erlaubt / Eltern haften für ihre Kinder / Der Eigentümer* (Играть и шуметь около подъездов, а также ходить по газонам не разрешено / Родители отвечают за своих детей / Владелец [дома]);

*Garagenhof / Kein Spielplatz! Wohnungsgenossenschaft Göttingen* (Двор гаража / [Это] не игровая площадка! Жилищный кооператив Геттингена).

Монохронные культуры, к числу которых принадлежит Германия, отличаются разработанность норм поведения, связанных с пунктуальностью и, в частности, четкая регламентация пауз и перерывов в работе [Зубкова 2007: 156–157]. Время игры, время отдыха, виды игр и возраст детей в надписях на игровых площадках детализированы до мелочей. Временные промежутки,

обозначенные в текстах предписаний, могут служить источниками страноведческой информации о распорядке дня в Германии. Так, согласно нижеприведенному примеру, ночной отдых (*Nachtruhe*) длится от 20–22.00 до 7–8.00 часов. Также в Германии установлено время для полуденного отдыха (*Mittagsruhe*) от 13.00 до 14–15.00 часов, когда не принято шуметь (например, стричь лужайки перед домом, играть в шумные игры), чтобы не беспокоить соседей. Шуметь запрещается также в выходные и праздничные дни. Таким образом гарантируется право граждан на отдых в свободное от работы время. Рассмотрим пример:

*Kinderspielplatz / Alle Kinder bis zu 14 Jahren haben sich so zu verhalten, dass die Anwohner nicht mehr als nach den Umständen unvermeidbar, durch Geräusche belästigt werden. Es sind folgende Ruhezeiten zu beachten: A. Sonn- und Feiertage (Sonntagsruhe) B. An Werktagen von 13.00 bis 15.00 Uhr / 19.00 bis 22.00 Uhr / 22.00 bis 7.00 Uhr Der Grundstückseigentümer* (Детская игровая площадка / Все дети до 14 лет должны вести себя так, чтобы жильцы прилегающих домов не были обеспокоены шумом, кроме неизбежного в данных обстоятельствах. Необходимо учитывать следующие периоды отдыха (*Ruhe* – букв.: тишина, покой): А. Воскресенья и праздничные дни (букв.: воскресный отдых / покой). Б. В рабочие дни – 13.00–15.00, 19.00–22.00 и 22.00–7.00 часов / Владелец земельного участка).

В изучаемых общественных знаках подчеркивается необходимость соблюдения чистоты и порядка на площадках, бережного отношения к размещенным на них игровым снарядам (обращение к детям), а также указывается на возрастные ограничения для детей, пользующихся игровой площадкой, и запрет на пользование ею в темное время суток. Основной целью подробных описаний и детализации представляется обеспечение безопасности адресата при пользовании игровой площадкой, а также распределение ответственности за возможные негативные последствия нарушения запрета. Нельзя не отметить, что подобные объявления имеют воспита-

тельный эффект, так как под их влиянием дети с раннего возраста приучаются соблюдать правила и нормы поведения в общественных местах.

*Spielplatz nur für Kinder unter 14 Jahren / Haltet den Platz sauber und schon die Geräte! Für Unfälle u. Schäden kann keine Haftung übernommen werden, die Benutzung geschieht daher auf eigene Gefahr. Während der Dunkelheit ist die Benutzung der Anlage untersagt. Kein Zutritt mit Hunden!* (Игровая площадка только для детей до 14 лет / Содержите площадку в чистоте и бережно относитесь к игровым снарядам! Ответственность за несчастные случаи и [телесные] повреждения не предусмотрена, поэтому пользование под личную ответственность. В темное время суток пользование игровой площадкой воспрещено. С собаками не входить!);

*Kindern ist der Aufenthalt auf dem Garagenvorplatz verboten / Eltern haften für ihre Kinder* (Детям пребывание на площадке перед гаражом запрещено / Родители отвечают за своих детей).

Необходимо отметить высокую степень детализации в вопросе распределения ответственности за несоблюдение правил пользования игровыми площадками. Показательно, что данные значения выражены клишированными фразами (*auf eigene Gefahr, Eltern haften für ihre Kinder, unter Verantwortung und Haftung der Eltern*). Это говорит о высокой значимости распределения ответственности, необходимого для поддержания порядка (*Ordnung*), который является ключевым концептом немецкой культуры. В ряде примеров имеется и указание на собственную ответственность детей за возможные негативные последствия нарушения:

*Spielplatz für Kinder unter 12 Jahren / Benutzung nur mit Zustimmung der Erziehungsberechtigten und auf eigene Gefahr. Nicht gestattet: (Piktogramme)* (Игровая площадка для детей до 12 лет / Пользование только с разрешения (букв.) уполномоченных на воспитание [детей] и на собственный риск / Не разрешено: (логотипы);

*Spielplatz für Kinder und Jugendliche ab 10 Jahre / Spielzeiten täglich: 08-13.00 Uhr, 14.30–20.00 Uhr / Benutzung unter Verantwortung und Haftung der*

*Eltern! Radfahren und Fussballspielen untersagt! Hunde fernhalten!* (Игровая площадка для детей и подростков от 10 лет / Время для игры ежедневно: 08–13.00, 14.30–20.00 часов / Пользование под ответственность и поручительство родителей! Кататься на велосипеде и играть в футбол воспрещено! Собак [на территорию] не пускать!).

Факт обращения запретов к детям в немецкой культуре, как и распространенность запретительных и регулирующих знаков в целом, имеет своим последствием приучение детей с раннего возраста к необходимости соблюдения порядка, культурных норм и, в частности, к следованию письменным инструкциям. Большое значение в немецкой культуре придается распределению ответственности за нарушение запретов.

Концепт «запрет» неотделим от лингвокультурного концепта **«собственность»**. В немецкой культуре исключительное значение придается частной собственности, что предполагает четкое определение границ между своим и чужим, частным и общественным [Heringer 2004: 190–191]; частное пространство для немцев – нечто священное [Bausinger 2005: 48]. Территориальное поведение, дистанцированность и построение различных моделей пространства выступают как способы обеспечения приватности, включаясь в данное понятие как конкретные механизмы для достижения цели – необходимого каждому человеку баланса личных и общественных интересов [Прохвачева 2007: 142]. Одним из видов территориального поведения, как представляется, является охрана частной собственности посредством общественных знаков. В исследуемых знаках значение запрета выражено эксплицитно (лексемами *verboten*, *nicht gestattet* и т. д.), либо в имплицитной форме содержится в указаниях на частную собственность (лексема *Privat*, композиты с компонентом *Privat*: *Privatgelände* (частная территория), *Privatbesitz* (частная собственность), *Privatgrundstück* (частное земельное владение), *Privatweg* (частная дорога), *Privatparkplatz* (частная автостоянка), *Privatgarage* (частный гараж).

В Германии прилегающая к зданию предприятия или фирмы территория имеет статус частной собственности, и на ограде или у входа многих немецких предприятий имеется табличка с надписью, эксплицитно обозначающей территорию как частное владение. К примеру, статус частной собственности университета может иметь территория университетского городка, поэтому управленческие структуры университета имеют право устанавливать правила поведения и запреты на данной территории:

*Universitätscampus / Privatgrundstück der Universität Lüneburg / Es gilt die StvO / Das Parken ist nur auf den angewiesenen Parkplätzen erlaubt / Widerrechtlich abgestellte Kraftfahrzeuge werden kostenpflichtig abgeschleppt / Im Winter findet ein eingeschränkter Winterdienst statt, das Betreten der vereisten Wasserflächen ist strengstens verboten / Bitte schonen Sie die Grünanlagen* (Университетский городок / Частная территория Люнебургского университета / Здесь действуют ПДД / парковка разрешена только на указанных стоянках / Противоправно припаркованные автомобили будут отбуксированы за счет владельца / Зимой в ограниченном объеме ведутся снегоочистительные работы / Хожение по льду замерзших водоемов строгойше запрещено / Просьба беречь зеленые насаждения).

В Германии собственностью владельца частного дома с участком земли является пешеходная дорожка, ведущая через участок к входной двери либо проходящая между двумя частными территориями. Данную особенность отражают общественные знаки с компонентом *Privatweg*, цель которых – оградить частные владения от нежелательного вторжения.

*Privatweg / Durchgang nur für Stiftsbewohner / Radfahren verboten!* (Частная дорога! Проход только для членов жилищного кооператива / Ездить на велосипедах запрещено!).

Реалия *Privatweg* буквально переводится на русский язык как «частная дорога». Однако для носителей русской культуры такое сочетание слов непривычно и чуждо. На уровне материальной культуры для большинства российских горожан частный дом с участком земли и ведущей к двери

дорожкой является довольно редкой формой жилья; кроме того, дорога в русской культуре воспринимается как нечто всеобщее и не принадлежащее никому в отдельности, что исключает возможность «приватизации».

Весьма информативным в страноведческом плане является следующий пример: *Privatweg / Durchgang nicht gestattet / Anlieger frei / Kein Winterdienst durch den Eigentümer* (Частная дорога / Проход не позволен, кроме как владельцам прилегающих участков / Владелец не производит снегоочистительных работ).

Как правило, очистку улиц и тротуаров города от снега и льда осуществляют муниципальные службы. Частные или полуприватные дороги не находятся в ведомстве муниципалитета. Владелец близлежащего дома вправе установить на такой дороге знак *Kein Winterdienst durch den Eigentümer*, освобождающий его от обязанности очистки территории и, следовательно, от ответственности за возможные несчастные случаи.

В немецком языке имеется специальная лексема для обозначения «владельца прилегающего участка, соседа» [НРС] – *Anlieger*, не имеющая эквивалента в русском языке. Из общественных знаков можно почерпнуть информацию о том, что *Anlieger* имеют право пользования прилегающей к их дому частной территорией, дорогой и(ли) автостоянкой:

*Privatgrundstück. Zutritt nur für Anlieger. Das Befahren mit Mopeds und Fahrrädern ist nicht gestattet* (Частное владение. Вход только для владельцев прилегающих участков. Въезд на мопедах и велосипедах не позволен).

По свидетельству немецких информантов, употребление в данном контексте лексемы *verboten* (в отличие от *nicht gestattet*) указывает на то, что вход на частную территорию представляет собой наказуемое действие:

*Privatweg! Benutzung verboten* (Частная дорога! Пользование запрещено!);

*Privatweg! Durchgang verboten!* (Частная дорога! Проход запрещен!).

В знаках, обнаруженных вблизи жилых домов, запрет проезда либо прохода чаще всего выражен структурой *X nicht gestattet*, менее категоричной, чем *X verboten*:

*Durchgang für Unbefugte nicht gestattet* (Проход для посторонних (букв.: для неуполномоченных) не позволен);

*Das Befahren des Fußwegs ist nicht gestattet* (Въезд на пешеходную дорогу не позволен);

*Privatgrundstück / Parken nicht gestattet / ausgenommen Hausbewohner und Firmenbesuche* (Частное владение / парковка не позволена / за исключением жильцов дома и посетителей фирмы).

В знаках, имплицитно запрещающих вход на какую-либо территорию или пользование чем-либо, весьма распространенным является устойчивое выражение *auf eigene Gefahr* (под личную ответственность). Посредством данного клише владелец указывает на то, что пользователь не имеет права на возмещение от страхового агентства (либо от владельца участка) при возможном несчастном случае и самостоятельно несет ответственность за все возможные последствия:

*Privatweg! Durchgehen und Durchfahren* (вариант: *Durchgang*) *auf eigene Gefahr* (Частная дорога! Проход и проезд под личную ответственность!);

*Privatweg! Begehen auf eigene Gefahr!* (Частная дорога! Использование (букв.: вход) под личную ответственность!).

Вблизи многоквартирных домов или домов на 2–3 семьи имеются полуприватные игровые площадки, и в отдельных случаях они эксплицитно определяются в объявлениях как «частные», то есть предназначенные только для детей, проживающих по указанному адресу:

*Privater Spielplatz / Benutzung nur für Bewohner Theaterplatz 8 und 9 / 9a / Der Eigentümer* (Частная игровая площадка / Пользование только для жильцов д. 8, 9, 9а, пл. Театерплатц / Владелец).

Для немецкой культуры характерно частое противопоставление своей и чужой собственности, ярко проявляющееся в проанализированных нами

текстах. Специфическими характеристиками концепта «собственность» в немецкой культуре являются более категоричное осуждение нарушения норм собственности по сравнению с русской культурой, а также связанная с этим большая значимость концепта власти [Бабаева 2007: 466–467].

Особенности **системы парковки транспорта** как части материальной культуры Германии отражены в рассмотренных ниже общественных знаках.

В соответствии с системой регуляции парковки в Германии право парковки на автостоянке, принадлежащей предприятию либо жилому дому, подтверждается специальным документом. В немецком корпусе языкового материала были обнаружены лексические варианты обозначения документа на право парковки: *Parkausweis*, *Parkberechtigungsschein*, *Parkerlaubnis*, *Erlaubniskarte*, *Berechtigungsschein*, *Parkkarte*, *Parkschein*. В данном случае стратегией избегания неопределенности является документальное подтверждение права на парковку:

*Parken nur erlaubt mit Berechtigungsschein / unberechtigt Parkende werden abgeschleppt!* (Парковка разрешена только при наличии документа на право [парковки] / Противоправно паркующиеся отбуксируются);

*Deutsche Bahn / Nur mit gültiger Parkkarte der DB Station und Service AG / widerrechtlich abgestellte Fahrzeuge werden gebührenpflichtig verwahrt* (Немецкая железная дорога / Только при наличии действующей карты на парковку / противоправно припаркованные транспортные средства будут поставлены на платную стоянку);

*Abgestellte Fahrzeuge ohne Parkerlaubniss werden kostenpflichtig abgeschleppt* (Транспортные средства, поставленные без разрешения на парковку, будут отбуксированы за счет владельца).

Помимо информации о необходимости данного документа, ряд примеров содержит указания по его «предъявлению» и таким образом является для носителей других культур источником страноведческой информации об особенностях германской системы парковки транспорта:

*Privatparkplatz / Nur für Besucher mit Parkausweis, der Ausweis ist gut sichtbar auszulegen / Verkehrswidrig oder ohne Erlaubnis abgestellte Fahrzeuge werden kostenpflichtig abgeschleppt! Der Oberstadtdirektor* (Частная автостоянка / Только для посетителей с документом на парковку, документ необходимо поместить так, чтобы его было хорошо видно / затрудняющие движение или поставленные без разрешения транспортные средства будут отбуксированы за счет владельца! Глава администрации города).

В нескольких объявлениях имеются указания на особенности парковки на территории некоторых жилых комплексов, подразумевающей регистрацию припаркованного автомобиля:

*Widerrechtlich abgestellte, sowie abgemeldete Fahrzeuge werden kostenpflichtig abgeschleppt / Städtische Wohnungsbau GmbH* (Противоправно припаркованные, а также снятые с учета транспортные средства будут отбуксированы за счет владельца / Городское жилищное строительство ГмбХ).

Как правило, парковка на платных городских стоянках в Германии оплачивается через автомат, затем чек оставляется в салоне автомобиля, как правило, возле лобового стекла:

*Privatparkplatz / Sie sind nur berechtigt hier zu parken, wenn Sie einen gültigen Parkausweis sichtbar im Auto platzieren / andernfalls werden wir Sie sofort abschleppen lassen / die Eigentümer* (Частная автостоянка / Вы вправе поставить здесь машину, только если Вы поместите в салоне действующий документ на парковку так, чтобы его было хорошо видно / в другом случае мы тотчас же вызовем эвакуатор / Владельцы).

Единичные знаки содержат координаты служб отбуксирования автомобилей (эвакуаторов), к которым нарушитель запрета парковки может обратиться с целью возврата автомобиля:

*Achtung! Geparkte Fahrzeuge werden kostenpflichtig abgeschleppt! Sollten Sie Ihr Fahrzeug in der Einfahrt, auf den Schulhöfen oder auf den Grundflächen nicht mehr vorfinden, wenden Sie sich bitte an den Abschleppungsdienst Auto-*

*Kran-Richter, Benzstr. 4 3400G Tel. 77777 / Der Oberstadtdirektor* (Внимание! Припаркованные транспортные средства будут отбуксированы за Ваш счет! Если Вы не обнаружите Ваше транспортное средство у въезда, на школьном дворе либо на прилегающей территории, обратитесь, пожалуйста, в службу эвакуации Auto-Kran-Richter, Benzstr. 4 3400G Тел. 77777 / Глава администрации города).

В Германии велосипед является весьма популярным видом транспорта, особенно среди молодежи, борцов за чистоту окружающей среды и лиц, не имеющих возможности позволить себе автомобиль по финансовым причинам. В немецких городах оборудованы велосипедные стоянки (*Anstellplätze*) и специальные металлические стойки, к которым прислоняются или пристегиваются цепью велосипеды (*Fahrradständer*). Регулирование велосипедного движения и парковки велосипедов является важным элементом в поддержании общественного порядка. Нами было выявлено значительное количество общественных знаков соответствующей тематики. Для них характерна высокая степень детализации при обозначении запрещаемого действия: *abstellen*, *stellen* (ставить на хранение), *anstellen* (приставлять к чему-л.), *anketten* (пристегивать цепью), *anlehnen*, *lehnen* (прислонять), *befestigen* (прикреплять, привязывать), *abschließen* (пристегивать):

*Fahrräder nur innerhalb der Parkzone abstellen / Fahrräder, die an Bäumen oder außerhalb der Parkzone abgestellt sind, werden kostenpflichtig entfernt* (Велосипеды ставить только в пределах стоянки / Велосипеды, поставленные вне стоянки или прислоненные к деревьям, будут удалены за счет владельца);

*Fahrräder abstellen verboten / Bei Nichtbeachtung werden die Fahrräder entfernt* (Велосипеды ставить запрещено / При нарушении (букв.: игнорировании) велосипеды будут удалены);

*Behindertenzugang / Bitte keine Fahrräder anschließen!* (Вход для лиц с ограниченными возможностями / Просьба не пристегивать велосипеды!).

В некоторых случаях используется общее обозначение двухколесного транспорта, или же виды данного транспорта детализируются:

*Bitte im Durchgang keine Fahrräder + Mopeds stellen / Fahrradstand benutzen* (Просьба не ставить в проходе велосипеды и мопеды / использовать велосипедный стояк);

*Rettungsweg!!! Keine Zweiräder an der Brückengeländer anschliessen oder abstellen. Alle widerrechtlich abgestellte Fahrräder werden kostenpflichtig entfernt / Die Hausverwaltung* (Аварийный выезд!!! Не ставить и не пристегивать двухколесный транспорт к перилам моста. Все противозаконно поставленные велосипеды отбуксируются за счет владельца / Домоуправление).

Весьма распространенной санкцией за нарушение запрета парковки, применяемой как к автомобилистам, так и к велосипедистам, является отправление транспортного средства на штрафную стоянку.

**Распространение рекламной продукции** является частотным объектом запрета в немецких общественных знаках. Запрет на расклейку рекламы (в форме плакатов и листовок) в Германии был вызван необходимостью контроля над распространением рекламной продукции, которое, по свидетельству немецких информантов, до недавнего времени осуществлялось хаотически и в огромных количествах. На стенах городских зданий размещены стандартизированные таблички, содержащие краткие категоричные запреты, некоторые из них – с указанием на санкции:

*[Plakate] ankleben verboten* (Плакаты наклеивать запрещено);

*Bekleben verboten* (Заниматься расклейкой запрещено);

*Plakatieren verboten* (вариант: *Plakate aufkleben verboten*) / *Zuwiderhandlungen werden strafrechtlich verfolgt* (Плакаты расклеивать запрещено / Нарушения преследуются в судебном порядке);

*Plakate aufkleben verboten / Sonst erfolgt Anzeige* (Плакаты расклеивать запрещено / иначе последует заявление в полицию).

Регуляция распространения рекламных объявлений в корпусах немецких университетов осуществляется путем указания на специальные стенды либо на необходимость согласования с администрацией:

*Plakate bitte nur mit Genehmigung des Sekretariats anbringen!* (Просьба развешивать плакаты только с разрешения секретариата!);

*Das Plakatieren im Hause ist nur auf den dafür vorgesehenen Pinnwänden erlaubt / Ausnahmen bedürfen die Zustimmung des Dekanats oder des Direktorats / Der Direktor* (Распространение плакатов в здании [университета] разрешено только на предусмотренных для этого стендах / Исключения должны быть санкционированы деканатом или директором / Директор);

*Studentenwerk Göttingen / Bitte Aushänge und Plakate nur an die vorgesehenen Pinnwände hängen / Danke! Ihre Wohnheimverwaltung* (Студенческое управление Геттингена / Просьба объявления и плакаты вывешивать только на предусмотренные для этого стенды / Спасибо! Ваше Управление общежитий).

Мерой пресечения расклейки плакатов в университетах служат финансовые санкции:

*Nicht genehmigte Auslagen [Flyer, Prospekte, Werbung] werden kostenpflichtig entfernt!* (Не разрешенная рекламная продукция (флаеры, проспекты, реклама) будет удалена за счет распространителей!);

*Liebe Gäste! / Das Auslegen von Flugblättern auf unseren Tischen ist untersagt und wird Ihnen in Rechnung gestellt! / Bitte benutzen Sie die dafür vorgesehenen Standregale im Eingangsbereich der Mensa am Turm! Vielen Dank* (Уважаемые гости! / Раскладывание на наших столах рекламных листовок запрещено и будет включено в Ваш счет! / Пожалуйста, используйте предусмотренные для этого стенды в фойе Столовой на Башне! Большое спасибо).

Знаки, запрещающие вкладывание рекламы в почтовые ящики жилых домов и предприятий, используются в Германии в форме небольших табличек-наклеек, изготовленных самими жильцами либо фабричного производства. Разнообразие стратегий воздействия на адресата, в частности

высокая степень детализации продукции, на которую распространяется запрет, говорит о потребности адресата в распространении рекламы:

*Werbung, Reklame* (реклама), *Prospekte* (рекламные проспекты), *Werbezeitungen* (рекламные газеты), *kostenlose Zeitungen, Gratiszeitungen* (бесплатные газеты), *Lokalzeitung* (местная газета), *Wurfsendungen* (рассылки), *Postwurfsendung* (почтовые рассылки); *Lünepost* (Люнебургская почта), *Kirchenblatt* (церковный листок); *Extra Tipp, Blick* (названия изданий).

Часто перечисляются два-три вида сходной продукции:

*Stopp! Keine Werbung, auch kein Extra-Tipp und kein Blick* (Стоп! Никакой рекламы, а также никаких «Экстра-Тип» и «Блик»);

*Bitte keine Werbung oder Wurfsendungen* (Пожалуйста, никакой рекламы или рассылок);

*Bitte keine Extra Tipp, Blick oder Reklame einwerfen. Danke!!!* (Просьба не бросать «Экстра Тип», «Блик» и рекламу. Спасибо!!!).

В некоторых надписях уточняется место действия запрета:

*In alle Briefkästen bitte keine Reklame!* (Во все почтовые ящики, пожалуйста, никакой рекламы!);

*Keine Werbung in (vor) dieses Haus!* (Никакой рекламы в этот дом (а также перед ним!).

Иногда знаки содержат указания на то, какая продукция желательна:

*Bitte keine Werbung, und den Blick nur 1x!!* (Пожалуйста, никакой рекламы, и только один экземпляр «Блик»);

*Bitte keine Werbung!! Nur Wochenblatt* (Пожалуйста, никакой рекламы!! Только еженедельный листок).

Структура *Reklame / Werbung [einwerfen] verboten* (Рекламу бросать [в почтовый ящик] запрещено), подчеркивающая власть субъекта, встречается гораздо реже и лишь в надписях на почтовых ящиках предприятий и организаций, к примеру *Reklameeinwurf verboten* (Вброс рекламы запрещен) в филиале Дрезденского банка в г. Геттингене.

Специфика материальной культуры состоит в том, что в немецких многоквартирных домах щели почтовых ящиков находятся у входа в подъезд, так что почтальоны или курьеры могут оставлять там почту, не заходя внутрь.

Право частных лиц выражать запрет на распространение рекламы (что относится к охране частной жизни) или пожелания на получение определенной рекламной продукции является немецкой культурной нормой.

Общественные **знаки, регулирующие выброс отходов**, отражают как особенности немецкой материальной культуры, так и черты менталитета.

В Германии повсеместно действует принцип сортировки отходов, на что указывают предписания по утилизации мусора. В них включены детальные перечисления видов отходов, которые запрещено выбрасывать в контейнеры определенного назначения:

*In den Müllbehälter gehören nicht: Altpapier bzw. Altglas sowie Batterien und Metalle* (В мусорный контейнер нельзя бросать (букв.: не относятся) бумага, стекло, а также батарейки и металлические предметы);

*Abfälle zur Verwertung / Keine Restabfälle und keine organischen Abfälle sowie keine nicht verwertbaren Abfälle einfüllen* (Отходы, подлежащие утилизации / не бросать отходы, не подлежащие сортировке, и органические отходы, а также не утилизируемые отходы);

*!!!! Achtung!!!! Keine Papiertaschentücher / keine Kaffee-, Teebecher* (!!!!Внимание!!!! Не бросать бумажные платки / не бросать [одноразовые] стаканчики из-под кофе и чая).

Вблизи жилых зданий и предприятий имеются специальные пластиковые контейнеры для бумажных отходов, снабженные надписью для предупреждения возгорания: *[Vorsicht!] Keine Asche in den Papierkorb!* ([Осторожно!] Не бросать пепел в корзину для бумаги!).

Четко определяется время, когда разрешено выбрасывать бытовой мусор в контейнеры, причем необходимость следования предписаниям мотивируется заботой о согражданах:

*Beachten Sie bitte im Interesse Ihrer Mitbürger (Mittagsruhe und Nachtruhe) die Einwurfszeiten 08.00 bis 13.00 / 15.00 bis 20.00 / Lagerungen neben den Containern sind verboten / Zuwiderhandlungen können als Ordnungswidrigkeit geahnt werden / Stadt Göttingen / Der Oberstadtdirektor* (В интересах Ваших сограждан (полуденный и ночной отдых) учитывайте, пожалуйста, время выброса мусора – от 8. 00 до 13.00 и от 15.00 до 20.00 / Складирование около контейнеров запрещено / Нарушения могут расцениваться как противозаконные действия и преследоваться в законном порядке / Город Геттинген / Глава администрации города);

*Bitte nehmen Sie Rücksicht auf Ihre Mitbürger / Werfen Sie das Altglas nur von 7.00 bis 20.00 ein. Vielen Dank!* (Пожалуйста, примите к сведению интересы Ваших сограждан / Выбрасывайте стеклянные отходы только от 7.00 до 20.00. Большое спасибо!);

*Einwurfszeiten von 7 bis 13 Uhr und 15 bis 20 Uhr / Kein Einwurf an Sonn- und Feiertagen* (Время выброса от 7 до 13 и от 15 до 20 часов / Никакого выброса в воскресные и праздничные дни).

Регламентация времени мотивируется необходимостью сохранения «покоя» (*Ruhe*) граждан во время ночного и дневного отдыха, а также в выходные и праздничные дни. Кроме того, данные общественные знаки охраняют право работников службы утилизации отходов на отдых в нерабочее время.

Система санкций за нарушение запретов в данной области в Германии подробно разработана и, на наш взгляд, успешно функционирует. В соответствующих общественных знаках указываются следующие виды санкций: преследование в судебном порядке (*Zuwiderhandlungen werden strafrechtlich verfolgt*), сообщение в полицию (*Bei Zuwiderhandlung erfolgt Anzeige*), наказание за сопротивление закону (*Zuwiderhandlungen können als Ordnungswidrigkeit geahnt werden*). Частный пример, подробно информирующий о мерах пресечения и санкциях, ярко иллюстрирует данную особенность:

*Sehr geehrte Reisende, das Füttern von Vögeln ist im gesamten Bahnhofsreich nicht gestattet. Festgestellte Verstöße können zu einem Hauseverweis führen. Absichtlich herbeigeführte Verschmutzungen führen zur Erhebung eines Reinigungsentgeltes. Bitte beachten Sie in diesem Zusammenhang auch unsere Hausordnung. Vielen Dank! Ihr Bahnhofsmanagement* (Уважаемые пассажиры, кормление птиц не позволено на всей территории вокзала. Установленный факт нарушения может привести к запрету нахождения на вокзале. Намеренно произведенные загрязнения приведут к взиманию платы за уборку. Пожалуйста, в этой связи обратите внимание на правила поведения на вокзале. Большое спасибо! Ваше Управление вокзала).

Особенно необычным представляется эксплицитное указание на «приватность» места сбора мусора: так как вывоз отходов в Германии оплачивается организациями, на чьей территории находятся контейнеры, выброс отходов «посторонними» гражданами запрещен законом:

*Studentenwerk Göttingen / Stiftung öffentlichen Rechts / Privater Müllplatz des Studentenwerks Göttingen / Jede unerlaubte Fremdensorgung von Müll wird strafrechtlich verfolgt / Dieser Bereich wird videoüberwacht* (Студенческое управление Геттингенского университета / Фонд общественного права / Частное место сбора мусора Студенческого управления Геттингена / Любая неразрешенная утилизация мусора посторонними преследуется по закону / Территория находится под видеонаблюдением).

Значимость рассматриваемой тематической группы отражена также в лексическом разнообразии в рамках клише:

*[Unrat und] Müll / Schutt abfallen / abladen / abstellen verboten* ([Сор и] отходы / мусор сваливать / сгружать / оставлять запрещено);

*Unrat und Müll abladen verboten / Zuwiderhandlungen werden strafrechtlich verfolgt / Stadt Göttingen / der Oberstadtdirektor* (Отходы и мусор сваливать запрещено / нарушения преследуются по закону / Город Геттинген / Глава администрации города);

*Abladen von Bauschutt und Gartenabfällen verboten* (Свалка строительного мусора и садовых отходов запрещена).

Имеются и «позитивные» формулировки, где отсутствуют эксплицитный запрет либо отрицание:

*Abfallfreie Zone / Halten Sie unsere Stadt sauber! Der Müll gehört in den dafür vorgesehenen Müllbehälter! Vielen Dank! Ihre Stadtverwaltung* (Свободная от отходов зона / Содержите наш город в чистоте! Мусор (букв.) относится в предназначенные для него контейнеры! Большое спасибо! Ваша городская администрация);

*Grillplatz / Abfall bitte in die Behälter!* (Место для барбекю / Мусор, пожалуйста, в контейнеры!);

*Rastplatz bitte sauberhalten* (Место отдыха просьба содержать в чистоте).

В немецкой культуре **запрет на потребление еды и напитков**, принесенных с собой в предприятие общественного питания либо в кинотеатр, является достаточно распространенным, при этом вид напитков не уточняется:

*Liebe Gäste! Wir möchten Sie darauf aufmerksam machen, daß der Verzehr von mitgebrachten Speisen und Getränken nicht gestattet ist. Wir bitten um Ihr Verständniss. Vielen Dank! Ihr Studentenwerk* (Уважаемые гости! Мы хотели бы обратить Ваше внимание на то, что потребление принесенных с собой еды и напитков не позволено. Мы просим Вас о понимании. Большое спасибо! Ваше Студенческое управление);

*Der Verzehr von eigenen Speisen und Getränken ist verboten!* (Потребление своей еды и напитков запрещено!);

*Der Verzehr von mitgebrachten Speisen und Getränken ist nicht gestattet* (Потребление принесенных с собой еды и напитков не позволено!).

Единственным выявленным исключением с эксплицитным указанием на алкогольные напитки является надпись в районе городского вокзала (на месте сбора иммигрантов и маргиналов), не отражающая нормы поведения среднестатистических немецких граждан: *Der Verzehr alkoholischer Getränke*

*im Umkreis von 20 m verboten* (Потребление алкогольных напитков в окружности 20 метров запрещено).

На Западе, в том числе в Германии, употребление безалкогольных напитков в учебных помещениях допускается достаточно свободно. Запреты еды и питья в помещениях связаны с необходимостью соблюдения чистоты и уборки после их использования:

*Essen und Trinken sind in den Computerräumen nicht gestattet!* (Еда и питье в компьютерных классах не позволены!);

*Bitte esst und trinkt nicht in dem Selbststudiumraum* (Пожалуйста, не ешьте и не пейте в аудитории для самостоятельной работы).

Итак, наличие или отсутствие запретов еды и питья информирует о нормах поведения в учебных помещениях и в предприятиях общественного питания.

Культурная специфика запретов проявляется в ряде общественных знаков, отражающих климатические особенности стран. Запреты входа в помещение в верхней одежде в Германии менее частотны в связи с более мягким климатом. В знаках данной тематической группы наблюдается детализация предметов одежды и аксессуаров ввиду отсутствия в немецком языке общего понятия «верхняя одежда»:

*Bitte vor Betreten der Lesesäle Taschen, Jacken und Mäntel ablegen* (Просьба перед входом в читальные залы снять куртки, пальто и сумки);

*Mäntel, Jacken, Hüte, Schirme, Taschen u.ä. dürfen nicht mit in die Bibliothek genommen werden. Schlüssel für die Schließfächer gibt es bei der Aufsicht* (Пальто, куртки, шапки, зонтики, сумки и т. п. в библиотеку вносить не разрешается. Ключи от гардероба находятся у вахтера).

В общественных знаках данной группы отражены и различия материальной культуры: в Германии установка ящиков для хранения сумок и верхней одежды считается более экономичной, чем оплата труда гардеробщицы (в университетах, библиотеках и т. д.). Лексемы *Garderobe*, *Schließanlage*, *Schließfächer* обозначают ряд таких ящиков. Чтобы запереть

гардеробный ящик на ключ, необходимо вложить в замок монету 1 или 2 евро («залоговую сумму»); соответственно, при открывании монета автоматически вынимается.

*Schließanlage / Nur für Bibliothekbesucher für die Dauer Ihres Aufenthalts. Bei nicht geräumten Fächern wird das Pfandgeld einbehalten. Nach einer Woche wird der Schrankinhalt dem Universitätsfundbüro zugeleitet. Jede Haftung ausgeschlossen!* (Гардероб / только для посетителей библиотеки на время Вашего посещения. Если содержимое ящиков не убрано [до окончания рабочего дня], залоговая сумма изымается. По прошествии недели содержимое ящика передается в университетское бюро находок / Любая ответственность [персонала за содержимое ящиков] исключена!);

*Bitte lassen Sie Ihre Taschen, Jacken und Mäntel an der Garderobe am Haupteingang* (Пожалуйста, оставляйте Ваши сумки, куртки и пальто в гардеробе у главного входа).

В Германии большое внимание уделяется регуляции действий граждан в зимнее время и заботе об их безопасности, а также распределению ответственности:

*Privatweg / Benutzung auf eigene Gefahr / Bei Nässe sowie Schnee und Eisglätte ist besondere Vorsicht geboten / Ärzteversorgung Niedersachsen, Grundstückseigentümer* (Частная дорога / использование на собственный риск / в сырую погоду, а также при снеге и гололедице рекомендуется особая осторожность / Медицинское обслуживание Нижней Саксонии / Владелец земельного участка);

*Biogarten / Achtung! Die Wege werden in Winter nicht geräumt! / Das Betreten vereister Wasserflächen ist strengstens verboten / Bitte schonen Sie die Pflanzungen und Teichanlagen / Gemähte Flächen dürfen betreten werden* (Ботанический сад / Внимание! Дороги зимой не очищаются! Хождение по льду строгойше запрещено / Пожалуйста, берегите насаждения и пруды / По скошенным лужайкам разрешено ходить).

Если опасный участок снабжен соответствующей табличкой, в случае травмы из-за собственной неосторожности пешеход не имеет права подавать в суд на городские власти, представленные в следующих примерах высшей инстанцией – главой городской администрации:

*Betreten der Eisfläche verboten / Der Oberstadtdirektor* (Ходить по льду [замерзшего водоема] запрещено / Глава администрации города);

*Bei Schnee- und Glätte gesperrt! Dieser Weg wird nicht gestreut / Der Oberstadtdirektor* (При снеге и гололедице прохода нет! Эта дорога не посыпается песком / Глава администрации города).

Далее рассматриваются русские общественные знаки, представляющие интерес в плане изучения культурных ценностей и норм. **Запрет мелко-розничной торговли** исходит от официальных властей, отличается категоричностью и, как правило, выражен лексемой «запрещено». Достаточно широкая распространенность подобных знаков объясняется необходимостью регулирования частной торговли в послеперестроечное время, появлением стихийных и зачастую нелегальных торговых рядов вблизи магазинов и торговых предприятий. Вероятно, потребность в торговле такого рода существует в России до настоящего времени.

*Торговля цветами частными лицами на территории магазина запрещена. Штраф 100 рублей. Администрация.*

На значимость проблемы несанкционированной торговли, а также на изобретательность нарушителей данного запрета указывают разнообразные стратегии, используемые в проанализированных примерах:

– детализация места: *на территории магазина / бани, на прилегающей к магазину территории, на рынке, в общественном транспорте, в неустановленных местах, за пределами торговой зоны и вблизи ее* и т. д.;

– описание штрафных санкций, применяемых в случае нарушения: предупреждение о денежном штрафе, точное указание суммы штрафа в рублях или МРОТ, предупреждение о конфискации предметов торговли;

– ссылка на официальное постановление либо источник власти: *закон УР от 16.11.2001 № 49 РЗ, постановление Президиума ВС и СМ УР 1992, 1994, администрация [Ленинского района];*

– вариативность в определении торговли: *все виды торговли, торговля всеми видами товаров, торговля с рук, несанкционированная торговля.*

*Торговля на территории, прилегающей к магазину, запрещена / за нарушение штраф;*

*В общественном транспорте торговля газетами запрещена.*

Наивысшей степенью детализации отличается следующий пример:

*Торговля плодоовощной продукцией, продуктами питания, непродовольственными товарами у магазина «Родина», киоска «Информпечать», торгового павильона на ул. Клубной строго запрещена!!! Законом УР от 16.11.2001 № 49 РЗ предусмотрена административная ответственность за нарушение правил благоустройства и правил работы торговой зоны и влечет наложение административного штрафа от 5 до 50 МРОТ / Администрация Ленинского района.*

**Запрет дотрагиваться до каких-либо предметов** распространен в России повсеместно и отражает тактильный тип русской культуры [Löwe 1999: 184]. Как правило, для выражения данного запрета используется клише *«руками не трогать»*. В сфере торговли и музейно-выставочных комплексах было обнаружено значительное количество ситуативных надписей, конкретизирующих предметы, которые не разрешается трогать: *Экспонаты / плакаты / работы / белье / шиньоны и парики руками не трогать.*

Многие запреты данной тематической группы имеют характер просьбы либо предупреждения, сопровождаются вежливыми обращениями к адресату, обоснованиями, указаниями на альтернативные действия:

*Уважаемые покупатели! Убедительная просьба, цветы руками не трогать;*

*Убедительная просьба без надобности открытки руками не трогать;*

*Уважаемые покупатели! Смесители руками не трогать / обращайтесь к продавцу;*

*Сантехника не закреплена! Просьба руками не трогать;*

*Осторожно!!! Стекло не трогать.*

Немногочисленные отступления от доминирующего инфинитивного клише применяются с целью воздействия на адресата оригинальностью формы запрета-просьбы:

*Убедительно просим не прикасаться к скульптурам руками;*

*Пожалуйста, не прикасайтесь к экранам;*

*Уважаемые дамы и господа! Огромная просьба: не трогайте памятник. Это не бронза, а тонированный гипс. Он очень хрупкий.*

Представляет интерес смежная подгруппа знаков, отражающих отношение к пространству и дистанции в русской культуре. В российском общественном транспорте употребляется стандартизированный запрет *Не прислоняться / [двери автоматические]*, обусловленный требованиями безопасности. Аналогичный запрет, где запрещаемое действие выражено синонимами (*облокачиваться, наваливаться, опираться*), встречается и в других местах, наиболее часто в сфере торговли. Для русского общества характерно отсутствие культурной нормы соблюдения дистанции как при коммуникации между людьми, так и при приближении к предметам:

*Осторожно! Витрина хрупкая! Не наваливаться!*

*Пожалуйста, не ставьте сумки и не облокачивайтесь на витрину!!!*

*Убедительно просим Вас не опираться на столики во время просмотра микроминиатюр во избежание поломки оборудования;*

*Запрещено! Наваливаться на стекла / сидеть на трубах отопления / ставить вещи на диваны / лежать на диванах (ж/д вокзал, зал ожидания).*

Для русской культуры также характерны надписи, содержащие **запрет беспокоить** сотрудников различных организаций во время работы. Запрет разговора с водителем общественного транспорта во время движения, как

правило, выражен в категоричной форме, так как ситуация чревата опасностью аварии:

*Разговор с водителем [во время движения] строго запрещен;*

*Разговаривать с водителем во время движения запрещается;*

*Уважаемые пассажиры! Не отвлекайте водителя!*

Существуют запреты беспокоить сотрудников учреждений в неприемное время либо во время проведения важного мероприятия:

*Просьба не беспокоить / работает ГАК;*

*Не беспокоить / идет госэкзамен;*

*Ревизия / не отвлекать.*

Клишированный запрет *Без стука не входить*, ассоциируемый с бюрократизмом советской эпохи, по нашим данным, вышел из употребления. Напротив, в современных русских общественных знаках достаточно часто употребление запрета *Не стучать* в значении «не беспокоить»:

*Пересменка / не стучать;*

*Не стучать!! / идет заседание кафедры;*

*Просьба не стучать / обед с 13.00 до 13.30;*

*Приемное время 9.00–12.30 / приходите, пожалуйста / обработка документов 13.00–17.00 / не входить, не стучать, не беспокоить.*

В русском корпусе материала выявлена своеобразная группа надписей, которые содержат запрет беспокоить вопросами сотрудников, работающих рядом с искомой организацией, но не имеющих к ней отношения:

*Магазин телефонов закрыт / переехал в другое место / к соседям не обращаться!*

*Шиномонтажка не работает! Автосервис переехал в Сибирь! С вопросами не беспокоить!!!*

*Отдел ксерокопирования справок не дает / Просьба не отвлекать вопросами, не относящимися к работе;*

*Посторонним вход строго воспрещен / для справок: справок не даем / убедительная просьба не беспокоить.*

Для русского менталитета характерна надежда на получение нужной информации от людей, в чью сферу профессиональной компетенции владение этой информацией не входит. В данной группе знаков проявляется степень задействованности неформальных информационных сетей в русской культуре [Садохин 2004: 83].

Среди общественных **знаков, регулирующих выброс отходов**, весьма частотно совмещение запретов курения и оставления мусора, стилистически окрашенные разновидности которых рассмотрены в разделе 2.3. Многочисленную подгруппу составляют размещенные у входов в различные здания запреты разбрасывания окурков:

*Соблюдайте чистоту! Не курите у входа и не бросайте окурки на землю!*

*Около входа не курить!!! Окурки на землю не бросать!!! Штраф 50 р.*

Зачастую запрет выброса и складирования мусора сопровождается информацией о штрафе с указанием суммы:

*Мусор не бросать! Штраф 500 р.;*

*Экологический пост / свалка мусора запрещена! / Штраф: 500 руб.  
Администрация г. Ижевска / контактный телефон [...];*

*Внимание! Зона жесткой санитарной охраны / свалка мусора запрещена! За нарушение штраф 100 минимальных окладов.*

Ряд знаков, запрещающих бросать мусор в раковины и унитазы, свидетельствует о низкой культуре поведения в общественных местах:

*Заварку и пищевые отходы в раковину не бросать!*

*Уважаемые зрители! Убедительная просьба соблюдать чистоту и порядок! Не бросайте посторонние предметы в раковины и унитазы;*

*Просьба бумагу и гигиенические средства в туалет не бросать.*

Регуляция времени выброса мусора и сортировки отходов в русских общественных знаках отсутствует.

**Запрет распития спиртных напитков** на улице, в торговых точках и т. п. является в России весьма частотным. Несмотря на то, что данный вид

поведения не является нормой в сознании большинства граждан, тенденция к нарушению данного запрета широко распространена. Это отражено в разнообразии языковых средств и стратегий воздействия на адресата:

*Распитие пива и алкогольных напитков запрещено;*

*Уважаемые покупатели! Распивать спиртосодержащие и алкогольные напитки (в т. ч. пиво) запрещено;*

*Уважаемые покупатели! Распитие спиртных и слабоалкогольных напитков строго запрещено! Администрация;*

*За распитие вино-водочных изделий штраф 100 р.*

Часто используется эксплицитное указание места действия запрета: *в магазине [и в тамбуре], на территории магазина, в торговом зале, в музее и во дворе дома, в салоне троллейбуса, на паперти храма-часовни и прилегающей территории, в подземном переходе.*

В данную группу включены и знаки, регулирующие поведение людей в нетрезвом состоянии:

*Появление на стоянке в нетрезвом виде строго запрещено;*

*Лица в состоянии алкогольного опьянения в музей и на экскурсии не допускаются;*

*Господа посетители бистро «Погребок»! Большая к вам просьба!!! При выходе из бистро: не стойте во дворе дома; не входите на детскую площадку; не нарушайте покой жителей дома. Администрация бистро «Погребок»;*

*Лица моложе 18 лет и лица в нетрезвом состоянии к игре не допускаются!!!*

Нарушение запрета приносить с собой напитки в предприятия общественного питания мотивируется стремлением к экономии. В России данные знаки отражают тенденцию приносить именно спиртное:

*Распивать принесенные с собой спиртные напитки запрещается!!! Администрация;*

*За распитие принесенных с собой спиртных напитков штраф 500 р.;*

*Употребление своих спиртных напитков запрещено;*

*Уважаемые посетители! Вход со своими спиртными напитками запрещен.*

Общественные знаки, касающиеся алкогольных напитков, на поверхностном уровне укрепляют негативный стереотип о русских как о народе, весьма склонном к выпивке, на более глубинном уровне отражая неразвитость культуры потребления спиртного.

Ряд общественных знаков отражает особенности российского климата. Частотность и значимость запретов входа в различные помещения в верхней одежде связаны с продолжительностью зимнего периода и необходимостью носить теплую меховую одежду. Знаки данной тематики отличает широкая лексико-стилистическая вариативность, имеющая целью оптимальное осуществление функции воздействия. Большинство примеров выявлены в учебных корпусах вузов и в лечебных учреждениях. В них задействованы разнообразные лексико-грамматические способы выражения запрета и просьбы, детализация по месту, обращения, обоснования, призывы:

*Просьба! В верхней одежде не входить!!!*

*Входить в отделы Национальной библиотеки УР в верхней одежде запрещается;*

*Вход в зал в верхней одежде запрещен;*

*Студенты! В верхней одежде на занятия не приходить;*

*С верхней одеждой не входить.*

Стилистически окрашенные запреты входа в верхней одежде были проанализированы в разделе 2.3.

Большинство запретов предупреждающего характера, связанных с опасностью падения снега и льда с крыш, касаются парковки автомобилей:

*Стоянка авто запрещена / Опасность схода снега с крыши!*

*Машины у стены не ставить! Возможно падение сосулек!*

*Осторожно!!! Возможно падение снега и льда! Автомобили не ставить! Организация ответственности не несет!*

*Внимание! Автомобили ближе 1,5 м к зданию не ставить! Обвал снега!*

Кроме стандартной надписи, не являющейся запретом (*Осторожно! Возможно падение снега и льда с крыши*), выявлены лишь эпизодические запреты-предупреждения, касающиеся безопасности людей:

*Внимание!!! Возможен сход снега и льда с крыши / Нахождение людей и стоянка машин у стен здания запрещены!!!*

*Студенты! С крыши падает снег / На крыльце не курить!*

Обнаруженный нами запрет находиться на льду водоема единичен и продиктован нестандартной ситуацией. Повсеместное применение данного запрета и подчинение ему представляются нереалистичными из-за распространенности в России зимней рыбалки:

*Внимание! В период с 09.01.2007 по 05.02.2007 г. будут проходить гидродинамические испытания на водосбросных сооружениях. Запрещается нахождение на льду водохранилища вблизи плотины и водосброса в радиусе не менее 500 м, возможны подвижки ледового покрова пруда. МУ «ПСС» г. Ижевска.*

Как показало наше исследование, различия в материальной культуре являются внешним проявлением глубинных различий ценностных доминант; второстепенную роль играют климатические факторы. В немецкой культуре высокую значимость имеют охрана тишины и покоя граждан, четкая детализация отрезков времени, разграничение частного и общественного пространства, детальное распределение ответственности в случае нарушений запретов, воспитание у детей чувства ответственности за свои действия, право частных лиц на волеизъявление посредством общественных знаков, экологическое сознание. Повсеместная распространенность общественных знаков, выражающих запреты, в пространстве немецкой культуры имеет давние традиции. В Германии общественные знаки представляют собой фиксацию регулятивных культурных стандартов, имеющих форму предписаний и правил поведения, что воспринимается немецким сознанием как норма, не-

укоśnieительно исполняемая в соответствии с характерным для немецкой ментальности внутренним контролем и потребностью в порядке.

В России запреты и регуляция жизни общества посредством общественных знаков значительно менее распространены, что расширяет возможности импровизации, действий человека на свое усмотрение. Динамика изменения различных языковых средств репрезентации запрета в российских знаках приводит к выводу о том, что в настоящее время наблюдается тенденция к использованию наряду с авторитарными запретами, исходящими из советского периода, новых стратегий воздействия на адресата: обращения к личности, апелляции к морали. Таким образом, изучение репрезентации концепта «запрет» в общественных знаках на материале разных языков позволяет проследить основные тенденции развития общества и ценностные характеристики отдельных лингвокультур.

## **Выводы по главе 2**

В настоящей главе осуществлен комплексный анализ общественных знаков с позиций лингвокультурологического подхода. Были исследованы лингвистические (лексико-грамматические и стилистические) особенности текстов данного типа, изучены их композиционные и экстралингвистические характеристики (проявление в текстах фактов материальной и духовной культуры, культурных стандартов, ключевых культурных концептов как единиц менталитета).

1. Наиболее распространенной лексико-грамматической моделью в исследованных нами общественных знаках является *X + причастие II / X + краткое страдательное причастие совершенного вида*. Эксплицитные, однозначные, достаточно категоричные волеизъявления представляют собой традиционный способ выражения запрета в немецкой, русской и сербской культурах. Преобладание данной модели в общественных знаках указывает на иерархичность общества и дистанцию между субъектом и адресатом запрета.

Запреты, выраженные при помощи инфинитивной модели, употребляются преимущественно в ситуациях повышенной опасности и отличаются категоричностью предупреждающего характера, которая обусловлена необходимостью соблюдения техники безопасности. Для них характерны краткость формы запрета и использование структуры, где запрещающий элемент (частица отрицания *nicht / ne*) выдвинут на первый план. В отличие от немецких знаков в русских примерах сфера употребления данной модели значительно шире, чем ситуации повышенной опасности, что указывает на авторитарность волеизъявлений властных структур. В англоязычных и сербских общественных знаках данная модель не распространена.

Лингвокультурная специфика выражения запрета четко прослеживается в функционировании императивных моделей в общественных знаках. В рамках русской и сербской модели *не + глагол в повелительном наклонении* различаются высказывания с глаголами 2 л. ед. и мн. числа, подразумевающие обращение соответственно на «ты» и на «Вы». Немецких знаков по модели, подразумевающих обращение на «ты» не обнаружено, а знаки на «Вы» крайне немногочисленны. Данные особенности отражают различие в восприятии императива в изучаемых лингвокультурах. Употребление повелительного наклонения, особенно в форме на «ты», является нарушением личного пространства, что не противоречит нормам коммуникативного поведения в русской и сербской культурах, но неприемлемо для немецкой ментальности.

Для современных немецких и англоязычных общественных знаков характерна тенденция к нивелированию волеизъявления, позволяющая представить запрет не как требование субъекта, противоречащее желанию адресата, а как всеобщее и объективное правило, сохраняющее, однако, категоричность. Данная тенденция характерна для индивидуалистических культур, в которых вторжение в личную сферу индивида нежелательно.

При исследовании лексико-грамматических моделей прослеживается современная тенденция к смягчению, демократизации запретов, употребле-

мых в сравнительно безопасных ситуациях. Маркеры вежливости нем. *bitte*, англ. *please*, рус. *просьба, пожалуйста*, серб. *молимо* придают запрету характер просьбы; в модели с *nur / only / только / само* внимание фиксируется на позитивной стороне вещей (разрешении, а не запрете); таким образом, запрет выражается в имплицитной форме.

2. Лингвокультурные особенности выражения запрета в изучаемых текстах, отраженные на композиционном уровне текстовой организации, проявляются в частотности, в наличии или отсутствии обращения к адресату, расположенного в начале текста, и номинации субъекта власти, завершающей данный текст. Большинство исследованных текстов отличается анонимностью субъекта и адресата, однако имеются исключения, отражающие специфику стратегий воздействия на адресата запрета в исследуемых лингвокультурах.

Обращения к адресату запрета имеют характер исключений в немецких и англоязычных общественных знаках и широко распространены в русских и сербских знаках. Обращения в русских и сербских общественных знаках отличаются широкое разнообразие номинаций адресата по социальной роли и роду занятий. Частотность обращений указывает на ориентированность культуры на адресата, в то время как отсутствие обращений отражает ориентированность на содержание сообщения.

Ссылки на субъект власти либо официальное постановление присутствуют в значительном количестве немецких и русских общественных знаков. Немецкие знаки, снабженные подобными ссылками, содержат безэквивалентную лексику, реалии, информативные в лингвострановедческом плане. В соответствии с немецкими культурными нормами организация либо индивид как носитель определенной социальной роли или должности имеют право эксплицитно заявить о себе как субъекте запрета. В исследованном корпусе материала было выявлено значительное разнообразие таких обозначений. Обозначение владельца территории, здания, предприятия в тексте общественного знака отражает высокую ценность частной собственности в

немецком обществе. Конкретное указание на субъект власти отражает тенденцию к детализации, целью которой является четкое распределение ответственности за поддержание порядка, что, в свою очередь, иллюстрирует высокий уровень избегания неопределенности и ориентированность на субъекта волеизъявления в немецкой культуре.

В русских общественных знаках наиболее распространенным видом ссылки на субъект власти является лексема *администрация*, применяемая самыми разнообразными учреждениями. Представляется, что преобладание данного обозначения производит эффект обезличивания субъекта власти.

3. Стилистически и эмоционально окрашенные общественные знаки составляют меньшинство по сравнению со стандартизированными стилистически нейтральными текстами данного типа. Стилистическую окраску приобретают распространенные запреты, нарушение которых не представляет опасности, но которые требуют оптимизации воздействия на адресата путем использования нестандартных форм выражения (тропов и фигур речи), обнаруживающих черты ментальности и национального юмора.

Универсальными стилистическими приемами в исследованных общественных знаках являются метафора, игра слов, риторические вопросы, рифма. Лингвокультурная специфика выражения запрета в стилистически окрашенных немецких и англоязычных знаках проявляется в частотности олицетворения, отражающего эмоциональное отношение к домашним животным, в частности к собакам, в эксплицитном обозначении понятий, связанных с отправлением естественных надобностей, в использовании антитезы с целью избегания неопределенности, в сочетании стилистических приемов с маркерами вежливости.

Лингвокультурная специфика выражения запрета в стилистически окрашенных русских знаках проявляется в подчеркнутой императивности побуждающего характера, в меньшей задействованности маркеров вежливости, в частотности аллюзий на общеизвестные, стилистически нейтральные знаки.

В немецком материале наиболее частотны стилистические вариации в знаках, запрещающих курение, регулирующих утилизацию отходов, вход в помещение с собаками, а также их выгул. В русском материале обращает на себя внимание значительное количество стилистически окрашенных знаков, запрещающих сорить, трогать предметы руками, хлопать дверями, входить в помещение в верхней одежде, что говорит о распространенности данных запретов и их нарушениях в России.

Для немецкого материала в целом характерна большая клишированность стилистически окрашенных примеров и большая частотность рифмовок. Для русских стилистически окрашенных знаков характерно частотное использование следующих явлений: фамильярное обращение на «ты» поучающего характера к адресату; морально-этические обоснования запретов, отражающие коллективизм и ориентированность на межличностные отношения в русской культуре; стратегия воздействия на адресата посредством «антизапрета».

В большинстве исследованных немецких знаков стилистические приемы имеют целью завуалировать запрет (вербальная экспликация запрещения или объекта запрета зачастую отсутствует); большинство русских стилистически окрашенных знаков представляют собой эксплицитные запрещающие волеизъявления и прямые обращения, граничащие с фамильярностью, но воспринимаемые адресатом позитивно. Данные стратегии характерны соответственно для индивидуалистических и коллективистических культур.

4. Ситуативный подход к изучению языковой репрезентации концепта «запрет» в общественных знаках позволяет выявить отраженные в запретах нормы общественной жизни, ценности данной лингвокультуры, а также реалии материальной культуры. В результате применения данного подхода были установлены: а) сферы общественной жизни либо материальной культуры, в которых общественные знаки, содержащие запреты, используются лишь в одной из изучаемых культур и отсутствуют либо незначительно

представлены в других культурах; б) сферы жизни общества, в которых посредством общественных знаков закреплены сходные запреты, обладающие ярко выраженной культурно обусловленной спецификой.

В качестве сходств нами выявлено наличие в обеих культурах таких групп общественных знаков, как запреты курения, парковки автомобилей, свалки мусора, выгула собак, вмешательства в процесс работы.

Изучение культурно обусловленных особенностей в нашем материале позволило установить, что различия превалируют над сходствами. В ходе исследования обнаружены различия в материальной и духовной культуре немецкого и русского народов. В общественных знаках отразились различия следующих аспектов материальной культуры Германии и России: типы жилья, специфика функционирования транспортных средств, регулирование досуга детей, особенности размещения рекламной продукции, особенности организации торговли, культура употребления алкогольных напитков, поддержание чистоты и порядка на улицах и в общественных помещениях, утилизация отходов.

По нашему мнению, различия в материальной культуре являются внешним проявлением глубинных различий в ценностных доминантах, культурных стандартах и менталитетах народов. Выделяются следующие немецкие культурные стандарты, регулируемые посредством общественных знаков: охрана тишины и покоя граждан, четкая детализация отрезков времени (для таких действий, как шумные игры, вывоз мусора), разграничение частного и общественного пространства, особая значимость частного пространства, детальное распределение ответственности в случае нарушений запретов, воспитание чувства ответственности за свои действия у детей с раннего возраста, право частных лиц на волеизъявление посредством общественных знаков. Для русской культуры данные культурные стандарты не характерны. В связи с существующей потребностью в порядке и в восприятии подчинения запретам как нормы жизни тексты данного типа являются органичными для немецкой ментальности. Данное обстоятельство

свидетельствует о том, что в немецкой культуре соблюдению запретов уделяется большее внимание, чем в русской.

Таким образом, общественные знаки в значительной степени отражают ментальность народа, систему ценностей общества, культурные нормы и стандарты.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая диссертационная работа посвящена комплексному исследованию языковой репрезентации концепта «запрет» в общественных знаках.

Изучение проблематики запрета в гуманитарных науках, в частности в рамках различных направлений лингвистических исследований, привело к выводу о значимости данного феномена для человеческого общества и о необходимости его дальнейшего исследования. Множественность трактовок запрета в рамках отдельных отраслей гуманитарного знания свидетельствует о комплексности и многогранности феномена запрета, что дает основание рассматривать запрет в качестве концепта в соответствии с современным пониманием концепта в лингвокультурологии.

Основное внимание при исследовании концепта «запрет» было уделено его языковой репрезентации в немецком и русском языках. На уровне обыденного сознания существуют стереотипы о немцах как об одном из наиболее законопослушных народов и о русских как о народе, для которого характерно «закононебрежение» (термин И.А. Стернина), что предполагает противоположное отношение к запретам и предписаниям в немецкой и русской лингвокультурах. Полярность отношения к запретам может стать серьезным препятствием в российско-германской межкультурной коммуникации. Данное положение послужило отправной точкой для комплексного исследования концепта «запрет», объективированного языковыми средствами в немецкой и русской лингвокультурах.

Рассмотрение запрета в качестве концепта позволило изучить его понятийный и ценностный компоненты на основе данных лексикографических источников и культурологической литературы. Основные результаты, полученные в ходе анализа репрезентации концепта в немецких и русских лексикографических источниках, были подтверждены данными культурологических исследований. Этот факт служит свидетельством известного положения об отражении в языке ментальности народов.

Наше исследование показало, что понятийный компонент концепта «запрет» имеет универсальный характер, а ценностный компонент данного концепта обнаруживает различия в отдельных лингвокультурах. Общим фактором является наличие сходной интерпретации запрета как волеизъявления, направленного на невыполнение называемого действия в общественной либо частной жизни. Однако в немецкой лексикографии закреплена положительная трактовка концепта «запрет» немецким языковым сознанием, что проявляется в акцентуации в дефиниции имени концепта *Verbot* наличия признанных обществом полномочий у лица либо учреждения для установления запрета; в устойчивых словесных комплексах и сочетаемости имени концепта с лексемами, варьирующими семантику соблюдения запрета, в имплицитной форме содержащими позитивную оценку номинируемого действия и его объекта, каковым является запрет. Словосочетания с семантикой нарушения запрета обладают ярко выраженными негативными коннотациями, нарушение запрета трактуется как преступление. В целом, многообразие языковых средств объективации концепта «запрет» в немецком языке свидетельствует о высокой номинативной плотности (термин В.И. Карасика) данного фрагмента языковой системы, что отражает значимость вербализованного концепта для сознания народа.

В русской лексикографии дефиниция запрета является абстрактной и недетализированной, наличие полномочий для наложения запрета не акцентуруется, в устойчивых словосочетаниях с именем концепта не выявлены четко выраженные позитивные либо негативные коннотации.

Анализ понятийного компонента изучаемого концепта подтверждает положение о законопослушании носителей немецкой культуры и об амбивалентном отношении к запретам в русском языковом сознании, в котором совмещается понимание необходимости запретов и восприятие запрета как ограничения.

Изучение ценностного компонента концепта «запрет», проведенное на основе данных культурологических исследований немецкой и русской мен-

тальности, подтвердило результаты анализа понятийного компонента данного концепта. Для немецкого менталитета характерно четкое осознание охранительной и упорядочивающей функции закона и запрета как разновидности законодательного акта (либо волеизъявления частного лица). Элемент принуждения и(ли) подчинения, присутствующий в запрете, расценивается как необходимое средство достижения порядка и уверенности в безопасности. Концепт *Verbot* гармонично вписывается в ряд ключевых концептов немецкой культуры (*Ordnung, Gesetz, Sicherheit, Angst, Gemütlichkeit*).

Для русской культуры характерно четкое разграничение и противопоставление формально-юридической сферы, к которой относится концепт «запрет» наряду со смежными концептами «закон» и «право», и морально-этической сферы, к которой относятся ключевые для русской культуры концепты (*душа, совесть, воля, справедливость*). Наряду с признанием охранительной и упорядочивающей функции государственной власти в русском сознании присутствует негативное отношение к запретам, исходящим от официальной власти и воспринимаемым как предел (препятствие), нечто формальное, чужеродное, противоречащее желаниям адресата. Таким образом, изучение культурологических источников позволило установить, что концепт «запрет» является центральным для немецкого менталитета и периферийным для русского менталитета.

Одной из важнейших характеристик лингвокультурных концептов является возможность их изучения на основе языковых единиц разных уровней. В настоящей работе в качестве материального средства объективации концепта «запрет» в разных лингвокультурах изучались общественные знаки. Исследование лексико-грамматического, стилистического и композиционного уровней общественных знаков позволило выявить особенности объективации концепта «запрет» в разных лингвокультурах. На этом этапе исследования с целью установления общих тенденций в репрезентации концепта «запрет» привлекались данные английского и сербского языков.

Анализ грамматических моделей и их лексического наполнения в общественных знаках приводит к выводу о существовании лингвокультурной специфики выражения запрета в текстах данного типа на разных языках. Факт наличия либо отсутствия отдельных моделей и степени их распространенности указывает на существование определенных культурных стандартов. Несмотря на сходство экстралингвистических факторов, обуславливающих необходимость использования знаков данного типа, в разных культурах, как показывает наш материал, аналогичные смыслы приобретают различное языковое выражение. Так, для современных немецких и англоязычных общественных знаков характерна тенденция к нивелированию волеизъявления, позволяющая представить запрет не как требование субъекта, противоречащее желанию адресата, а как всеобщее и объективное правило, сохраняющее, однако, категоричность. Данные стратегии воздействия на адресата являются распространенными в индивидуалистических культурах с присущей им установкой на сохранение личного пространства индивида.

Исследование выражения запрета в русских и сербских общественных знаках путем анализа лексико-грамматических моделей и композиционного построения в целом приводит к выводу о большей значимости не самой констатации запрета, а факта апелляции к адресату (формы императива, обращение). Данные лингвистические способы, на наш взгляд, являются более действенными для коллективистических культур, в которых акцент ставится не на констатации факта запрета, а на обращенности запрета к адресату.

Изучение лексико-грамматического уровня общественных знаков позволило установить сходство в степени распространенности эксплицитной формы выражения запрета в немецких, русских и сербских текстах, что объясняется сохранением в общественных знаках традиционных авторитарных стратегий воздействия на адресата со стороны властных структур. Для англоязычных знаков общей тенденцией является отсутствие авторитарных стратегий воздействия на адресата.

Тенденции к смягчению стратегий воздействия на адресата при помощи маркеров вежливости, а также к нивелированию запрета и использованию имплицитной формы выражения запрета, как показал наш материал, являются универсальными.

Ситуативный подход к изучению языковой репрезентации концепта «запрет» в общественных знаках позволил установить отраженные в запретах ценности и нормы общественной жизни, а также реалии материальной культуры.

Исследование языковой репрезентации концепта «запрет» в общественных знаках подтвердило, что немецкая культура является культурой с высоким уровнем избегания неопределенности, для которой характерны высокая потребность в законах, правилах, подробных инструкциях, отсутствие склонности к риску и отклонений от норм и предписаний. Для культур с низким уровнем избегания неопределенности, к которым относится русская культура, характерна склонность к риску, отсутствие потребности в подробных инструкциях и предписаниях, импровизация в нестандартных и непредсказуемых ситуациях.

Итак, изучение репрезентации концепта «запрет» в общественных знаках на материале разных языков позволило выявить ценностные характеристики отдельных лингвокультур и проследить основные тенденции развития общества. Полученные результаты не исчерпывают всего содержания рассматриваемой проблемы. В качестве исследовательской перспективы представляет интерес изучение концепта «запрет» в русле когнитивного направления, исследование данного концепта на материале текстов других типов и других языков, рассмотрение общественных знаков с позиции лингвопрагматики, а также в аспекте перевода.

## СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. – Т. 1: Лексическая семантика. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры»; Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 472 с.
2. Аринштейн В.М. Функциональное взаимодействие разноуровневых средств выражения прохибитива в английском языке // Семантико-функциональные поля в лексике и грамматике. – Л.: ЛГПИ, 1990. – С. 3–11.
3. Аринштейн В.М. Этноспецифические особенности оформления «публичных директивов» и национальный характер языковой общности // Язык и социокультурный контекст (материалы к спецкурсу). – СПб., 2001. – С. 77–90.
4. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 978 с.
6. Астапенко Е.В. Высказывания о ситуациях запрета как феномен английского языка и как феномен американской культуры: Дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2004. – 147 с.
7. Бабаева Е.В. Лингвокультурные характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: Дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2004. – 438 с.
8. Бабаева Е.В. Культурно-языковые характеристики отношения к собственности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1997. – 24 с.
9. Бабаева Е.В. Собственность // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С. 459–467.
10. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 1998. – 41 с.
11. Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур / Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2000. – 240 с.

12. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
13. Бенедиктов Н.А. Русские святыни. – М.: Алгоритм, 2003. – 272 с.
14. Бердяев Н.А. Судьба России: Сочинения. – М.: ЗАО «Изд-во ЭКСМО-Пресс»; Харьков: Фолио, 1998. – С. 271–350.
15. Богатырева Н.А., Ноздрина Л.А. Стилистика современного немецкого языка = *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache*: Учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. – М.: Изд. центр «Академия», 2005. – 336 с.
16. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. изд. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – С. 25–36.
17. Бондаренко В.Н. Аналитические и синтетические способы выражения модальности в немецком языке // Иностранные языки в школе. – 1978. – № 4. – С. 31–37.
18. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л.: «Наука», Ленингр. отделение, 1971. – 114 с.
19. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка (для институтов и факультетов иностранных языков): Учебник. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1990. – 320 с.
20. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
21. Введенская Л.А., Пономарева А.М. Русский язык: культура речи, текст, функциональные стили, редактирование: Учеб. пособие для учащихся общеобразовательных школ, студентов и преподавателей педагогических колледжей и училищ. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Изд. центр «МарТ», 2005. – 384 с.
22. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
23. Вежицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 15. Лингв. прагматика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 251–276.

24. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
25. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2002. – 380 с.
26. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – М., 1999. – 205 с.
27. Винокур Г.О. Культура языка / Предисл. Л.П. Крысина. – 3-е изд., доп. – М.: КомКнига, 2006. – 352 с.
28. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филол. науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
29. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
30. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы): Монография. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.
31. Гак В.Г. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000.
32. Герасимова И.А. Деонтическая логика и когнитивные установки // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 7–16.
33. Гладуш Н.Ф. О факторах директивной интерпретации повествовательных предложений // Прагматические и текстовые характеристики текстовых и коммуникативных единиц: Сб. науч. тр. – Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 1987. – С. 18–26.
34. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М.: Наука, 1993. – С. 158–218.
35. Голуб И.Б. Конспект лекций по литературному редактированию: Курс лекций. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – 432 с.

36. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. – М.: Изд. центр «Академия», 2006. – 336 с.
37. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
38. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
39. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
40. Гумеров П. Малая Церковь. Жизнь семьи в современном мире. – М.: Сретенский монастырь, 2008. – 240 с.
41. Дзыгивский П.И. Запрет как форма социальной идентификации: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – СПб., 1999. – 21 с.
42. Дмитриев П.И. Как осознать себя? Россия: вера, народ, судьба. – СПб.: САТИСЪ: ДЕРЖАВА, 2007. – 141 с.
43. Жельвис В. Эти странные русские. – М.: Эгмонт Россия Лтд., 2002. – 96 с.
44. Елизарова Г.В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: КАРО, 2005. – 352 с.
45. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. изд. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 2001. – С. 36–45.
46. Здравствуй, Германия! – М.: Рольф, 2001. – 304 с.
47. Зубкова Я.В. Пунктуальность // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – 512 с.
48. Ивин А.А. Логика: Пособие для учащихся. – М.: Просвещение, 1996. – С. 15–164.
49. Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 гг.: В 2 т. – М.: МП «Рарог», 1992. – Т. 1. – 344 с.
50. Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.

51. Кантор В.К. Между произволом и свободой. К вопросу о русской ментальности. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 272 с.
52. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3–16.
53. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
54. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. изд. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 2001. – С. 75–80.
55. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С. 12–13.
56. Карасик В.И., Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чужак». – М.: Гнозис, 2006. – 239 с.
57. Касьянова К. О русском национальном характере. – М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 560 с.
58. Козина О.Г. Грех. Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С. 293–303.
59. Колесов В.В. Культура речи – культура поведения. – Л.: Лениздат, 1988. – 271 с.
60. Колпакова Г. Запреты в жизни ребенка. <http://www.centresh.ru/article.php?id=25>
61. Коржова С.Б., Лыкова Н.Н. Выражение запрета в современном французском языке. <http://frgf.utmn.ru/No8/text2.htm>
62. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
63. Крейг Г. Немцы. – М.: Ладомир, 1999. – С. 8–32.

64. Крысько В.Г. Этнопсихология и межнациональные отношения: Курс лекций. – М.: Экзамен, 2002. – 448 с.
65. Кубрякова Е.С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. – М., 1996. С. 90–93.
66. Кузин И.В. Онтология запрета // Образование и насилие: Сб. статей / Под ред. К.С. Пигрова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 109–115.
67. Кузьменкова Ю.Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. – М.: Изд. дом ГУВШЭ, 2005. – 316 с.
68. Кузьмишина Т.Л. Особенности отношения детей старшего дошкольного возраста к родительским требованиям и запретам: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2006. – 23 с.
69. Культурология. XX век: Словарь. – СПб.: Университетск. книга, 1997. – 640 с.
70. Кураев Г.А., Пожарская Е.Н. Этническая психология: Курс лекций: Учеб. пособие. – Ростов н/Д: Изд-во ООО «ЦВВР», 2000. – 233 с.
71. Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории и культуре / Сост., подгот. текста и вступ. статья Д.Н. Бакуна. – М.: Российский фонд культуры, 2006. – 336 с.
72. Лицукова Л. Сравнительный анализ взаимодействия родителей с подростками в русскоязычных эмигрантских и коренных немецких семьях // Психологические проблемы русских эмигрантов в Германии: Сб. тр. бакалавров СПбГУ. – Вып. 2000 и 2001 гг., Берлин / Сост. Н.С. Хрусталева; Отв. ред. А.А. Крылов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – С. 170–181.
73. Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
74. Лосский Н.О. Характер русского народа. – М.: Изд. совет Русской Православной Церкви: Изд-во «Дар», 2005. – 336 с.

75. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. – М.: Дело, 2001. – 446 с.
76. Мадьярова А.Е. Исследования выражения запрета в современной лингвистике // Тезисы докладов 5-й российской университетско-академической научно-практической конференции / Отв. ред. В.А. Журавлев, С.С. Савинской. – Ижевск, 2001. – 159 с.
77. Майол Э., Милстед Д. Эти странные англичане. – М.: Эгмонт Россия Лтд., 2001. – 72 с.
78. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высших учеб. заведений. – 3-е изд., испр. – М.: Изд. центр «Академия», 2007. – 208 с.
79. Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. – СПб.: Речь, 2003. – 320 с.
80. Мельникова Е.Н. Россия: интеллект и выживание. – М.: Бослен, 2006. – 608 с.
81. Милановић М. Реализација говорних чинова у јавним натписима у српском језику // Славистика. Књига IX. – Београд: Славистичко друштво Србије, 2005. – С. 94-102.
82. Михалькевич Г.Н. Этикет международного общения: Учеб. пособие. – М.: Книжный дом, 2004. – 272 с.
83. Овчинников В.В. Сакура и дуб: Ветка сакуры; Корни дуба. – М.: Дрофа, 2004. – 512 с.
84. Ольшанский И.Г. Лингвокультурология в конце XX в.: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 26–55.
85. Павлов В.О. Русские и английские public directives в межкультурном контексте // Язык и межкультурная компетенция: Сб. ст. по материалам международной научно-практической конференции 28–29 марта 2007 г. / Под общ. ред. Э.И. Цыпкина. – Петрозаводск: Изд-во КПГУ, 2007. – С. 63–66.

86. Павловская А.В. Как иметь дело с русскими: Путеводитель по России для деловых людей. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 96 с.
87. Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001. – 23 с.
88. Панищев А.Л. Право и долг в российском самосознании // Картина мира и способы ее репрезентации. – Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 2003. – С. 200–204.
89. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки, 2003. – 59 с.
90. Попова З.Д., Стернин И.А. Через семантику языка к концептосфере народа // Вторая международная конференция по когнитивной науке: Тез. докл.: В 2 т. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – Т. 2. – С. 398.
91. Попович Л. Дискурс публичных надписей в коммуникативном поведении русских и сербов // Коммуникативное поведение. – Вып. 22. Коммуникативное поведение славянских народов / Под ред. П. Пипера и И.А. Стернина. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 61–84.
92. Прохвачева О.Г. Приватность // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С. 142–155.
93. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 326 с.
94. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 176 с.
95. Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов / Под ред. В.А. Виноградова. – 5-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 536 с.
96. Рогозянский А.Б. Хочу или надо? О свободе и дисциплине при воспитании детей. – М.: Лепта-Пресс, 2004. – 265 с.
97. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 399 с.
98. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. – 7-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 448 с.

99. Роменская М.Ю. Выражение запрета в русском языке как проявление прагматической стороны языка // Личность, речь и юридическая практика: Межвуз. сб. науч. тр. – Ростов н/Д: Ростовск. юр. ин-т, 2002. – Вып. 5. – С. 113–116.
100. Роменская М.Ю. Микрополе косвенного запрета функционально-семантического поля запрета в современном русском языке // Речевая деятельность и текст: Межвуз. сб. науч. тр. – Таганрог: Изд-во Таганрогск. гос. пед. ин-та, 2002. – С. 185–189.
101. Роменская М.Ю. Функционально-семантическое поле запрета в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 2003. – 22 с.
102. Рот Ю., Коптельцева Г. Межкультурная коммуникация. Теория и тренинг: Учеб.-метод. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 223 с.
103. Русинова Т.В. Особенности функционирования запрета: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 24 с.
104. Русские и «русскость»: Лингвокультурологические этюды / Сост. В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2006. – 336 с.
105. Рябов О.В. Матушка-Русь в немецкой историософии: к вопросу о гендерном аспекте межкультурной коммуникации // Гендер: язык, культура, коммуникация: Докл. первой междунар. конф. – М.: МГЛУ, 2001. – С. 47–60.
106. Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. – М.: Альфа-М: Инфра-М, 2004. – 288 с.
107. Садохин А.П. Этнология: Учеб. пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Альфа-М: Инфра-М, 2004. – 352 с.
108. Сарайкина О.В. Репертуар языковых средств выражения семантики запрета: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 22 с.
109. Семенюта Н.Н. Запреты и ограничения в правовом регулировании трудовых отношений в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Екатеринбург, 2000. – 26 с.

110. Сергеева А.В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 320 с.
111. Сергеева А.В. Какие мы, русские? (100 вопросов – 100 ответов): Книга для чтения о русском национальном характере. – М.: Рус. яз.: Курсы, 2006. – 336 с.
112. Серль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия и исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 18. – М.: Прогресс, 1986. – С. 242–264.
113. Скрипаенко А.Н. Структурно-семантические и прагматические свойства высказываний со значением институционализированного запрета (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2007. – 21 с.
114. Скрипаенко А.Н. Исследования концепта «запрет» в русистике // Электронный вестник Центра переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению / Филологический факультет СПбГУ. – Вып. 3. – 2006. – 5 с.
115. Слепченко Ю.Н. Запреты в административном праве: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. – Воронеж, 2002. – 24 с.
116. Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис. – 3-е изд. / Л.А. Новиков, Л.Г. Зубкова, В.В. Иванов и др.; Под общ. ред. Л.А. Новикова. – СПб.: Лань, 2001. – 864 с.
117. Солохина А.С. Свобода // Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. – С. 165–182.
118. Спиркин А.Г. Философия: Учебник. – М.: Гардарики, 2004. – 736 с.
119. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академ. проект, 2001. – 990 с.
120. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 2001. – С. 58–65.

121. Стернин И.А. О национальном коммуникативном сознании.  
[http://sternin.adeptis.ru/articles\\_rus.html](http://sternin.adeptis.ru/articles_rus.html)
122. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 367 с.
123. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки и культуры», 1996. – 284 с.
124. Телия В.Н. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / В.Н. Телия, Т.А. Графонова, А.М. Шаранович и др.; АН СССР, Ин-т языкозн.-я. – М.: Наука, 1991. – 214 с.
125. Теория функциональной грамматики: темпоральность. Модальность: Коллект. монография. – Л.: Наука, 1990. – 263 с.
126. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. Вопросы теории и практики межкультурной и межкультурной коммуникации: Учеб. пособие. – М.: Астрель: Хранитель, 2007. – 286 с.
127. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – 2-е изд., доработ. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.
128. Томейлин Б. Германия. – М.: Астрель, 2007. – 159 с.
129. Трофимов В.К. Душа русского народа: Природно-историческая обусловленность и сущностные силы. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998. – 159 с.
130. Тхорик В.И., Фанян Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. – М.: ГИС, 2005. – 260 с.
131. Финогентов В.Н. Свобода человека: автономия и теонимия (диалог с русскими религиозными философами) // Личность. Культура. Общество: Международный журнал социальных и гуманитарных наук. – Спец. вып. 1 (35). – М., 2007. – С. 70–92.
132. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учеб. пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. – М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 492 с.

133. Франц И. Психологические особенности готовности ребенка к школе в России и Германии // Психологические проблемы русских эмигрантов в Германии: Сб. тр. бакалавров СПбГУ. – Вып. 2000 и 2001 гг., Берлин / Сост. Н.С. Хрусталева; Отв. ред. А.А. Крылов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – С. 56–64.
134. Фрейд З. “Я” и “ОНО”. Труды разных лет. – Кн. 1. – Тбилиси: Мерани, 1991. – 397 с.
135. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1990. – 272 с.
136. Хоанг Ань. Высказывания со значением разрешения и запрещения в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1993. – 20 с.
137. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология прохибитива // Семантика и типология императива. – М., 2001. – С. 89–107.
138. Хренов Н.А. Русский Протей. – СПб.: Алетейя, 2007. – 400 с.
139. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: Учеб. пособие / А.Т. Хроленко, В.Д. Бондалетов. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 184 с.
140. Цемиш С. Особенности социализации детей в смешанных семьях // Психологические проблемы русских эмигрантов в Германии: Сб. тр. бакалавров СПбГУ. – Вып. 2000 и 2001 гг., Берлин / Сост. Н.С. Хрусталева; Отв. ред. А.А. Крылов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2001. – С. 74–85.
141. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. – 3-е изд., испр. – М.: КомКнига, 2006. – 280 с.
142. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – 281 с.
143. Шатуновский И.Б. Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке // Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 319–324.
144. Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 2007. – С. 3–17.

145. Шендельс Е.И. Отрицание как лингвистическое понятие (на материале немецкого языка) // Ученые записки. Общее языкознание, грамматика, лексика и стилистика. – Т. XIX. – М., 1959. – С. 125–142.
146. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
147. Шмелева Е.А. Разрешение и запрещение как побудительные речевые акты // Функционально-типологические аспекты анализа императива. – Ч. 2. – М., 1990. – С. 66–71.
148. Яковлева Т.А. Семантика и прагматика императивных и прохибитивных конструкций в текстах полезных советов и инструкций // Актуальные проблемы семасиологии: Межвуз. сб. науч. тр. – Л.: РПГУ, 1991. – С. 133–141.
149. Arnold M., O'Reilly C. Interkultureller Training in Deutschland. Theoretische Grundlagen, Zukunftsperspektiven und eine annotierte Literaturliste. – Frankfurt am Main; London: IKO, 2005. – 274 S.
150. Baumgart A., Jäneckel B. Russlandknigge. – München; Wien: R. Oldenbourg Verlag, 1997. – S. 89–104.
151. Bausinger H. Typisch deutsch. Wie deutsch sind die Deutschen? – Verlag C.H. Beck, 2005. – 176 S.
152. Behal-Thomsen H., Lundquist-Mog A., Mog P. Typisch deutsch? Arbeitsbuch zu Aspekten deutscher Mentalität. – Berlin; München; Wien; Zürich; New York: Langenscheidt, 2000. – 144 S.
153. Bünting K.-D., Pospiech U. Ratgeber: Briefe, E-Mails, SMS. – Königswinter: Tandem Verlag GmbH, 2004. – 320 S.
154. Casper-Hehne H. Deutsch-amerikanische Alltagskommunikation. Zur Beziehungsarbeit in interkulturellen Gesprächen. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2006. – 542 S.
155. Die allerschönsten Geistesblitze. Die witzigsten Zitate und Sprüche der Welt / Herausgegeben von Tania Schlie, Hubertus Rabe und Johannes Tiele. – Berlin: Ullstein Buchverlage GmbH, 2005. – 105 S.

156. Die Russen sind ein irrationales Volk. Ein Gespräch mit der Mentalitätsforscherin Gudrun Jerschow. MDZ 15.04.2006.  
[http://de.f260.mail.yahoo.com/ShowLetter?MsgId=4\\_113137\\_85626](http://de.f260.mail.yahoo.com/ShowLetter?MsgId=4_113137_85626)
157. Dinges M. Neue Kulturgeschichte // Lüsebrink H.-J. (Hrsg.) Konzepte der interkulturellen Kommunikation. Theorieansätze und Praxisbezüge in interdisziplinärer Perspektive. – Röhrig Universitätsverlag GmbH, 2004. – S. 201–221.
158. Ertelt-Vieth A. Interkulturelle Kommunikation und kultureller Wandel. Eine empirische Studie zum russisch-deutschen Schüleraustausch. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2005. – 391 S.
159. Fisher-Ruge L. Alltag in Moskau. – Fischer Taschenbücher Verlag, 1990. – 204 S.
160. From nyet to da. Understanding the Russians. – Revised and updated edition. George W. Renwich, series editor. Yale Richmond: Intercultural press, inc., 1996. – 191 p.
161. Gorski M. Gebrauchsanweisung für Deutschland. – München: Piper Verlag GmbH, 2002. – 173 S.
162. Götze L. Die Leitbegriffe Kultur und Interkulturalität aus der Sicht der Linguistik / Lüsebrink H.-J. (Hrsg.) Konzepte der interkulturellen Kommunikation. Theorieansätze und Praxisbezüge in interdisziplinärer Perspektive. – Röhrig Universitätsverlag GmbH, 2004. – S. 33–45.
163. Götze L., Hess-Lüttich W.B. Grammatik der deutschen Sprache. Sprachsystem und Sprachgebrauch. – München: Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH Gütersloh, 1999. – 702 S.
164. Grieswelle D. Mangelnde Integration und extremer Nationalismus. Der politische Mythos des Nationalsozialismus als Identitätsangebot // Heimat und Nation. Zur Geschichte und Identität der Deutschen. – Mainz: Hase und Koehler Verlag. – 342 S.

165. Hansen M., Zuber B. Zwischen den Kulturen. Strategien und Aktivitäten für landeskundliches Lehren und Lernen. – Berlin: Druckhaus Langenscheidt, 1996. – 96 S.
166. Heringer H.-J. Interkulturelle Kommunikation. – Tübingen und Basel: Francke Verlag, 2004. – 240 S.
167. Hinnenkamp V. Rassismus und Diskriminierung in Alltagsdiskursen. [www.fh-fulda.de/uploads/media/rassismus\\_diskriminierung\\_01.pdf](http://www.fh-fulda.de/uploads/media/rassismus_diskriminierung_01.pdf)
168. Hofstede G., Hofstede G.J. Lokales Denken, globales Handeln. Interkulturelle Zusammenarbeit und globales Management. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2006. – 555 S.
169. Hornscheidt A. «Kultur» in der gängigen Forschungs- und Ratgeberliteratur zu interkultureller Kommunikation. Ausgewählte skandinavisch-deutsche Beispiele // Muttersprache. Vierteljahresschrift für deutsche Sprache. – № 1 März Jahrgang 115, 2005. – Gesellschaft für deutsche Sprache (GfdS) Wiesbaden, 2005. – S. 1–20.
170. House J. Zum Erwerb interkultureller Kompetenz im Unterricht des Deutschen als Fremdsprache. [http://www.spz.tu-darmstadt.de/projekt\\_ejournal/jg\\_01\\_3/beitrag/house.htm](http://www.spz.tu-darmstadt.de/projekt_ejournal/jg_01_3/beitrag/house.htm)
171. Jamšanowa V.A. Zu einem neuen Berufsbild des Germanisten in Russland // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch GUS 2005. – Bonn: Deutscher Akademischer Austauschdienst, 2005. – S. 45–56.
172. Knapp-Potthoff A., Liedke M. Aspekte interkultureller Kommunikationssfähigkeit. – München: Judicium, 1997. – 207 S.
173. König A. Der anthropologische Kulturbegriff und seine Probleme mit der Praxis / Lüsebrink H.-J. (Hrsg.) Konzepte der interkulturellen Kommunikation. Theorieansätze und Praxisbezüge in interdisziplinärer Perspektive. – Röhrig Universitätsverlag GmbH, 2004. – S. 15–33.
174. Kronenberg A. Verbotsschilder. [http://www.gedichte-garten.de/artman/art/beitrag\\_374.shtml](http://www.gedichte-garten.de/artman/art/beitrag_374.shtml)

175. Kumbier D., Schulz von Thun F. Interkulturelle Kommunikation: Methoden, Modelle, Beispiele. – Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH, 2006. – 352 S.
176. Litschew A. Rußland verstehen: Schlüssel zum russischen Wesen. – Düsseldorf: Grupello Verlag, 2001. – 133 S.
177. Losche H. Interkulturelle Kommunikation: Sammlung praktischer Spiele und Übungen. – Augsburg: ZIEL GmbH, 2005. – 228 S.
178. Löwe B. Kulturschock Russland. – Reise Know-How Verlag Peter Rump GmbH, 1999. – 240 S.
179. Lüger H.-H. Aufforderung und Gesichtsschonung in Behördetexten // Höflichkeitsstile / Heinz-Helmut Lüger. – 2., korrigierte Aufl. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles, New York; Oxford; Wien: Lang, 2002. – S. 165–184.
180. Lyskov-Strewe V.; Schroll-Machl S. Russland // Thomas A.; Kammhuber S.; Schroll-Machl S. (Hg.) Handbuch interkulturelle Kommunikation und Kooperation. – Band 2: Länder, Kulturen und interkulturelle Berufstätigkeit. – Göttingen: Wanderhoeck&Ruprecht, 2003. – S. 102–118.
181. Maletzke G. Interkulturelle Kommunikation: zur Interaktion zwischen Menschen verschiedener Kulturen. – Opladen: Westdt. Verl., 1996. – 226 S.
182. Moosmüller A. Das Kulturkonzept in der Interkulturellen Kommunikation aus ethnologischer Sicht / Lüsebrink H.-J. (Hrsg.) Konzepte der interkulturellen Kommunikation. Theorieansätze und Praxisbezüge in interdisziplinärer Perspektive. – Röhrig Universitätsverlag GmbH, 2004. – S. 45–69.
183. Neef Ch. Russland – Geschichte eines zerrissenen Landes. – Berlin: Aufbau-Verlag, 1995. – S. 7.
184. Nuss B. Das Faust Syndrom: Ein Versuch über die Mentalität der Deutschen. – Bonn, 1993. – S. 45–46.
185. Rathmayr R. «K sebe» – «ziehen», «ot sebja» – «drücken». Strukturen deutscher und russischer öffentlicher Aufschriften // Linguistische Arbeitsberichte 70, 1989. – S. 65–73.

186. Roth J. Blickwechsel. Beiträge zur Kommunikation zwischen den Kulturen. – Münster; New York; München; Berlin: Waxmann, 2003. – 255 S.
187. Roth K. Kulturwissenschaften und interkulturelle Kommunikation: Der Beitrag der Volkskunde zur Untersuchung interkultureller Interaktionen / Lüsebrink H.-J. (Hrsg.) Konzepte der interkulturellen Kommunikation. Theorieansätze und Praxisbezüge in interdisziplinärer Perspektive. – Röhrig Universitätsverlag GmbH, 2004. – S. 115–145.
188. Scharlott J. Sprachnormen und Mentalitäten. Sprachbewusstseingeschichte in Deutschland im Zentrum von 1766–1785. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2005. – 561 S.
189. Scholz Ch. Der betriebswirtschaftliche Ansatz zur Kulturforschung: Kulturen instrumentalisieren und interpretieren / Lüsebrink H.-J. (Hrsg.) Konzepte der interkulturellen Kommunikation. Theorieansätze und Praxisbezüge in interdisziplinärer Perspektive. – Röhrig Universitätsverlag GmbH, 2004. – S. 221–241.
190. Schroll-Machl S. Die Deutschen – Wir Deutsche. Fremdwahrnehmung und Selbstsicht im Berufsleben. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003. – 216 S.
191. Schroll-Machl S. Deutschland // Thomas A., Kammhuber S., Schroll-Machl S. (Hg.) Handbuch interkulturelle Kommunikation und Kooperation. – Band 2: Länder, Kulturen und interkulturelle Berufstätigkeit. – Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 2003. – S. 72–89.
192. Snell-Hornby M. Kontrastive Linguistik / Snell-Hornby M., Honig H., Kußmaul P., Schmidt P. (Hrsg.) Handbuch Translation. – StauFFensburg Verlag, 1998. – 434 S.
193. Stalb H. Deutsch für Studenten. Text- und Übungsbuch. – München: Verlag für deutsch, 1981. – 148 S.
194. Thomas A. Kulturverständnis aus Sicht der Interkulturellen Psychologie: Kultur als Orientierungssystem und Kulturstandards als Orientierungshilfen / Lüsebrink H.-J. (Hrsg.) Konzepte der interkulturellen Kommunikation.

- Theorieansätze und Praxisbezüge in interdisziplinärer Perspektive. – Röhrig Universitätsverlag GmbH, 2004. – S. 145–157.
195. Wagner W. Kulturschock Deutschland: der zweite Blick. – Hamburg: Rotbuch Verlag, 1999. – 196 S.
196. Walf Ch. Die Russen sind ein irrationales Volk. Ein Gespräch mit der Mentalitätsforscherin G. Jerschow. MDZ 2006–04–15 <http://62.5.183.114/index.php?date=1145113486&gid=6>
197. Was denken Russen über Deutschen? Что думают русские о немцах? Aus der Hörerpost der Deutschen Welle Из писем радиослушателей Немецкой волны. – Köln: Deutsche Welle Osteuropa-Redaktion, 1999. – 111 S.
198. Weatherford J. McIver. Deutsche Kultur, amerikanisch betrachtet. – Berlin: Tintenfisch 15, Wagnbach, 1978. – S. 82–85.
199. Weinrich H. Textgrammatik der deutschen Sprache / von M. Thurmair, E. Breindl, E.-M. Willkop. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1993. – 1111 S.
200. Werlen E. Sprache, Kommunikationskultur und Mentalität. Zur sozio- und kontaktlinguistischen Theoretisierung und Methodologie. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1998. Reihe Germanistische Linguistik, 194. – 390 S.
201. Westphalen J. von. So sind wir nicht!: elf deutsche Eiertänze. – Frankfurt: Eichborn, 2000. – 175 S.
202. Willnauer J.-M. Die Steiermark in Wort und Schild. – Wien; Köln: Verlag Styria Graz, 2002. – 139 S.
203. Yoosefi T., Thomas A. Beruflich in Russland. Trainingsprogramm für Manager, Fach- und Führungskräfte. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2003. – 132 S.
204. Zeidenitz S., Barkow B. Die Deutschen pauschal. Aus dem Englischen von Oliver Koch. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 1997. – 140 S.
205. Zeuner U. Landeskunde und interkulturelles Lernen. Eine Einführung. – Dresden: Technische Universität, 2001. – 130 S.

## СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – 1536 с. [К].
2. Большой немецко-русский словарь. – 9-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2002. – 1040 с. [БНРС].
3. Гудков В.П., Иванович С. Сербско-русский и русско-сербский словарь. – М.: Рус. яз.: Медиа, 2006. – 439 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. яз., 1998. – Т.1: А – З. – 1998. – 699 с.
5. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3 т. М.: Астрель, 2006. – Т.1: А – Л. 1165 с. [Е].
6. Иллюстрированный словарь английского языка Оксфорд / Ред. Л.П. Попова, Л.С. Робатень. – М.: Астрель Аст, 2002. Darling; Kindersley; London; New York; Sydney; Moscow; Oxford: University Press Oxford New York. – 1008 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990 – 685 с. [ЛЭС].
8. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. – М.: Эксмо, 2007. – 928 с. [ЛЛ].
9. Немецко-русский словарь / Под ред. А. Лепинга и Н.П. Страховой. – М.: Рус. яз., 1976. – 987 с. [НРС].
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1984. – 815 с. – О.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М., 2002. – 960 с. [ОШ].
12. Рахманов И.В., Минина Н.М., Мальцева Д.Г., Рахманова Л.И. Немецко-русский синонимический словарь. – М.: Рус. яз., 1983. – 704 с.
13. Рождественский Ю.В. Словарь терминов (Общеобразовательный тезаурус): Мораль. Нравственность. Этика. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 88 с.

14. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН; Ин-т рус. яз. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. – 423 с.
15. Русско-немецкий словарь / Под ред. Е.И. Лепинг, Н.П. Страховой, К. Лейна и Р. Эккерта. – М.: Рус. яз., 1978. – 847 с.
16. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Т.1: А – Й. – 702 с. [MAC].
17. Словарь синонимов. – Л.: Наука, 1975 г. – 648 с. [C].
18. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 4.: Ж – З. – 1363 с. – БАС.
19. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. 2. В. – 1393 с. [БАС].
20. Современная философия. Словарь и хрестоматия. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – 511 с.
21. Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова: В 4 т. – М.: Огиз: Сов. энциклопедия, 1935. – Т. 1: А – Кюрины. – 1562 с. [У].
22. Longman Essential Activator. Addison Wesley Longman Limited, 2000. – Printed in China. – 997 p.
23. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Printed in Spain by Cayfosa-Quebecor, Barcelona, 2000. – 1508 p.
24. Duden das Bedeutungswörterbuch. – 3 / neu bearbeitete und erweiterte Auflage. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2002. – 1103 S. [DB].
25. Duden das größte Wörterbuch der deutschen Sprache. – In zehn Bänden. – 3 / völlig neu bearbeitete und erweiterte Auflage; Hrsg. vom Wissenschaftlichen Rat der Dudenredaktion. – Band 9: Tach – Vida. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1999. – 4320 S. [D9].

26. Duden Deutsches Universalwörterbuch. 4 / neu bearbeitete und erweiterte Auflage. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 2001. – 1892 S. [DDU].
27. Wörter und Wendungen: Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch / VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1975. – 818 S.
28. Der kleine Duden. Der passende Ausdruck. Ein Synonymwörterbuch für die Wortwahl. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1990. – 416 S.
29. Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache / VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1978. – 643 S.
30. Schemann Deutsche Idiomatik. Die deutschen Redewendungen im Kontext / von Prof. Dr. Hans Schemann. – Stuttgart; Dresden: Ernst Klein Verlag für Wissen und Bildung, 1993. – 1037 S.
31. Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: in zwei Bänden / von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von Günter Kempcke. – Berlin: Akademie Verlag, 1984. – Band 2: L – Z. – S. 707–1399. [HDG].
32. Grosses Wörterbuch Deutsch. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. – Köln: Buch und Zeit Verlagsgesellschaft mbH., 1995. – 446 S.
33. Langenscheidt Grosswörterbuch Deutsch als Fremdsprache. – Berlin; München; Wien; Zürich; New York, 1997. – 1213 S. [L].

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Heinrich Klar. Warnen Werben Informieren Schilder- und Etikettenfabrik GmbH&Co. KG Wuppertal, 2004. – 187 S.

Klaus Kroschke. Kroschke sign-international GmbH Braunschweig, 2004. – 552 S.

[www.schilder-klar.de](http://www.schilder-klar.de)

[www.arbeitsschutt-klar.de](http://www.arbeitsschutt-klar.de)

[www.psa-klar.de](http://www.psa-klar.de)

[www.mercateo.com/kw/verbotsschilder/verbotsschilder.htm](http://www.mercateo.com/kw/verbotsschilder/verbotsschilder.htm)

[www.kaufengel.de/Verbotsschilder-33196.html](http://www.kaufengel.de/Verbotsschilder-33196.html)

[www.cojito.de/produktliste\\_verbotsschilder\\_3828\\_1.htm](http://www.cojito.de/produktliste_verbotsschilder_3828_1.htm)

[www.wolkdirekt-verbotsschilder.de](http://www.wolkdirekt-verbotsschilder.de)

[www.Jekoo.com/Verbotsschilder](http://www.Jekoo.com/Verbotsschilder)

<http://www.hotplot.de/schilder/index.htm>

<http://www.schilder.com/schilder/verbotsschilder.htm>

[www.teachers.ash.org.au/dnutting/germanaustralia/d/d-verbot.htm](http://www.teachers.ash.org.au/dnutting/germanaustralia/d/d-verbot.htm)

[http://66.249.93.104/search?q=cache:sWY80foj6RoJ:www.lajupf.de/download/jugonet/gd\\_gegenrechts.doc+Verbotsschilder,+Auslaender&hl=ru&gl=de&ct=clnk&cd=5](http://66.249.93.104/search?q=cache:sWY80foj6RoJ:www.lajupf.de/download/jugonet/gd_gegenrechts.doc+Verbotsschilder,+Auslaender&hl=ru&gl=de&ct=clnk&cd=5)

<http://www.sprich-deutsch.de/html/deutschkurse-malaga-spanien-st.html>

<http://www.isoplan.de/aid/index.htm?http://www.isoplan.de/aid/2005-1/integration.htm>

[http://www.school2000.de/schule/referate/006608\\_arbeitsschutzgesetz.htm](http://www.school2000.de/schule/referate/006608_arbeitsschutzgesetz.htm)

[http://www.hna.de/streifzug/001m\\_Schilderwald.html](http://www.hna.de/streifzug/001m_Schilderwald.html)

[http://www.wdr.de/tv/service/verkehr/inhalt/20041019/b\\_4.phtml](http://www.wdr.de/tv/service/verkehr/inhalt/20041019/b_4.phtml)

<http://www.dadc.de/Tests/Reisetests/schilderwald/default.asp?TL=2>

[http://www.niz.de/nrz/extra1.startseite\\_82881.php](http://www.niz.de/nrz/extra1.startseite_82881.php)

<http://www.kinderministerium.de/index.php?cid=382>

<http://www.radarforum.de/messages/131/5317.html>

[http://www.lexikonia.de/184091\\_verbot.htm](http://www.lexikonia.de/184091_verbot.htm)

<http://regenbogen.kraetzae.de/ausgaben/23/gegenerziehung>

<http://garmoniya.info/page.pl?part=childhood&page=zapret>

<http://de.wikipedia.org/wiki/Antip%C3%A4dagogik>

[[http://www6.in.tum.de/lehre/seminare/archiv/hs\\_ws9596/ausarb/maierlp.ps.gz](http://www6.in.tum.de/lehre/seminare/archiv/hs_ws9596/ausarb/maierlp.ps.gz).]